

**UNIVERSITATEA DIN BUCUREȘTI
FACULTATEA DE LIMBI ȘI LITERATURI STRĂINE**

**CATEDRA DE FILOLOGIE RUSĂ
LA 60 DE ANI**

FILOLOGIE RUSĂ XXV

COORDONATOR ȘTIINȚIFIC:

prof. dr. ANETA DOBRE

Referenți științifici:

prof. dr. NICOLAE ROȘIANU

prof. dr. GHEORGHE BARBĂ

Colectivul de redacție:

conf. dr. AXINIA CRASOVACHI (redactor șef)

acad. prof. dr. TATIANA BALÎHINA (Rusia)

prof. dr. TATIANA NICOLESCU (Italia)

prof. dr. ZOLTÁN GYÖRKE (Ungaria)

conf. dr. DANA COJOCARU

conf. dr. GALINA GVOZDOVICI (Belarus)

asistent FLORENTINA MARIN (tehnoredactor)

ISSN 1224-2993

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ // КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Анета ДОБРЕ (Румыния), <i>Судьба книги</i>	13
Татьяна НИКОЛЕСКУ (Италия), <i>Тема «Восток и Запад» в русской культуре «Серебряного Века»</i>	18
Павел СИМИНОВСКИЙ (Россия), <i>Социально-педагогические воззрения В.А. Жуковского</i>	24
Мария АНДРЕЙ (Румыния), <i>Об имени Мариула в поэме А. С. Пушкина „Цыганы“</i>	34
Нина НИКИТИНА (Россия), <i>Толстой и Тургенев: между Ясной Поляной и Спасским-Луговинным (к вопросу о genius loci)</i>	44
Людмила БЕЖЕНАРУ (Румыния), <i>Образ России в духовном наследии русского зарубежья (Иван Шмелев и Иван Ильин)</i>	50
Октавија НЕДЕЛКУ (Румыния), <i>Постмодернистички видови у српској књижевности</i>	60
Аксиния КРАСОВСКИ (Румыния), <i>Концепт «любовь» в поэзии Марины Цветаевой</i>	68
Диана ТЕТЯН (Румыния), <i>Методы чтения современной литературы (на основе рассказа венецианка в Набокова)</i>	77
Михаэла МОРАРУ (Румыния), <i>Валентин Распутин: последний срок надежды и любви</i>	83

Антоанета ОЛТЯНУ (Румыния), <i>Владимир Маканин – андеграунд, или антитоталитарная литература</i>	98
Марина ВРАЧУ (Румыния), <i>«Служение муз не терпит суеты...»: к мифологии поэтического творчества Ольги Седаковой</i>	104
Вирждил ШОПТЕРЯНУ (Румыния), <i>Русская „женская проза” на современном этапе</i>	118
Александра ФЕНОГЕН (Румыния), <i>Интерес румынских литераторов и учёных к липованам</i>	124
Александр ВАРОНА (Румыния), <i>Русские-липоване Добруджи в дипломатической переписке Константина Леонтьева</i>	133

ЛИНГВИСТИКА // ДИДАКТИКА

Георге БАРБЭ; Зигфрид ВОЛЬФ (Румыния), <i>Из истории румынской русистики</i>	139
Галина ГВОЗДОВИЧ (Беларусь), <i>О симметрии плана содержания и плана выражения в метаязыке русской и белорусской лингвистики</i>	145
Симион ЮРАК (Румыния), <i>Художественный текст как высшая реальность функционирования языка</i>	156
Йоланта ХОМКО (Польша), <i>Метафорические неологизмы в современном русском языке</i>	167
Елена ГВОЗДОВИЧ (Беларусь), <i>Суффиксальное словообразование как фактор порождения безэквивалентности</i>	173
Золтан ДЬЁРКЕ (Венгрия), <i>Явление паронимии в сфере русско-венгерской фразеологии</i>	181
Мария ОСИАК (Румыния), <i>Значения винительного падежа имён существительных в русском и румынском языках</i>	195
Божена БОЛЕСТА-ВРОНА (Польша), <i>Несколько замечаний о иностранных названиях часов, существующих в русском языке</i>	206
Виктор БОНДАРЕНКО (Россия), <i>О варьировании устойчивых фраз в русской речи</i>	212
Мицуси КИТАДЗЁ (Япония), <i>Посессивность при русском деепричастном обороте</i>	218

Мария ДУМИТРЕСКУ (Румыния), Развитие науки и языковые процессы	228
Алла КОРНЕЕВА (Россия), Экономические термины в современных словарях русской общеупотребительной лексики.....	238
Луиза-Мария ОЛТЯНУ (Румыния), Профессиональный билингвизм в сфере военного общения	247
Кира ПЕШКОВА (Франция), Дидактический аспект сопоставительного изучения специализированных дискурсов	254
Дана КОЖОКАРУ (Румыния), Мультфильмы в преподавании РКИ румынским студентам-русистам	261
Людмила ЯРКИНА (Россия), Обучение основам перевода иностранных студентов-нефилологов	272
Александра НИКОЛЕСКУ (Италия), Романские заимствования как «фонд помощи» в преподавании РКИ	276
ПОСЛАНИЯ	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий номер журнала „Filologie rusă” (*Русская филология*) можем считать особым. Он собирает на своих страницах работы, представленные на состоявшемся в Бухаресте 14 – 16 ноября 2008 года Международном симпозиуме. Эта научная конференция принадлежала ряду мероприятий, посвящённых юбилею Кафедры Русской филологии, Факультета иностранных языков и литератур, Бухарестского университета (60-летие Кафедры и 75-летие русистики в рамках Бухарестского университета). Организаторами этих праздничных мероприятий были – Кафедра Русской филологии и Румынская ассоциация преподавателей русского языка и литературы.

Мы считаем хорошим совпадением, что наш праздник отмечался в рамках *Европейского года межкультурного диалога*, потому что преподавание русского языка, как носителя такой богатой культуры, является реальным и эффективным способом усиления не только диалога между нашими культурами, но и способствующим лучшему взаимопониманию между людьми.

Возвращаясь в прошлое, оцениваем то особое событие, которым оказалось начинание 75 лет назад преподавания русского языка и литературы в нашем университете (в рамках славистики). Это имело важную значимость, потому что с того момента, когда язык и культура другой страны становятся университетским предметом преподавания, подготавливается почва для органического контакта между двумя культурами и для настоящего формирования специалистов в данной области.

Общеизвестно, например, что национальные литературы развиваются не только на основах собственных творческих ресурсов, но являются и результатом комплексного соотношения с другими литературами. Следовательно, проблема межкультурных отношений не касается только сферы влияний, но и глубинных слоёв развития национальной культуры, это усиливает даже индивидуальность, личность воспринимающей культуры. Так что взаимоотношения всегда благоприятны для обеих культур, которые вступают в контакты.

То, что случилось потом, в 1948 году, когда создалось отделение русского языка и литературы (на тогдашнем филфаке) и, соответственно, Кафедры русской филологии, считаем другим важным шагом на пути укрепления и расширения этих отношений. Этот факт означает не только этап к формированию специалистов, но Кафедра стала мощным румынским центром исследования в

области русистики (настоящим вдохновителем этого дела стал тогдашний заведующий кафедрой проф. Михай Новиков). В руководстве кафедры на протяжении времени находились такие известные румынские русисты, как: Екатерина Фодор, Ион Оицэ, Альберт Ковач, Соломон Ваймберг, Вирджил Шоптеряну. Автор этого предисловия, Анета Добре, заведовала этой кафедрой 12 лет, а эстафету она передала коллеге Дане Кожокару.

Но, безусловно, за все достижения кафедры за эти шесть десятилетий мы обязаны тем преподавателям, которые работали на кафедре и вложили в это дело не только свою профессиональность, но и самоотверженность, душевную привязанность. Были такие поколения! Всех не назовёшь, хотя они заслуживают этого. Но хочу упомянуть хотя бы несколько имён: Тамара Гане, Татьяна Николеску, Георге Барбэ, Николае Рошияну, Думитру Балан, Зигфрид Вольф, Михай Еною, Леонида Теодореску, Андрей Иванов, Виктор Васченко, Мирча Георгиу и др.

По случаю любого юбилея, естественно что восстанавливаешь в памяти прошлое, но в равной мере следует выявить имена тех, которые работают в настоящее время на кафедре и вносят свой достойный вклад в развитие современной русистики: проф. д-р Михаэла Морару, проф. д-р Антоанета Олтяну, доц. д-р Симион Юрак, доц. д-р Михай Нистор, доц. д-р Аксиния Красовски, ст. пр. д-р Андрея Дунаева, ст. пр. Антон Брайнер, ассистент Камелия Дину, младший ассистент Флорентина Марин, младший ассистент Юлиана Тимофте.

Культура, как известно, представляет собой саму идентичность нации и в то же время наилучший путь к лучшему взаимопознанию между людьми. Но как мы видим межчеловеческое общение получает ныне другие измерения, не всегда в лучшем направлении. Тут надо учитывать дух века. Лев Толстой отмечал (в 1905 г.), что конец века означает конец определённой концепции, веры и общения между людьми и начало новой концепции, новой веры и нового общения между людьми. Но парадокс нашего нового века состоит в том, что хотя люди создают новые инструменты, новую технику для этого общения, они всё меньше общаются и познают друг друга по настоящему. Не преувеличиваем если скажем, что мир проходит кризис более серьёзный и тревожный, чем экономико-финансовый, а именно самый настоящий духовный кризис (который надо сказать не начинается, а обостряется в наше время – это более длительный процесс). На наш взгляд при существующем дефиците духовности воспитание и образование должны получить адекватную ориентацию. Так что преподавание иностранных языков и культур, в том числе русского языка и культуры, может играть свою специфическую роль в этом контексте. Тот факт, что на наш юбилей приехали отметить вместе с нами этот праздник коллеги из многих

стран – России, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Франции, Италии, Польши, Республики Молдовы, Тайвана, Японии – показывает не только интерес к изучению русского языка в мире, но в то же время красивую коллективную солидарность. В этой связи хочу поблагодарить за послания, полученные по этому случаю от университетов из России и не только, а также обращение к нашей конференции со стороны МАПРЯЛ и от директора Музея-усадьбы Л. Толстого в Ясной Поляне. Все эти послания переданы в конце нашего журнала. Пологается также выразить нашу благодарность всем партнёрам и спонсорам¹, которые помогли нам организовать эти юбилейные мероприятия на достойном уровне.

проф. д-р АНЕТА ДОБРЕ

¹ Fundația EURISC, Comunitatea Rușilor Lipoveni din Romania, Prosper ASE Language Centre, SIF Muntenia S.A., News Outdoor Romania

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ • КУЛЬТУРОЛОГИЯ

СУДЬБА КНИГИ

Анета ДОБРЕ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: книга, темпоральное измерение чтения, чтение//перечтение

Книга, как единица художественного творчества имеет свою индивидуальную судьбу; книга, как часть общей культуры имеет всеобщую, «собирательную» судьбу, связанную с явлениями определенной эпохи.

Судьба книги сводится безусловно и к типу рецептора, к отношениям читателей к ней. Ныне единогласно считают, что все больше и больше сужается читающая публика и, прямо говоря, сегодня мало читают. Утверждать, что это только явление нашего века было бы неправильно. Еще во второй половине XIX века английский писатель Оскар Уайльд отмечал: «В прежние времена книги писали писатели, а читали читатели. Теперь книги пишут читатели и не читает никто».

В этих словах, наверное, и намек на новейшие концепции об активной роли и даже сопричастности лектора текста (который становится скриптором), высказанное символистами, но и на эстетизирующие тенденции в литературе (к которым принадлежал сам Уайльд), к которым публика еще не была подготовлена.

Известный румынский поэт Тудор Аргези констатировал и он такой же феномен в первой четверти XX века. Вот, что он писал в 1922 году:

«Никогда книга не имела меньше значения как сегодня, никогда не казался более бесплодным писатель – этот священник языка, которого порою господа сенаторы и депутаты-теоретики так возносят! – никогда не читали так мало.»

Не станем теперь настаивать на чтении, как на социологическом явлении, хотя и этот аспект представляет особый интерес. С другой стороны, само нынешнее отношение к акту творчества, создания книги ее автором, изменяется в духе рыночной экономики. Есть такое модное утверждение – если ты не знаешь как себя продать, ты не творческий человек.

Какие книги преобладают теперь на прилавках и вызывают интерес читателей? На Московской Международной книжной ярмарке (осенью 2008 г.) констатировали, что выставили прежде

всего документальную и научную литературу и, следовательно, в меньшем количестве художественную.

На вопрос почему нынче молодежь меньше читает, возможный ответ может быть тот, который дала писательница для детей, например: «Они заняты совсем другим: кино, телевидение и особенно компьютеры отвлекают от книги. Дети поглощены техникой. Компьютер представляет информацию *легко и наглядно*. А чтение – *сложный процесс*, образы нужно воссоздавать самостоятельно, *уметь погрузиться в мир литературы*. Это требует *серьезной, напряженной работы, отчего многие отвыкли*». При этом может быть для этой категории писателей мало интересно и то, что, как говорят, «Настоящая книга – та которая пробуждает душу» и т.д. И в действительности, что ищет читатель, чего ожидает он, когда открывает книгу? Ссылаемся на страстно любящего книги аргентинского писателя Борхеса, который, обращаясь ко своим студентам говорил: «если вам не нравится книга, бросьте ее, *значит она не для вас написана*»². Идеализируя роль чтения в жизни человека, Борхес считает его «формой счастья». Но идею элективности при чтении, которую не игнорировал сам Борхес, подчеркивает и Лев Толстой. В своей книге «Круг чтения» он писал: «...Очень бы мне хотелось составить круг чтения, т.е. ряд книг и выборки из них, которые все говорят про то одно, что нужно человеку прежде всего, в чем его жизнь, его благодать»³.

И в то же время Толстой, соглашаясь с высказыванием Сенеки, что человек должен «питать свой ум только писателями несомненного достоинства, если желаешь извлечь что-нибудь полезное»⁴, признавал и значение «вкуса» времени, данного поколения. «Интересно, что будут читать мои правнуки? В наше время был определенный круг классиков, и было известно, что нужно прочесть, чтобы быть образованным человеком, а теперь выпускается такая масса книг»⁵.

Но как мы отметили с самого начала книга имеет и свою собственную судьбу, как настоящее существо. Она имеет свою душу, утверждает Рейнер Мария Рильке: «...великие произведения, это те же *тайные существа*, бесконечная жизнь которых сопровождает мимолетную жизнь человека».

Подобное сравнение книги с живым существом встречаем у Пастернака, который добавляет, что писатель влагает в книгу свою собственную душу, свое сознание: «Книга есть кубический кусок горячей, дымящей совести и ничего больше (...) *Книга – это живое существо*. Она в своей памяти и полном рассудке: картины и сцены –

² Jorge Luis Borges, *Cărțile și noaptea*, Iași, 1988, p.32

³ Цит. По Е.А. Маслохов, *Идея элективности* в «Круге чтения» Л. Н. Толстого, в сб. А. Н. Толстой – *это целый мир*, Тула, 2008, с. 232

⁴ Там же, с. 233

⁵ Там же, с. 233

это то, что она вынесла из прошлого, запомнила и не согласна забыть»⁶.

В то же время книга становится тем эстетическим произведением, о котором говорим, только когда открывает ее читатель, будучи с этого момента и ее соавтором. Как отмечает тот же Борхес: «одна и та же книга меняется вместе с нами. (...) Если мы непрерывно меняемся, можно сказать, что *каждое чтение* книги, *каждое перечтение*, каждое воспоминание об этом чтении в нашем воображении *обновляет текст*. Значит и книга, не только мы, может считаться Гераклитовой „рекой”»⁷.

Есть авторы, которые считают, что сложный мир художественной книги раскрывает свои глубины значимостей только при перечтении. Известны слова В. Набокова, которые на первый взгляд звучат парадоксально: «Не можешь читать книгу, можешь ее только перечитывать».

Подобную же мысль встречаем и у Альберта Камю, который оценивая творчество Ф. Кафки, замечает: «У Кафки все искусство состоит в том, чтобы обязывать читателя перечитывать (...). Текст можно интерпретировать иногда двумя, тремя способами, отсюда и необходимость двух или трех перечтений»⁸.

Шопенхауер считал даже, что «любую книгу надо немедленно еще раз читать», чтобы лучше ее понимать.

В этой связи считаем весьма интересными точки зрения румынского литературоведа Матей Кэлинеску, высказанные в специально посвященной данной теме книге «Читать и перечитывать», где автор считает необходимым строить настоящую поэтику (пере)чтения. Автор исходит из уже указанного изречения Набокова, а также Борхеса, который в своем эссе «El Aleph» утверждает: «Всегда скорее перечитывают, чем читают».

По соображениям автора Матей Кэлинеску, при первом чтении воспринимаешь произведение на анекдотическом уровне, т.е. узнаешь «что в нем случается». Таким образом первое чтение считается «линейным», непрерывным, мотивированным любопытством читателя. В то время как перечтение можно рассматривать как «метафорически-кругловым», интерпретативным. Автор указанного исследования сосредотачивается над чтением и перечтением, считая их процессами. Об этой диалектике чтения он уточняет: «...я не читаю или перечитываю, чтобы интерпретировать, а интерпретирую (среди

⁶ Б. Пастернак, *Несколько положений*, в *Собрании сочинений в пяти томах*, М., 1991, т. 4, с. 367

⁷ Jorge Luis Borges, Цит. раб., с. 26

⁸ Matei Călinescu, *A citi, a reciti. Către o poetică a (re)lecturii*, Iași, 2007 (Румынский вариант английского текста того же автора *Rereading*, London, 1993), с. 9

других многих действий), чтобы читать, перечитывать и понимать перечтение»⁹.

Он ссылается для иллюстрации своих идей на мнение писателя, точнее Вирджинии Вульф (которая одновременно была и интерпретатором творчества других писателей, в том числе Тургенева), очень образно уточняющая разницу между чтением и перечтением: «Жди, чтобы наложилась пыль на чтение, чтобы гаснула страсть конфликтов и вопросов; ходи, говори, вырывай мертвые лепестки роз или просто засыпай. Тогда, внезапно, не слушая воли другого (...) книга вернется и будет другой. Появится на уме как целое. А книга как целое отличается от книги, воспринятой в обычной манере, в отдельных фразах. Теперь каждая подробность войдет на свое место. Видим форму с начала до конца (...). Итак, теперь можем сравнивать одну книгу с другой, как сравниваем одно здание с другим»¹⁰.

Матей Кэлинеску строит настоящую теорию (пере)чтения, в рамках которой имеет большое значение измерение темпоральности, указывая на то, что много критиков и литературоведов по традиции игнорирует временной критерий оценки чтения. Ситуация изменилась в последние десятилетия, когда критика больше ориентируется на роль читателя.

В этом контексте Матей Кэлинеску уточняет свою идею о темпоральности чтения, ссылаясь и на своем восприятии шедевра мировой литературы, романа «Война и мир»: «Независимо от того, сколько я слышал или читал о «Войне и мире», могу сказать, что существует тот первый раз, когда читаю по настоящему роман Толстого, когда обнаруживаю его мир, ощущаю его ритмы, постигаю его душевные настроения и чувствую очарование почти его волшебных деталей. Кроме того – в определенном смысле крупные классические романы, как «Война и мир» побуждают нас разворачивать наоборот парадокс Набокова и утверждать: не можешь перечитывать роман «Война и мир» – можешь его все время как будто первый раз читать.

Когда речь идет о большой литературе, справедливо можем претендовать, что каждое чтение является первым»¹¹.

⁹ Там же, с. 28

¹⁰ Там же, с. 32

¹¹ Там же, с. 56

ABSTRACT

The Destiny of the Book

The present theme *the destiny of the book* presents different interpretations. As part of an artistic creation, the book has its own destiny. As a cultural component, it generally integrates itself in the “common” destiny of phenomena that occur in a particular epoch.

Not only is the reader’s attitude involved in its destiny (the reader who changes himself like “Heraclit’s river”, changing his life experience, the taste of the epoch etc.), but also the book itself, considered by many “a living creature” which, similarly to humans changes itself according to the knowledge bearer who receives it, because from a simple object the book becomes an aesthetic masterpiece when the reader opens it. From this point of view, the dialectic of reading/rereading proves itself interesting (see V. Nabokov’s apparently paradoxical expression – “You don’t read books – you can only reread them”). Matei Călinescu creates aesthetics of reading/rereading in his book *To Read, to Reread*, emphasizing exactly the temporality of the reading which has grown more evident in the past decades, when the literary criticism more or less orients itself towards the reader’s role.

ТЕМА «ВОСТОК И ЗАПАД» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Татьяна НИКОЛЕСКУ
Турин, Италия

Ключевые слова: *Белый, Россия, неославянофильство, революция, Восток-Запад*

«Восток и Запад»! Андрей Белый назвал этот вопрос «молнией». И правда, он пересекает и освещает небо русской истории и русской культуры с давних времен и не преувеличивая, можно сказать, вплоть до наших дней. Начало можно найти в призыве к варягам «прийти и княжить» на Руси, и жив этот вопрос и в наши дни, воскресши в новой волне евразийства. Можно только согласиться со словами Бердяева, который подчеркивал, что вопрос «Восток-Запад» «основной не только для русской философии, но и для русской истории»¹².

Часто считается, что «пик» этого вопроса в XIX веке в классическом противопоставлении «славянофильство» и «западничество». Однако же не менее важны проявления этой темы в начале XX века в тот короткий период русской культуры, который обычно назван «Серебряный век».

В начале прошлого входят в обиход термины «неославянофильство» и «неозападничество». «Время славянофильствует» – точное определение философа В. Эрна. Также знаменательны такие названия как «Современные отзвуки славянофильства» статья Новгородцева, известного публициста, вышедшая в 1905 г., или «Неославянофильство в России» книга Д. Кольцова (1909). В этом воскресении «теней забытого прошлого» – слова П. Новгородцева – важно отметить отзвуки некоторых исторических политических событий того времени как война за Боснию и Герцеговину, (1998) и в том же году проходивший в Москве панславянский съезд, имевший широкий резонанс. Тем самым тема «Восток-Запад» не ограничивается традиционным утверждением в области культуры, но находит свое выражение и в политическом плане, в панславизме. Но и в культурологическом прочтении в годы начала века эта тема принимает некоторые новые очертания, в первую очередь она становится составной частью концепта «русская

¹² Бердяев Н., *Типы революционной мысли в России*, Париж, т. 3, с. 218

идея», т. е. концепта индивидуальности, своеобразия русского исторического пути.

Культура «Серебряного века» переживала остро вопрос «Восток и Запад» и как дилемму, и как альтернативу, и как гармонический, единый исход. Восток и Запад либо Восток или Запад? Можно только напомнить такие отдельные знаменательные моменты: присутствие западного искусства на страницах *Мира искусства* и *Аполлона*, и наоборот ориентация журнала «София» на русское увлечение французским импрессионизмом и открытие иконы, русские мотивы у Гончаровой, Лансере, Бенуа, и западные темы у него же, у Сомова, Бакста, интерес к Ницше, его влияние на русскую философскую мысль и обращение к философии Сковороды, музыка Стравинского и Римского-Корсакова, русские балеты и др.

Тема «Восток-Запад» заняла важное место в русском символизме и в художественном творчестве (Мережковского, Блока, Белого, Вячеслава Иванова и др.) и в их историософской и культурологической публицистике. Одним из наиболее ярких примеров, заслуживающих внимания, Андрей Белый и его публицистика, ориентированная на область культуры.

Тема России и ее непосредственный коррелятив «Восток-Запад» входит в публицистику Белого рано, еще в разгар событий 1905 г. со статьей «Луг Зеленый», (статья открывает одноименный сборник литературно критических работ Белого) скорее поэмой в прозе, чем сухой статьей, текстом лирически окрашенным с монтажной композицией. В ней судьба России рассматривается как путь по спирали (спираль по Белому идеальная форма, в ней сочетаются круг и линия), как путь от смерти, от сна, к пробуждению, к светлому духовному идеалу будущего. В тексте сочетаются две спирали построенные, в основном, на литературных реминисценциях. Одна ведет от Евридики, через образы Спящей Красавицы, и Пани Катерины, чтобы подняться к образу России Мировой души. Жене облаченной в солнце. Другая начинается со сцены языческого ритуала праздника весны, и через спектакль Айседоры Дункан, затем через сцену современной народной пляски и песни прийти тоже к образу России. Обе спирали венчаются светлым образом «Россия – Зеленый Луг». К ней обращается поэт, с надеждой: «Буди! Буди!» и с верой «Будут новые времена и новые пространства». Надежда и вера навеянные радостными событиями 1905 г., но взору писателя не оставался скрытым кризис современной ему жизни, переживаемый Россией, который долгие годы будет определяться Белым как борьба между культурой и цивилизацией с постепенной победой в современном мире «машиной – современной цивилизацией» над культурой «существом живым – духовным развитием».

В статье «Луг зеленый» определяется постановка проблемы «Россия» у Андрея Белого, это с одной стороны сам образ России, ее

«статус», статус ее культуры, по отношению к другим культурам (именно Восток или Запад) с другой это отношение к России самого писателя.

Исходя из той же основы глубокой кризисной ситуации тема Россия – Восток – Запад развивается по новому витку спирали в 1910 г., когда Белый печатает три статьи с знаменательными названиями «Неославянство и неозападничество в современной русской философской мысли», «Апокалипсис в русской поэзии» и «Россия». Тема Восток-Запад дается теперь в разных ракурсах. Во-первых, в процессе становления русской литературы: русская литература приняла свое «крещение» на западе, потом вернулась на восток, «народная стихия победила запад в русском писателе», «западники перекинули мост с запада на восток». Второй ракурс – философский. Белый вступает в полемику с «крайней позицией самого крайнего представителя неославянской тенденции» В. Эрном, выступившим против философских сборников «Логос», которые знакомили с идеями современных немецких философов. Это «западничество» воспринималось Эрном, как умаление достоинств русской философии. Белый убедительно доказал, что русская философия (да и славянофильские идеи) получили «мощный толчок» «от Запада, от Гегеля в частности», и «русские славянофилы рубят ветку на которой сидят». В области философии у Запада преимущество, Россия не может ему противопоставить равноценную русскую философию.

В третьей статье критике подвергается русская государственность. «Россия есть несовершенный процесс исторического творчества, а не готовый его продукт. Россия вся *in statu nascendi*». Отсюда парадоксальная констатация писателя: «Россия есть. России нет». Белый отвергает обе концепции: и западников, по которой России как «эмпирического единства», нет, и славянофилов – для которых «Россия есть; мистическая вера в будущее России реально дана в чувстве». Оба лозунга, говорит Белый, «две неправды». «Сферы западничества и славянофильства в настоящее время не соприкасаются; а существуют как бы в двух плоскостях» констатирует Белый. Настоящая же Россия «хаос», она «больная». И отношение к ней поэта в известных стихах «родина злая» и «исчезни в пространстве, исчезни, Россия, Россия моя».

Суровым диагнозом «Россия больна» Белый включается в полемику, развернувшуюся в 10-ые годы, в которой противопоставлялись друг другу две позиции: «великая Россия» и «больная Россия». В концепции П. Струве, защищавшего идею «великой России» речь идет не о мощном государстве, по образцу запада, как его задумал Петр а о возвращении к допетровскому времени, к типологии московского княжества. Отпор этой концепции дали символисты, но не только Белый, а и Мережковский; «...будем лучше гореть в печи огненной, писал Мережковский, но «великой

России» в образе зверином не поклонимся». Мережковский считал, что только обращение к западной модели государства, как это сделал Петр, может разрешить проблемы России. Ответ Белого и Мережковского одинаков: «не Восток или Запад, а Восток и Запад».

Позиция Белого публициста комплементарна позиции Белого романиста, который в том же 1910 г. опубликовал повесть «Серебряный Голубь» и собирался приступить к роману «Петербург». Эти произведения были задуманы, как известно как части трилогии «Восток и Запад». Этот концепт, структурирующая идея в обоих произведениях. Путь Дариальского идет от западной культуры дворянских гнезд к народу, олицетворенному мистическим темным миром Востока, где он погибает, не осуществив желаемый путь возвращения обратно к западу. И Мережковский и Бердяев осуждали колебания героя («безделье», «безволие»), а также отсутствие четкой позиции автора. Роман «Петербург» уже одним своим названием заставляет думать о Петре и о его «открытом в Европу окне». В первой редакции романа на первом плане, по признанию самого автора, была «нота Востока» в соловьевском понимании панмонголизма, («лихой монгол», предвидится «новая Цусима», «новая Калька»). Во второй редакции, даже если продолжает цитироваться Цусима и Калька, но рядом упоминается победа на Куликовом Поле. И особенно значителен новый ракурс в котором представлен Медный Всадник, этот символ города-западника и его основателя. «Медный конь копыт не опустит; прыжок над историей будет».

Возврат писателя к теме «Восток-Запад» произойдет вскоре в контексте глобального кризиса, порожденного наступившей войной. Этому вопросу посвящен один из очерков написанных в 1916 году для газеты «Биржевые Ведомости», затем вошедший в текст книги «Кризис культуры». Название этого очерка именно «Восток или Запад». В этом очерке Белый рассматривает проблему в историософской перспективе; распад на «восток» и «запад» произошел в древней Греции в следствие войн с персами. Восстановление же их единства относится к Александрийскому периоду, чтобы выступить затем как «импульс Христа» Белый ставит перед Россией вопрос цитируя стихи Владимира Соловьева: «Какой Россией хочешь быть / Россией Ксеркса или Христа?».

Тема России проходит как лейтмотив, в тексте «Восток или Запад» но скорее в подтексте чем в тексте. С большим лирическим вдохновением рисует Белый синтетически выразительную картину становления европейской культуры в основном, как процесс развития мысли. «Единство Мысли – двояко; в грядущем и в прошлом». Мысль «прошлого – отвергнутый нами каркас», «храм мысли, «восстающий нам навстречу из будущего», это «по-новому слияние всех течений». «Храм Мысли огромный и пустой – вчера и живой – в грядущем», окружен «справа и слева колоннами»: с востока

(образ), с запада (абстракция). Этот образ храма заставляет вспомнить о Гётеануме, антропософском храме в строительстве которого участвовал Белый, ученик и последователь Штейнера. Внутри – храма “образ Мысли: восток-запад” соловьевская София Премудрость. Она указывает путь “зажигает звездные светочи из-за мрака”. Финал апокалипсический: современность военных событий угрожает наступлением “драконово времени”.

Если статья “Восток или Запад” носит скорее отвлеченный теоретический характер, историософский и культурософский, то публицистика 1917-1918 г., а именно такие статьи, как «Весенние мысли», «Революция и современность», «Священная Россия», обращены на самую гущу современных российских событий, на революцию. К теме “Россия: Восток или Запад” присоединяется тема Революции, которой посвящены и другие публицистические выступления, например: “Революция и культура”. Мимоходом хочется напомнить, что в идеологии группы Скифов, к которой принадлежал и Белый некоторое время, проблема «Восток и Запад» была “поставлена с новой силой” (слова Иванова-Разумника). Из трех указанных статей наиболее интересная для нас статья “Священная Россия”. Чем же она интересна? Новым подходом к истолкованию темы “Восток-Запад Апокалиптическое видение сочетается с уже известным нам по статье 1910 г. отрицанием российской государственности: Россия “провал госудатства”, ”пожар культуры”, Распад петровской империи (т. е. запада) был как взрыв бомбы, который превратил русское государство “в грудку льдин, несущих вешней водой”. На этот раз определение сущности России делается при помощи лингвистических аргументов, вспомним, что в это же время Белый писал “Глоссолалию” и “Жезл Аарона”. Белый обращается к этимологическому анализу. Он проводит расчленение слова “Россия” («рос по-гречески обозначает «сильный»; и «россиас» – сила «росой», род скифский. Генеалогия слова «Россия» «связывается с таинственной Скифией» и отдельные корни принимают значения: роза-рожий-урожай; род-народ; рос-рост» и в слове Россия вычленяется «рослая», «сильная» или «родная». На основе богатых ассоциативных этимологических цепочек (ссылки на скифский греческий, санскритский, финикийский, французский) приходит к заключению, что “назначение Священной России по-новому выявить тайну ушедшего Скифа: соединить две волны, разошедшиеся на восток и на запад – в единое братство народов”. В осуществлении этого единения историческая миссия России, к которой писатель обращается с радостными, вдохновленными словами “Россия/Россия, Россия, Мессия грядущего дня”.

На таком взлете завершается спираль темы о России – это не Восток или Запад, а Восток и Запад. От веры в Россию, утверждаемую в Зеленом Луге в дни революции 1905 г. от надежды

на “грядущие новые времена и новые пространства” спираль достигла в дни новой революции 1917 г. вершины, увенчанной торжественной метафорой, даже экстатической “священной России”. Образ обещающий, обнадеживающий, но и обязывающий.

ABSTRACT

Andrej Bely and Eastern and Western European Dialogues in Early 20th Century of Russian Culture

This article examines how the significance of this dialog, essential to Russian thought and literature of the period is articulated in the essays of the symbolist writer Andrej Bely. Starting with *The Green Meadow*, 1905, and following his reflections on this theme until 1917, including the essays *East/West and Spring Thoughts*, the analysis demonstrates that Bely considered the intertwining of Western and Eastern elements to be the necessary steps in Russian cultural destiny.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО

П.М. СИМИНОВСКИЙ
Тула, Россия

Ключевые слова: Жуковский, педагог, образование народа, просвещение, воспитание, привычки, природа человека

В.А. Жуковский – один из крупнейших российских поэтов первой половины XIX века – хорошо известен европейскому читателю. Так, например, его творчество отмечено во всех справочных изданиях Румынии. Произведения В.А. Жуковского переводили К.Негрुцци и К.Стамати. В своем труде по истории румынской литературы Д.Кэлинеску отмечал влияние поэта на творчество Д.Асаки и К.Стамати. Но менее известен он как педагог, последовательно развивавший систему воспитания, разработанную Песталоцци и Руссо.

Представление о Жуковском-педагоге наиболее полно дает анализ его взглядов на общее состояние народного образования в России, на приобщение к знаниям широких народных масс. Первые высказывания на этот счет содержатся уже в ранних публицистических работах Жуковского, его ученических сочинениях и речах, юношеских письмах, дневниках.

Примечательна в этом отношении написанная Жуковским в 1808 году рецензия на книгу Ле Пренс де Бомон «Училище бедных», вышедшую в русском переводе в издательстве П. Бекетова. По сути, это была не рецензия. Выход в свет «Училища бедных» Жуковский использовал, как он сам признавался в своей публикации, лишь в качестве повода для высказывания своих мыслей об образовании народа России.

Жуковский писал, что в России, «со времени размножения школ» средства просвещения сделались общими – купцы, ремесленники, даже простые земледельцы начинают учиться, читают, следовательно, образуются. «Просвещение – что бы ни говорили о нем суровые люди, которые судят о вещах по одному только их злоупотреблению, – отмечал далее Жуковский, – необходимо для человека во всяком состоянии и может быть благотельно в самой хижине земледельца»¹³.

¹³ Жуковский В.А., *Полн. собр. соч.*: В 12-ти т. Т. IX. СПб., 1902, С. 33.

Рассуждения подобного рода были весьма смелыми для своего времени. Почти на протяжении всего XIX столетия в России не затихали споры о том, следует ли вообще учить крестьян? Не принесет ли вред их жизни книжная ученость? Не отвлечет ли от непосредственных занятий праздной мечтательностью? Именно такую точку зрения высказывали позднее такие близкие Жуковскому люди, как Н.В. Гоголь, В.И. Даль и некоторые другие, не говоря уже о представителях консервативного дворянства, видевших в народной неграмотности залог собственного экономического и политического благополучия. Жуковский, хорошо знавший крестьянскую жизнь, так не считал. Ни в годы молодости, прошедшие под знаком просветительских реформ Александра I, ни в последующие периоды, когда консерватизм и мракобесие были возведены в ранг государственной политики.

Уточняя в цитированной выше рецензии свою точку зрения на просвещение народа, Жуковский подчеркивал, что под именем просвещения он понимает «приобретение настоящего понятия о жизни, знание лучших и удобнейших средств ею пользоваться, усовершенствование бытия своего, физического и морального». В духе времени и европейских традиций Жуковский считал, что просвещение ремесленников или земледельцев должно, безусловно, отличаться от просвещения тех классов общества, для которых умственный труд является главным занятием жизни.

Но оно не может быть бездуховным, чисто утилитарным. И простые люди не должны быть лишены «наслаждений сердца» и «удовольствий ума».

Жуковский разрабатывает обширную программу просвещения России, на несколько десятилетий опередившую свое время. В этой программе он уделяет первостепенное внимание созданию и выпуску полезных для народа книг и открытию народных библиотек.

Указывая на то, что, получив возможность учиться в школах, русские купцы, мещане, ремесленники, земледельцы вместе с тем могут использовать эту возможность чисто формально, поскольку мало пользы от учения, которое впоследствии не подкрепляется чтением полезных книг, Жуковский выдвигает задачу издания «полезных для простолюдина книг». Он мечтает о том, чтобы среди писателей скорее появились такие, кто не ради личной славы, а ради благородной общественной пользы посвятил бы несколько лет своей жизни тому, «чтоб языком простым и понятным проповедовать счастье в хижинах земледельца, в обителях нищеты и невежества, чтоб разбудить в простых и грубых сердцах благородные чувства и познакомить их с наслаждениями истинными». Такой писатель, рассуждал Жуковский, хоть и не приобретет имени славного, но он найдет награду во внутреннем убеждении своего сердца, которое скажет ему: ты был полезен, ты бескорыстный благотворитель

бедных, они воздадут тебе не громкими рукоплесканиями, но собственным своим счастьем, к которому дорога указана им тобою.

Размышляя о библиотеках для сельчан и ремесленников, Жуковский отмечал, что такие библиотеки не могут быть многочисленными по своему составу, но они должны быть составлены из таких книг, которые, не отвлекая своих читателей от ограниченного их состояния, «напротив, всегда устремляя на него мыслить их, – открывали им способ находить в нем счастье, им возможное».

Самыми необходимыми для народного чтения Жуковский считал:

1) *катехизис морали* – предложенной просто, без всякого витийства, объясняемой примерами, но примерами, взятыми из жизни тех людей, для которых она предлагаема, и, что всего важнее, основанной на правилах священного христианского учения;

2) *общие понятия о натуре, о главных ее законах, о некоторых явлениях небесных* – совершенное невежество, в этом отношении, бывает причиною многих смешных и даже вредных предрассудков;

3) *энциклопедия ремесленников и земледельцев* – в этой книге была бы предложена, ясно и кратко, теория земледелия и всех ремесел, т.е. все главные и нужные ремесленнику и земледельцу для успешного исполнения их обязанностей правила;

4) *повести и сказки*, которых герои были бы взяты из состояния низкого и представлены на сцене, знакомой самим читателям: эта книга была бы необходимым дополнением к Катехизису морали;

5) *общие правила, как сохранить свое здоровье*, – нужные для тех людей, которым здоровье так дорого и которые, потеряв его однажды, уже не имеют никаких способов восстановить его;

6) *народные стихотворения*, в которых воображение поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубых очей, простолюдина; в душу его, вместе со стихами, врезались бы некоторые высокие понятия о Божестве; мысли его приобрели бы некоторую живость, а чувства сделались нежнее.

«Вот книги, – писал Жуковский, – которые желал бы я найти во всякой уездной и деревенской школе; которыми в праздное время желал бы занять ремесленника, земледельца и слугу, принужденного посвятить всю свою жизнь на исполнение воли других; вот чтение, которое могло бы быть истинно для них полезно. Желаю – и, быть может, сие желание не останется тщетным – чтобы некоторые из соотечественников моих, воспламененные человеколюбием, соединились для распространения благодетельного света в умах бедных своих сограждан, осужденных проводить все дни свои в тяжком труде и ограничивших всю деятельность свою сохранением одной телесной души!».

Примечательно, что именно в Туле, городе детства и отрочества Жуковского, в конце 70-х годов XVIII века была открыта первая в России публичная библиотека, главными читателями которой были мастеровые казенных оружейных заводов, составлявшие основное население этого губернского центра¹⁴.

Оценивая заслуги Жуковского перед российским образованием, следует отметить, что он был одним из первых, кто выступал за всеобщее образование народа, за всемерное развитие его нравственных и духовных сил. «Мы имеем Академию наук и Художеств, – писал В.А. Жуковский, – почему же не можем иметь Академию для просвещения простолюдинов?»¹⁵.

Аналогичный прием: рецензию на новую книгу Жуковский неоднократно использует и в дальнейшем для пропаганды своих взглядов на образование, роль науки и культуры в процветании отечества. Интересна в этом отношении написанная в 1818 году рецензия на книгу профессора Дерптского университета Паррота «Разговоры о физике». Из книги известного автора Жуковский выделяет те моменты, которые говорят об общем значении науки и образовании для человека, о необходимости того, чтобы благами научного знания и культуры пользовались не только избранные.

Примечательно, что в данной рецензии Жуковский подходит к анализу ученой книги с точки зрения важнейших дидактических требований к отбору учебного материала, проявляет убедительное понимание, «чему и как» необходимо учить. Сравнивая дидактические приемы Паррота с известнейшим сочинением Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», Жуковский отдает предпочтение дерптскому профессору, не желающему «ослеплять» читателя «остротой ума и красками слога», но употребляющему их «как средство необходимое, дабы овладеть вниманием». «В разговорах фонтенелевых, – заключает Жуковский, – дивятся Фонтенелю; разговоры о физике заставят любить физику»¹⁶.

Часто бывавший в Дерпте, Жуковский был знаком со многими профессорами местного университета, активно интересовался их работой. Большая дружба связывала его почти на протяжении четверти века с дерптским педагогом, поэтом и издателем Мартином Асмусом (1784-1844)¹⁷.

Свою педагогическую деятельность Асмус начал в Лифляндии домашним учителем. В 1807 году поступил в учительский институт Дерптского университета, в 1810 году посетил Германию, где

¹⁴ См.: Глаголева О.Е., *Тульская книжная старина*. Тула, 1992, С. 31.

¹⁵ Там же, С. 36.

¹⁶ Жуковский В.А., *О новой книге* [ПАРРОТА: ENTRETIENS SUR LA PHYSIQUE] // Жуковский В.А., *Полн. собр. соч.*: В 12-ти т. Т. IX. СПб., 1902, С. 135.

¹⁷ См.: Салупере М.Г., *Забывтые друзья Жуковского* // *Жуковский и русская культура*. Сб. научн. трудов., Л.: Наука, 1987, С. 437-444.

занимался в учительском институте И.Г. Песталоцци. Вернувшись в 1811 году в Дерпт, Асмус организовал здесь частную школу-пансион по системе знаменитого швейцарца. К работе этой школы Жуковский питал большой интерес и как друг Асмуса, и как почитатель Песталоцци. Именно в этом пансионе воспитывались приемыши Жуковского – Павлуша Жуковский (сын крестного отца поэта) и Андрюша Воейков (сын А.А. Воейковой).

В 1821 году Асмус был назначен главным учителем местной учительской семинарии. Характеризуя в связи с этим назначением личность Асмуса как педагога, куратор Дерптского университета граф Ливен писал: «Избрание главного учителя для воспитания начальных учителей не может не быть произведено с довольной осмотрительностью. Сверх нужных познаний и отличных талантов к обучению и к показанию лучших методов преподавания, он особливо должен подавать пример своим питомцам в нравственном поведении и искренно живом благочестии. Вообще редко можно найти все сии качества, соединенные в одном человеке, а еще реже в такой степени, в какой находятся они в учителе Асмусе»¹⁸.

Жуковский и Асмус познакомились и подружились в 1815 году. А уже на следующий год Жуковский атакует А.И. Тургенева просьбами выхлопотать Асмусу в столице положенный за выслугу лет чин губернского секретаря, который дал бы ему возможность сосредоточиться на педагогической работе в школе-пансионе. С получением чина вышла задержка, и Асмус был вынужден продолжать казенную службу. В последние годы жизни Асмус, не без влияния «любимейшего друга» Жуковского, многое сделал для пропаганды в Прибалтике русской классической литературы. Жуковскому же он помогал овладевать тонкостями немецкого языка.

В начале 1811 года, будучи редактором «Вестника Европы», Жуковский публикует на его страницах проект 24-летнего С.С. Уварова, посвященный созданию в России Азиатской академии. Этот проект имел важное общественно-культурное и политическое значение. По мысли Уварова Азиатская академия должна была стать научным центром по изучению языков и культур стран Азии. В проекте предусматривалась организация кафедр восточных языков, изданий словарей и т.д. И хотя сам Жуковский относился к этому проекту несколько критически, он смог по достоинству оценить талант и знания Уварова, ставшего через семь лет первым президентом Петербургской Академии наук.

Гражданская позиция Жуковского по вопросам просвещения и науки ярко проявилась в самые тяжелые для них годы, когда во второй половине царствования Александра I началось гонение на

¹⁸ См.: Садупере М.Г., *Забывтые друзья Жуковского // Жуковский и русская культура*. Сб. научн. трудов., Л.: Наука, 1987, С. 439.

университеты. В это время Жуковский писал своим друзьям по поводу участи двух молодых профессоров, отстраненных от своих кафедр: «Осуждая виновных, щадите университет! Он и без того падает... Неужели всему должно у нас, не созревши, рушиться? Неужели России должно быть грудю развалин, покрытых лаврами, которые засохнут... Обвиняй профессоров, называй как хочешь, но чтобы эта анафема не падала на всех без изъятия и на весь университет... Университет должен быть для вас святым: за что разрушать его?». Ярко и убедительно защищает он от мракобесия и университетскую науку: «Наука есть великий памятник жизни человеческого рода, более великий, нежели все первозданные горы, заключающие в слоях своих мертвую летопись мира умственного. Мы должны благоговеть перед наукою, благоговеть пред ее могучим образовательным действием на род человеческий, пред ее животворящим влиянием на человеческую душу...»¹⁹.

Впоследствии, живя среди высших чиновников и ловких придворных, Жуковский ни на день не забывает об образовании народа, стремясь внушить и нынешнему, и будущему самодержцу и всему их окружению мысль о том, что в безграмотной стране не могут быть счастливы ни правители, ни их подданные.

Свои просветительские идеи Жуковский стремился донести до самых широких кругов российского общества, для того чтобы сплотить и объединить все здоровые силы на почве просвещения народа. С этой целью в 1830-е годы Жуковский предпринимает попытку издания в стране педагогического журнала. Проект этого журнала, написанный рукой Жуковского, хранится ныне в Российской национальной библиотеке в Петербурге²⁰.

Журнал должен был состоять из нескольких частей. В педагогической части, адресованной воспитателям, предполагалось публиковать «рассуждения о главных предметах теории воспитания», библиографические списки сочинений о воспитании. Для преподавателей в домашнем быту должен был печататься «курс систематический с таблицами и планами» и «выбор лучших систем для учащихся». В отделе для детей предполагалось печатать лучшие сочинения как из русских детских книг, так и из иностранных.

Издателями журнала должны были выступить сам В.А. Жуковский, а также известный русский писатель и педагог В.Ф. Одоевский, публицист и редактор, помощник (с 1834 г.) редактора «Журнала Министерства народного просвещения» А.А. Краевский. В число сотрудников предполагалось пригласить А.И. Вейдемейер, А.П. Елагину, А.П. Зонтаг, А.О. Ишимову, Л.А. Ярцеву. В журнале должны

¹⁹ Созонович И.П., *В.А. Жуковский, как писатель и человек*, Варшава. 1902, С. 26-30.

²⁰ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 286. Оп. 2. Д. 48.

были сотрудничать также братья И.В. и П.В. Киреевские, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев, Е.А. Милькеев, Г.П. Павский, П.А. Плетнев, М.П. Погодин, К.С. Сербинович, Е.А. Энгельгард и другие деятели отечественной науки, культуры, просвещения. В списке произведений, намеченных к публикации, значились труды Ф. Фенелона, Ж.Ж. Руссо, Ж.-П. Рихтера, И.Г. Песталоцци²¹.

По неизвестным причинам, возможно, что из-за нехватки денежных средств, замысел Жуковского об издании педагогического журнала оказался неосуществленным. Но здесь важно подчеркнуть другое: Жуковский, как человек, увлеченный просветительскими идеями, остро чувствовал потребность в подобном издании и всеми возможными средствами стремился эту потребность реализовать, в том числе и через поддержку тех периодических изданий общего профиля, которые поднимали на своих страницах педагогическую проблематику.

Самостоятельным, весьма важным разделом педагогического творчества Жуковского являются его взгляды на детскую литературу. Можно сказать, что Жуковский и как литератор, и как критик стоял у колыбели отечественной детской книги, призванной не только забавлять и удовлетворять познавательные потребности детского и юношеского возраста, но и оказывать глубокое воспитательное воздействие на внутренний мир юного читателя, пробуждать в нем лучшие человеческие качества, горячее желание творить добро.

Как педагог и литератор, Жуковский довольно критически относился к современной ему детской литературе, подмечая ее изъяны и слабые места, а иногда и откровенную пустоту. Он критиковал современных детских писателей за низкий художественный уровень детских книг, их нарочитую назидательность. Он считал, что книга должна побуждать ребенка думать, развивать его интеллектуальные способности. «Говоря с ребенком, – писал Жуковский, – надо не все ему сказывать и объяснять, иначе его ум сделается ленивым».

Жуковский критически относился к тем писателям и педагогам, которые, стремясь овладеть вниманием детей, заискивают перед ними. «Обыкновенно наши писатели и педагоги, думая быть понятными, ребячатся самым неловким образом. Это противно вкусу и есть порча языка», – констатировал Жуковский. «Язык детской книги, как и язык педагога, – считал Жуковский, – должен быть естественным и литературным. Детская книга должна развивать фантазию, душевные силы ребенка, способствовать воспитанию нравственности. Она должна возбуждать в детях положительные эмоции, светлые и добрые чувства. Надобно, чтобы в детской

²¹ Вацура В.Э., Гиллельсон М.И., *Сквозь умственные плотины. Очерки о книгах и прессе пушкинской поры*. М.: Книга, 1986, С. 371-372.

сказке... все было нравственно чисто, чтобы она своими сценами представляла воображению одни светлые образы, чтобы эти образы никакого дурного, не нравственного впечатления после себя не оставляли». Воспитывать может только талантливое произведение: чем выше его художественный уровень, тем выше и воспитательный потенциал.

Сам Жуковский как поэт очень многое сделал для отечественной детской литературы. Он создал для детей целую серию запоминающихся по образам, ярких по языку литературных произведений. Его сказки, баллады, поэмы прочно вошли в золотой фонд детского чтения.

Под благотворным влиянием Жуковского в России сформировалась целая плеяда интересных детских писателей. Среди них были его племянница и друг детства А.П. Зонтаг-Юшкова, автор «Священной истории для детей», считавшейся многие годы образцовой детской книгой, А.О. Ишимова, автор «Рассказов по русской истории», издательница одного из лучших детских журналов своего времени «Звездочка» (1841) и другие.

На протяжении многих лет тесная дружба связывала Жуковского с талантливым писателем и замечательным педагогом В.Ф. Одоевским, автором прекрасных детских книг и представителем прогрессивного направления в отечественной педагогике.

В последние годы жизни Жуковский не только не прекращает активную педагогическую деятельность, профессионально занимаясь домашним обучением своих детей, но и много размышляет о прошлом, стремясь обобщить и систематизировать свой богатый жизненный, литературный и педагогический опыт.

Большой интерес представляют общие взгляды Жуковского на воспитание, изложенные в одноименной главе его незаконченной работы 1845-1850 годов, опубликованной в полном собрании его сочинений под общим названием «Отрывки»²². Философски осмысливая некоторые педагогические понятия, Жуковский прежде всего ставит вопрос «Что такое воспитание?» и дает на него развернутый ответ, исходя из принципов христианской морали, особенно интересовавшей его в последний период жизни. Оставляя за скобками религиозную сторону вопроса (отношение Жуковского к религии в разные периоды жизни было неоднозначным), попытаемся выяснить суть проблем воспитания в постановке Жуковского.

Цель воспитания Жуковский видит, прежде всего, в том, чтобы «образовать», т.е. сформировать человека, гражданина, христианина. Человек – здравая душа в здравом теле. Гражданин – нравственность,

²² *Отрывки. 1845-1850 // Жуковский В.А., Полн. собр. соч.: В 12-ти т., Т. XI, С. 24-27.*

просвещение, искусство, самостоятельность. Христианин – подчинение всего человека вере.

Природа человека, отмечает Жуковский, есть то, что он есть от рождения. Это врожденное образуется воспитанием, развивается жизнью и получает доброе или худое направление. Но оно всегда остается в человеке.

Первоначальное воспитание, по мнению Жуковского, особенно должно быть посвящено утверждению хороших привычек. Основую всех других привычек (в раннем возрасте – П.С.) должна быть привычка к повиновению. Сила привычки доказывается ловкостью правой руки, которая, привыкая действовать более левой, несравненно искуснее, нежели левая.

Привычка производится собственным опытом, влиянием внешних обстоятельств, вспомогательным и постоянным содействием воспитанию. Последнее тем успешнее, чем согласнее с действием опыта и чем более властвует обстоятельствами. Привычки могут быть умственные, нравственные и физические. Чем скорее угадает воспитатель тайну природы, то есть врожденные качества, – и умственные, и нравственные, и физические – воспитанника, тем удачнее будет действовать на произведение благих привычек, способствующих развитию добрых и подавлению худых врожденных качеств. Дело воспитания состоит в построении возможно лучшего на тех условиях, какие первоначально положила природа.

Привычку Жуковский рассматривает как утвержденный образ действия физически, или умственно, или нравственно. Этот образ действия от многократного произвольного повторения становится постоянным, произвольным и, наконец, сливается неразрывно с телом, умом и волею. Дарование добрых привычек и уничтожение худых есть дело воспитания. Привычка не мешает свободе, ею только облегчаются действия свободной воли. Из этого следует, что воспитание есть положение твердого основания действиям нашего ума и воли посредством утверждения добрых привычек в то время, когда они в нас легко укореняются. Привычка основана на сцеплении идей, сцепление идей основано на сходстве, противоположности и своевременности.

«Чтобы составить себе ясное теоретическое понятие о главных правилах воспитания, – пишет Жуковский, – надобно сперва утвердить понятие о назначении человека вообще, рассмотреть его природу, его телесные и умственные качества и определить вообще средства, как усовершенствовать его добрые и исправить его худые склонности. Сей общий взгляд на человека будет то же, что карта для путешественника, не дающая понятия о земле, через которую

надлежит проходить, но необходимая, дабы знать свою дорогу; все остальное откроет самое путешествие»²³.

Для успешного воспитания сверх общих познаний о человеке и его свойствах, считал Жуковский, нужно знать особенную природу воспитанника и руководствоваться частными наблюдениями, чтобы уметь применять практически общую теорию к частности и этой частностью измерять общее.

В этих и некоторых других своих педагогических высказываниях Жуковский предстает как непосредственный предшественник К.Д. Ушинского и Н.И. Пирогова, совершивших качественный перелом в отечественной педагогической науке и практике и поднявших дело обучения и воспитания подрастающих поколений на уровень общенациональной задачи первейшей важности.

ABSTRACT

The Social and Pedagogical Conceptions of V.A. Jukovski

The article points out V.A. Jukovski's contribution in the evolution of Russian pedagogical science and practice. His writings and social activity had an illuminator role in the emancipation of peasants and other social categories. Also, of great importance were his opinions on the literature for children

²³ Отрывки. 1845-1850 // Жуковский В.А., Полн. собр. соч.: В 12-ти т. Т. XI. С. 26.

ОБ ИМЕНИ МАРИУЛА В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «ЦЫГАНЬ»

Мария АНДРЕЙ
Тимишоара, Румыния
m55andrei@yahoo.com

Ключевые слова: *имя Мариула, особый разрез мира, женское действие, стихийная женская душа, беспредельное желание к свободе.*

Поэма *Цыганы* написана в 1824 году. В ней отражается сильнейший кризис романтического мировоззрения, который переживал Пушкин в 1823- 1824 гг. Он пишет в это время ряд мрачных, горьких стихотворений, изливая в них свою *желчь* и *цинизм* (по его выражению): *Сеятель, Демон, Разговор книгопродавца с поэтом*, и немного позже – *Сцену из Фауста* и другие, оставшиеся в рукописи неоконченными. В этих стихах он подвергает горькому осмеянию все основные положения своего романтического мировоззрения.

К числу подобных произведений относится и поэма *Цыганы*. Её содержание – критическое разоблачение романтического героя и романтического идеала свободы.

Герой поэмы – романтический изгнанник, которому Пушкин дает свое имя (Алеко – это Александр), подобно кавказскому пленнику, в поисках свободы бежит от культурного общества, из *неволи душевных городов* к свободным цыганам, живущим простой, близкой к природе жизнью. Изображенные Пушкиным *вольные* и *весёлые* цыгане не похожи на подлинных бессарабских цыган, живших тогда в крепостном состоянии. Но Пушкину нужно было создать своему герою такую обстановку, в которой мог бы полностью удовлетворить своё страстное желание абсолютной, ничем не ограниченной свободы. И тут обнаруживается, что Алеко, требующий свободы для себя и пользующийся ей в цыганском обществе, не желает признавать её для других (для *Земфиры*), если эта свобода затрагивает его интересы, нарушает его мнимые права:

*Я не таков, – говорит он старому цыгану.
– Нет, я не споря от прав моих не откажусь.*

Поэт развенчивает романтического героя, показывая его подлинную сущность – эгоиста и насильника.

В *Цыганах* развенчивается также и романтический идеал

неограниченной свободы. Пушкин убедительно показывает, что полная свобода действий, отсутствие ограничений и обязательств в общественной жизни возможно только для общества людей примитивных в своих потребностях, ленивых, праздных, да к тому же робких и слабых:

*...Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел – оставь же нас,*

– говорит старый цыган Алеко, убившему свою жену и молодого цыгана, её возлюбленного.

Абсолютная свобода в любовных отношениях, не создающих никаких взаимных обязательств, никакой духовной связи между любящими, показана Пушкиным в поведении Земфиры и её матери Мариулы. Земфире *скучно, сердце воли просит*, и она легко, без угрызений совести изменяет горячо любящему её Алеко. В соседнем таборе оказался красивый цыган, и после двухдневного знакомства,

*бросив маленькую дочь и мужа,
ушла за ними Мариула.*

К тому же эта полная свобода в поступках вовсе не даёт вольным цыганам счастья. Старый цыган так же несчастлив, как и Алеко, но только он смиряется перед своим несчастьем, считая, что это – нормальный порядок, что

*чредою всем даётся радость,
что было, то не будет вновь.*

Развенчав в своей поэме и романтический идеал свободы и романтического героя, Пушкин ещё тогда, в 1824 году, не знал, чем заменить эти идеалы, как *на реальной основе* построить своё мировоззрение... Поэтому и заключение поэмы звучит трагически безнадежно:

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

Эти выстраданные Пушкиным глубокие мысли и чувства облечены в *Цыганах* в современную поэтическую форму. Свободная и в то же время чёткая и ясная композиция поэмы, яркие картины жизни и быта цыган, насыщенные лиризмом описания чувств и переживаний героя, драматические диалоги, в которых раскрываются конфликты и противоречия, составляющие содержание поэмы, включенные в нее посторонние эпизоды – стихи о беззаботной птичке и рассказ об Овидии, – всё это делает поэму

Цыганы одним из самых лучших произведений молодого Пушкина.

Как отметил Вячеслав Иванов, разбирая пушкинскую поэму (*О «Цыганах» Пушкина*)²⁴, «вся пламенная страстность полудикого народа, её вольнолюбивой и роковой неукротимости» выражена Пушкиным в синтетическом типе Цыганки. Собственно этот тип раскрыт в Земфире; но духовная суть его у Пушкина связана с именем матери Земфиры: *Мариула*. Это «глубоко женственное и музыкальное имя» есть звуковая материя, из которой оформливается вся поэма – непосредственное явление *стихии цыганства* (там же, с.145). «И стихи поэмы, предшествующие заключительному трагическому аккорду о всеобщей известности «роковых страстей» и о власти «судеб», от которых «защиты нет», опять воспроизводят, как мелодический лейтмотив, основные созвучия, пустынные, унылые, страстные:

*В походах медленных любил
Их песен радостные гулы
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.*

Эти звуки, полные и гулкие, как отголоски кочевий в покрытых седыми ковылями раздольях, грустные, как развеваемый по степи пепел безымянных древних селищ, или тех костров случайного становья, которые много лет спустя наводили на поэта сладкую тоску старинных воспоминаний, приближают нас к таинственной колыбели музыкального развития поэмы, обличают первое чисто звуковое заражение певца лирической стихией бродячей вольности, умеющей радостно дышать, дерзать, любя, даже до смерти, и покорствоваться смиренно мудро. Фонетика мелодического стихотворения обнаруживает как бы предпочтение гласного **у**, то глухого и задумчивого, и уходящего в былое и минувшее, то колоритно-дикого, то знойного и узывно-унылого; смуглая окраска этого звука или выдвигается в ритме, или усиливается оттенками окружающих его гласных сочетаний и аллитерациями согласных; и вся эта живопись звуков, смутно и бессознательно почувствованная современниками Пушкина, могущественно способствовала установлению их мнения об особенной магичности нового творения, изумившей даже тех, которые еще так недавно были упоены соловьиными трелями и фонтанными лепетами и всею влажною музыкой песни о садах Бахчисарая» (там же, с.145).

Цыганы это поэма о *Мариуле*; все произведение амплифицирует духовную сущность этого имени и может быть определяемо как аналитическое суждение, – *имя* Мариула. Это и объясняет почему

²⁴Вячеслав Иванов, *По звёздам*, СПб., 1909, с.145

носительница его – не героиня поэмы: это сузило бы его значение. *Мариула* – это имя – служит у Пушкина особым разрезом мира, особым углом зрения на мир, и оно не только едино в себе, но и все собою пронизывает и определяет. Имя – по мыслям П. А. Флоренского – новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна. Отдельные слова лишь направляют наше внимание к нему. Но как имя воплощено в звуке, то и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствованием в его звуковую плоть. Этот звуковой комментарий имени Мариулы и содержится в «Цыганах»²⁵.

*Поэма начинается со стихов:
Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют;
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.*

Существенна во всем строении поэмы песня: *Старый муж, грозный муж* и далее различные сплетения с **у, ю**. Рифмы *гула, блеснула, Кагула* отвечают основному смыслу *Мариула*. По всей поэме обнаруживается звукостроение из **у, ю, ы, о**; например:

Уньло юноша глядел
На **о**пустелую равнину
И **г**русти тайную причину
Истолковать себе не смел...
Могильный **г**ул, хвалебный глас,
Из рода в роды **з**вук бегущий
Или под сенью **д**ымной **к**ущи
Цыгана дикого рассказ...
– **К**очуя на степях **К**агула...
– Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким **у**вереньям,
Ни даже сердцу **т**воему...
– **У**тешься, **д**руг, она дитя.
Твое **у**нынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское **ш**утя.
Взгляни: под **о**тдаленным **с**водом
Гуляет вольная **л**уна...

– Ах, **б**ыстро **м**олодость моя
Звездой **п**адуцую мелькнула.
Но **т**ы, **п**ора любви, **м**инула
Еще **б**ыстрее: **т**олько **г**од
Меня **л**юбила **М**ариула.

²⁵ Флоренский, П., *Имена*, Изд-во «Купина», 1993. С. 16

Однажды, близ кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали....

Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула,
Проснулся я: подруги нет!
Ищу, зову - пропал и след...

– **Клянусь**, и **тут** моя нога
Не пощадила **бы** злодея;
Я в **волны** моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом **упрекнул**,
И долго мне его падения
Смешон и сладок **был бы** гул...

– Нет, **полно!** Не боюсь тебя!
Твои угрозы презираю,
Твое **убийство** проклиная...
Умри ж и ты! - **Умру** любя...

Или **под юртой** остяка
В **глухой** расселине **утеса**...

Прибавим к этим выдержкам весь эпилог, собирающий основные элементы поэтической гармонии целого творения от музыкального представления «туманности» воспоминаний, через глухие отголоски бранных «гулов» до сладостной меланхолии звука Мариула, чтобы завершиться созвучием трагического ужаса, которым дышат последние строки:

И **под** издранными шатрами
Живут **мучительные** сны.
И ваши сени **кочевые**
В **пустынях** не спаслись **от** бед.
И **всюду** страсти **роковые**,
И **от** **судеб** защиты нет.

Тут подчеркнута гласная инструментовка; но не только в ней одной лейтмотив *милой Мариулы*.

Далее, несколькими штрихами, попробуем очертить звуко-онтологическое строение данного имени. Для облегчения звукового анализа имя *Мариула* было транскриптировано еврейскими буквами²⁶:

²⁶ Флоренский, П., *Имена*, Изд-во «Купина», 1993. С. 18-19 // см. также http://fr.Wikipedia.org/wiki/Antoine_Fabre_d'Olivet#Ouvrages.

7 6 5 4 3 2 1
 А Л У И Р А М
 ⚡ ℓ ı ı ı ⚡ ı

Павел Флоренский дал характеристики этих звуков, как метафизических начал, по Фабру д'Оливэ:

1. ⚡ **М** «Знак материнский и женский (в смысле самки): знак местный и пластичный; образ действия внешнего, страдательного. Он имеет связь с идеей материнства».

2. ⚡ **А** «Эта первая буква алфавита есть и знак мощи и устойчивости. Идея, которую она выражает, – это идея единства и начала, единства определяющего».

3. ı **Р** «Знак всякого собственного движения, хорошего или плохого: знак первобытный учащательный; образ возобновления вещей, поскольку дело идет об их движении».

4. ı **И** «Образ обнаружения мощи: знак духовной длительности, вечности, времени и всех идей, сюда относящихся: буква замечательная по своей природе гласной; но которая теряет все свои свойства, переходя в состояние согласной, в каковом она живописует одну лишь материальную длительность, род связи или движения».

5. ı **OU, W** «Эта буква представляет образ наиболее глубокой и наиболее непостижимой тайны, образ *узла* соединяющего или *точки*, разъединяющей бытие и небытие. Это – обратимый универсальный знак, знак, переводящий от одной природы к другой; сообщающийся, с одной стороны, со знаком света и духовного чувства ı , который есть он же самый, но более возвышенный, и соединяясь с другой стороны, при своем выражении, со знаком мрака и материального чувства ı , который опять-таки есть он же, но более пониженный».

6. ℓ **L** «Знак расширительного движения: он прилагается ко всем идеям протяжения, возвышения, занятия места, завладения. Как конечный знак, он есть образ мощи, происходящей из возвышения».

7. ⚡ <То же, что> = 2.

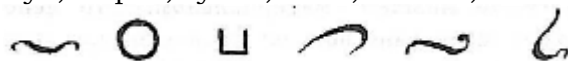
При изъяснении «корней», т. е. парных сочетаний букв, Фабр д'Оливэ поясняет, что «корень» ⚡ **LA** живописует прямую линию, действие, простирающееся беспредельно, не знающее границ, не имеющее пределов, которые бы его ограничили. Итак, в имени *Мариула* звуками передано пассивное и вместе с тем внешнее действие женской природы, разумея эту характеристику пола в плане низшем, материальном. Это действие захватывает пространство, беспредельно простирается вперед, потому что имеет собственное движение. Это есть проявление внутренней мощи, но не в высшем своем светоносном плане, а на границе бытия с небытием, – хотя и не чисто вещественное движение, но нечто близкое к нему. «Корень» ı **IW, IOU**, по мнению д'Оливэ, знаменует желание проявить себя и

выражение этого желания. И конечным «корнем» **н** **ЛА**, носящим характер суффикса, *это основное значение имени еще раз скрепляется: это женское действие, простирающееся беспредельно вперед, это желание материнства, этот позыв проявить себя и раскрыться вблизи к материальному, устремляется в пространство, не зная себе ни границы, ни цельности, ни внутренней меры*²⁷.

Нам кажется и мы вполне согласны, что этот звуковой анализ имени выражает и определяет основной замысел поэмы Пушкина: *стихийную женскую душу, наивно не знающую никакого запрета.*

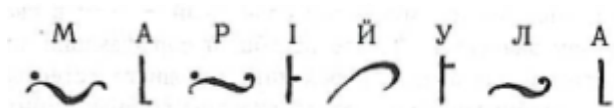
Для объяснения основного смысла имени **Мариула** Павел Флоренский применил и анализ при помощи *органического алфавита* де Бросса²⁸. Органический алфавит де Бросса выражает гласные звуки длиной голосовой трубы, соответственно опуская горизонтальную черточку на вертикали; согласные же он дает схематическим изображением производящих их органов, артикулирующих звук голосовой трубы; место и способ артикуляции обозначает точками и другими знаками. Основных знаков для гласных у него шесть: схемы

губ, горла, зубов, неба, языка, носа

Транскрибированная *органическим алфавитом* речь чрезвычайно наглядно представляет фонетическую свою природу, причем ясно видны как основные ее звуковые линии, так и малейшие частности.

Итак, *имя Мариула* будет написано²⁹:

Что касается гласной стороны имени мы видим, как постоянно восходит (по вертикали) кривая высоты звука, имея наибольшее тоническое ударение и наибольшую долготу звука на гласной, по природе наиболее высокой. Кривая тонической высоты совпадает с кривой фонической высоты, чем достигается величайшая плавность, органичность и звуковая цельность имени. Что касается согласной

²⁷ Флоренский, П., *Имена*, Изд-во «Купина», 1993. С. 20-21

²⁸ Флоренский, П., *Там же*, С. 20-21 // см. также

http://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclopædia_Britannica/Brosses,_Charles_de, *Traite de la formation mecanique des langues*. Paris, 1765. Brosses,_Charles_de, *Traite de la formation mecanique des langues*.

²⁹ Флоренский, П., *Там же*, С. 21-24

артикуляции звука, обнаруживается плавная последовательность применяемых органов: углы губ, конец языка, небо и снова язык, но уже в средней своей части. И эта кривая углубления в голосовой орган свою вершину имеет там же, где и кривая гласного звука. Это великолепный звуковой организм, тесно сплоченный, в котором каждый звук служит крепости целого. И все это целое имеет вознести возможно выразительнее вершину свою – звук **у**, доминанту всей поэмы. Следовательно, важно вдуматься в этот звук.

Теперь просится вопрос: разве Фабр д'Оливэ говорит не о *Цыганах*, своей характеристикой **у**? Разве не на контрасте *сильного у*, **у** *беспредельного свободного желания (стихия цыганства)* и *слабого у*, **у** – *сомнения и рефлексивного раздвоения (стихия беспочвенной цивилизации)*, построена поэма Пушкина?

Проверим разбор имени *Мариула* и всей поэмы, как выдвигающей звук **у**, звуковой живописью другого поэта:

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.
И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка – и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.
И пела русалка: «На дне **у** меня
Играет мерцание дня:
Там рыбок золотые гуляют стада;
Там хрустальные есть города.
И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.
.....
Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской ...*

Непонятная женская тоска, влажная и водная, свободная и беспредельная как волна, женская хаотическая сила, тоскующая по властно наложенному на нее пределу и бунтующая против всякого предела бессильного, в *Цыганах* противопоставлена духовно ничтожному и потому бессильному Алеко, в *Русалке* – мертвому витязю чужой стороны. Та же инструментовка на **у** – в *Мицери*, при противопоставлении бессилия человека вообще, особенно мужчины, запертого в стенах культуры, – женской стихии свободной и вольнолюбивой природы. В песне рыбки – тот же образ женский и влажный – в завершительной строфе рыбка раскрывает движущую силу своего призыва – любовь свою – неосуществимую любовь свою к

утонувшему отроку; опять тут слышится то же зовущее **у**:

*О милый мой! Не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...*

И тот же мотив неудовлетворенного желания, влажной стихии и нечеловеческой любовной тоски в аналогичной «песне русалок» – у Пушкина.

Но эта тоска по бесконечности в стихийной жизни, томление хаотической воли выразиться и притом не ограничить себя образом и формой – это **у** внутренне противоречиво. Призывая к безмерной полноте, оно губит: **у** на границе *бытия* и *небытия*. В томлении по этой границе и невозможности достигнуть ее не уничтожаясь, в стремлении человека слиться с природой, с ее рождающими недрами, но вместе – избежать ее губительной и всепоглощающей бездны – в этой внутренней противоречивости и заключен основной трагизм байроновского мирочувствия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Благой, Д. Д., *Творческий путь Пушкина (1826—1830)*, Москва, «Сов. писатель», 1968.
- Гуковский, Г. А., *Пушкин и русские романтики*, Москва, «Художественная литература», 1965.
- Жирмунский, В. В., *Байрон и Пушкин*. Л., Academia, 1924.
- Козмин, Н. В., *Пушкин о Байроне*, в кн.: *Пушкин в мировой литературе*, Л., 1986
- Лермонтов, Ю., М., <http://www.stihi-rus.ru/1/Lermontov/>
- Лосев, А.Ф., *Страсть к диалектике*, Москва, 1990.
- Лосев, А.Ф. *Бытие. Имя. Космос*, Москва, 1993.
- Пушкин, А. С., *Полное собрание сочинений*, т. 4. Москва, Изд-во Наука, 1978.
- Пушкин, А. С., *Поэмы*, Наука, Москва, 1986.
- <http://ru.wikipedia.org/wiki/1909//> Вячеслав Иванов, *По звездам*, СПб., 1909.
- <http://pushkin.niv.ru/review/pushkin/002/152>. С. М. Бонди. *Поэмы Пушкина*
- <http://> С. М. Бонди. *Поэмы Пушкина / Пушкин Александр Сергеевич // Мириады.*
- [http:// fr.Wikipedia.org/wiki/Antoine_Fabre_d'Olivet#Ouvrages](http://fr.Wikipedia.org/wiki/Antoine_Fabre_d'Olivet#Ouvrages).
- http://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclopedia_Britannica/Brosses,_Charles_de, *Traite de la formation mecanique des langues*. Paris, 1765. (Рус. пер. де Броссе Ш. *Рассуждение о механическом составе языков и физических началах этимологии*/ в пер. А Никольского, СПб., 1821-1822.
- Флоренский, П., *Имена*, Изд-во «Купина», 1993.

ABSTRACT

On the name Mariula in A. S. Pushkin's poem The Gypsies

The overall meaning of the A. S. Pushkin's poem *The Gypsies* hinges on the name *Mariula*. It stands for an entirely particular way of perceiving and representing the world in the poet's point of view.

Starting from the analysis of the sounds and their articulation in the name *Mariula*, the author of the article intends to present several dominant features of it.

The sound make-up of the poem enables particular concentration on such sounds as **у, ю, ъ, о**, but primarily on the sound **у** in its strong and weak variants.

The contrast between strong and weak **у** enacts *the infinite desire for freedom of Mariula*, the Gypsy woman, on the one hand, and on the other, *the doubts aroused and challenge posed by the chaotic, asocial pattern of Gypsy culture*.

The name *Mariula* expresses in its sound construction, *the feminine character of the typical Gypsy community* as well as *the unbounded and indefatigable maternal feeling*.

ТОЛСТОЙ И ТУРГЕНЕВ: МЕЖДУ ЯСНОЙ ПОЛЯНОЙ И СПАССКИМ-ЛУТОВИНОВЫМ (К ВОПРОСУ О GENIUS LOCI)

Нина НИКИТИНА
Ясная Поляна, Россия

Ключевые слова: *genius loci, Тургенев, Толстой, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, усадьба, топос, пространство*

С далеких античных времен считалось, что у любого топоса есть свой *genius loci*, свой дух и хранитель, патронирующий пространственные горизонты, безграничные планы лесостепного пространства. Подход к пространству как к чувству, формирующему картину мира человека, предполагал наличие души в каждой культуре, сформированной в пространственных символах.

Ясная Поляна и Спасское-Литовиново – места, репрезентирующие геобиографию двух гениев. Как Толстой и Тургенев соотносились с *genius loci*? Какова была геофилософия хозяев этих усадеб? Каковы масштабы компетенции правителя места и в каких взаимоотношениях с ним должен находиться художник, проживающий с ним бок о бок?

Эти топосы были не просто местом обитания писателей, но и стали их «географией ума». Благодаря Ясной и Спасскому мысль стала пространственно-географическим явлением, или, по крайней мере, так ощущалась читателями. Сила влияния *genius loci* оказалась здесь столь могущественной, что воздействовала порой даже на расстоянии. Более того, находясь вдали от милых сердцу усадеб, художники умудрялись посвящать им свои шедевры. Вспомним, литературный дебют Льва Толстого, состоявшийся в Тифлисе и адресованный Ясной Поляне.

Мысль Гения «формовалась» географией лесостепного усадебного пространства, местом проживания (обитания), обрела форму этого пространства. Иными словами, топос Ясной Поляны и Спасского-Лутовиново не просто одаривал вдохновением, а становился таинственной субстанцией, наполнявшей форму текста. Ветвистый корявый дуб, огромные равнинные пространства, изгибы речушек управляли «географией ума» Мастера.

Ландшафтные образы лесостепного пространства пронизывают творчество Толстого и Тургенева, составляют часть их уникальности, раскрывают историю Гения. Пространство Ясной Поляны и Спасского-Лутовиново осмыслялось ими с точки зрения его метафизики, конкретные образы природы создавали основу для

презентации Гения в культуре. Образ лесостепи, благодаря Толстому и Тургеневу был отрефлексирован как особое литературное пространство, ставшее для обоих местом элитогенеза, не без влияния которого были сформированы их художественные стили. Общее лесостепное пространство сближало двух гениев и одновременно разделяло бесконечными оврагами-верхами.

Анализ геообразов Толстого и Тургенева, осмысление феномена их геотворчества, обнаружение геореминисценций в их художественных шедеврах, является важной процедурой исследования топографических структур, мастерски вписанных ими в свое художественное пространство.

Геопространство Гения, будь то Ясная Поляна или Спасское-Лутовиново тотально персонифицировано той или иной персоналией. Топосы обитания Толстого и Тургенева, не смотря на, казалось бы, их общее лесостепное бытование, в сознании художников отразились по-особому, каждый создал свой неповторимый художественный язык, локально-точечный и безгранично-вселенский одновременно.

Продолжительное и постоянное пребывание Льва Толстого в одном и том же «привычном от вечности» фамильном пространстве породило мощный геоэффект, отразившийся в синкретичном слиянии с жизнетворчеством Мастера.

Ленты дорог, сонм пристанищ, лесные массивы, степные равнины, сама связующая пространственная субстанция – все это было творением не только *genius loci*, но и результатом толстовских усилий, направленных в течение долгих лет жизни на соавторство с гением места.

Образ «колыбели», ставшей еще и местом постоянного обитания, был не раз им переосмыслен и трансформирован, неоднократно менял свой прежний облик. Он сам выбрал Ясную Поляну, которая была самым недоходным имением из тех, что достались по наследству толстовским братьям и сестре. Став хозяином яснополянского имения, он произвел некую инвентаризацию ландшафтов, доминантой которых были бесчисленные овраги, аукавшиеся между собой мощным эхом.

Преимущественно голое пространство Ясной Поляны, перерезанное вдоль и поперек многочисленными оврагами, верхами с пашнями и сенокосами представляло достаточно унылую однообразную картину, вызывавшую неприятие со стороны тонкой художественной чувствительности Льва Толстого. Сильный степной эффект с характерно-бесконечным фоном/планом дали, лишь иногда корректируемой синей кромкой леса, породил тоску, вызываемую безграничностью равнинного простора. Большую часть пространства, сотворенного здесь *genius loci*, занимал горизонт бесконечности, давивший художническую душу полями и снегами, своими необъятными беспредельными далями, создававший ощущение

тотальности, рождавший невольное желание его «снятия», избавления от него.

Может быть подсказку, как минимизировать воздействие бесконечной горизонтали, Толстой получил в самом имени Ясной Поляны. Ясень – дерево-символ огромного мира, напоминало о тайной мудрости, поиск которой привел молодого помещика к идее активного лесонасаждения своей малой родины. Оказавшись в 1852 году в двусмысленной ситуации, связанной с продажей части старого леса Чепыж, Толстой отказался от этой идеи и предпочел продать старый фамильный дом для того, чтобы вырученными деньгами отдать долги. Чепыж с его столетними культовыми дубами был, таким образом, спасен и тем самым, уберег своего хозяина от опасной бесконечности горизонта, от «безграничности степного плана». Прочувствовав опасную силу влияния горизонта, писатель инстинктивно обезопасил себя лесопосадкой. Чтобы преобразить слишком открытое тревожащее пространство, Толстой придумал свою пространственную концепцию: закрыться от бесконечной горизонтали лесной вертикалью.

Этот «маленький помещик», как он себя называл, родившийся в деревне, любящий свой уголок как свою маленькую родину, азартно принялся за ее преобразование, благодаря которому доминирование степного пространства было подвергнуто радикальной коррекции. Он увеличил сад, посадив яблони, а в 1857 году преобразовал овраг Плоцкий верх, засадив его дубами. Лесонасаждение имело для Толстого еще и поэтическую сторону, ставшую важной формой единения с природой. Благодаря такому альянсу вскоре за рекой Воронкой, где когда-то была пасека, он развел яблоневый сад (правда, сад вскоре погиб от грызунов). Через несколько лет на месте старой пасеки от самосева семян «засел» березняк, названный Самородным. Так *genius loci* словно поощрял, благословлял усадебные преобразования Толстого, становился его союзником. Благодаря таким обоюдным стараниям на протяжении 14 лет было посажено 15 десятин леса. Любопытно, что во время написания «Войны и мира» лесоводческая страсть Толстого угасала. Эпическому романному пространству требовался соответствующий горизонтальный антураж. Однако, после завершения эпопеи лесоводческие интересы вновь ожили, и писатель принялся за крупную реорганизацию своего центрального массива – Абрамовской и Митрофановской посадок, позднее Чеснокова отвода, Телятинских и Лимоновских лесов, территории за Воронкой, таким образом, снимая проблему давления горизонта.

В период 1863-1899 годов в Ясной Поляне было посажено 97 десятин леса и запущено под лес 27 десятин. На новых купленных землях была посажена еще 51 десятина. Позднее, уже под

руководством С.А. Толстой в Елочках постепенно производились последние посадки.

Полученные Л. Н. Толстым по отдельному акту 1847 года 190 десятин леса, были им приумножены более чем в два раза и в 1910 году составили уже 439 десятин, из которых 288 десятин были естественного происхождения, а 161 десятина леса была посажена самим писателем.

Думается, что в этом была не только чисто финансовая выгода хозяина усадьбы (лес как приданое для дочерей), но и одновременно его решение метафизической проблемы, связанной с идеей «сужения» горизонта, решаемой на уровне игры с *genius loci*.

Зависимость душевного пространства хозяина Ясной Поляны от размеров яснополянского горизонта очевидна. Толстому хотелось его сузить, что и было им сделано, благодаря многочисленным лесным посадкам, «разорвавшим» бесконечную нить горизонтальной дали. А в его текстах эпическая стихия, бездна пространства, которой нет конца края, заменяется романной, позже малой прозой, передававшей экстракт притяжения, влечения к предельному горизонту, где небесная бесконечность сливается с лесной конкретностью.

Толстой принес свое понимание феномена *genius loci*, подменив степной хаос воздвигнутым им «храмом природы», сотворившим величественные дубы, ветвистые березы и статные осины, блестящие на солнце. Теперь облик Ясной Поляны стал совсем иным: более зрелищным и зримым. Изначальному географическому образу, созданному *genius loci*, он придал иные черты, невольно отождествив себя с древним духом. Полная идентификация с *genius loci* проявилась и в просьбе похоронить себя на краю оврага Старого Заказа. Ему казалось, что, навсегда оставаясь в яснополянском пейзаже, он невольно придает родной земле собственные черты. Выбрав голубую поляну незабудок в качестве последнего пристанища, он окончательно слился с древним *genius loci* в своей постжизни. Так, мистической семантике словосочетания «гений места» Толстой придал вполне реальный смысл плоти.

А какие взаимоотношения были у «степняка» Тургенева с *genius loci*? Ведь, как известно, каждое место имеет своего персонального духа. В Спасском-Лутовинове, гораздо более камерном по сравнению с Ясной Поляной, конечно же, в полной мере отразился образ Мастера. Не случайно, усадебная топография, особенно, дом, деревянный, очень старый, обшитый тесом и выкрашенный клеевой краской в сетло-лиловый цвет, словно обнажал «корни бытия» Тургенева. Не поэтому ли Лев Николаевич был убежден в том, что его соседа и собрата по перу «надо показывать в деревне», потому что здесь «он совсем другой, более близкий».

Безусловно, связь Тургенева с *genius loci* другая, но не менее таинственная. Казалось, что он ничего не знал прелестнее орловских старых садов, особых степных запахов, лепечущих лип, узких длинных аллей, заросших земляникой. Он постоянно испытывал ко всему этому «влечение плоти», магическое притяжение чувства родной почвы, на которой родился. Не потому ли Толстой был убежден в том, что Тургенев «глупо устроил себе жизнь», постоянно находясь вне Спасского-Лутовинова. Ведь «нельзя устроить жизнь необыкновенно», не имея собственного гнезда. Из-за этого Тургенев казался ему «нежилым». Однако, Спасского-Лутовиново в самой интимной поэтической географии иногда не было пусто для Тургенева. Находясь за границей, он постоянно помнил все тончайшие топографические детали Спасского, которые оставались для него родными, реальными, а не воображаемыми. Словно он и не покидал этих мест. Живя во Франции, писатель постоянно «встречался» и «общался» в своем утаенном внутреннем мире с *genius loci*, хозяином Спасских лесостепей. Тургенев постоянно находился в экзистенциальном пространстве, в котором были перемешаны усадебные образы, подпитывался флером степной глубинки. Образ родного топоса стал пределом его любви и неким метафизическим убеждением. Контекст взаимоотношений Тургенева с *genius loci* носил более когнитивный характер, нежели у Толстого. Тургенев сумел очень тонко прочувствовать родное лесостепное пространство, обогатить его своими художественными образами. Он словно «перенес» всю магию Спасского-Лутовинова на страницы своих произведений, умозрительно находясь в родном имении. Не поэтому ли, он воспринял все, созданное здесь *genius loci*, как божественное и гармоничное, что не рискнул, даже в мыслях, прибегнуть к каким бы то ни было усадебным реформациям, относясь ко всему, сотворенному тут, с величайшим пиететом.

Тургенев не стал, подобно Толстому, менять прежнюю концепцию, сотворенную гением места, не вторгся в горизонтальную бездну пространства, посчитав подобные действия сродни варварству. «Нежилым» писатель стал как раз оттого, что не позволил себе контролировать действия *genius loci*, любясь окружающим раздольем: «Круглые, низкие холмы, распаханнные и рассеянные доверху, разбегались широкими волнами; заросшие кустами овраги вились между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие роци;... далеко в поле гуськом торчали драхвы... А далее... холмы все мельче и мельче, деревья почти не видать. Вот она, наконец, – безграничная, необозримая степь». Тургенев не рискнул сузить это степное пространство. Завораживающая степь, словно «приквартировала» его к себе, не только на ограниченное ею время. Тайная и глухая тоска, от которой он не мог избавиться, которую, казалось ему, ничто не может рассеять, исчезла при воспоминании о

божественном гении – покровителе Спасско-Лутовинова. Как он признался, расставание с *genius loci*, было равносильно для писателя тому, чтобы «лечь в гроб». Спасское навсегда осталось самой важной доминантой тургеневского экзистенциального пространства, самой высокой географической точкой его души.

Ему было комфортно лишь вдали от степного пространства. Только находясь в краях далеких, взгляд писателя становился фиксированным, сосредоточенным на родной усадьбе, а, находясь вблизи, степная вольница снова увлекала его в таинственную воронку. В отличие от своего яснополянского соседа, Тургенев предпочел совсем иные отношения с «бесконечным планом». Он не стал конструировать пространство, чтобы создать подобие лесных декораций, не рискнул «разбить» степную горизонталь лесной вертикалью. Толстой же сумел «приручить», «одомашнить» недостижимый горизонт. Тургенев же поспешил скрыться от него физически для того, чтобы метафизически, напротив, сохранить его след внутри себя.

ABSTRACT

Tolstoy and Turgenev : Between Jasnaja Poljana and Spasskoe-Lutovinovo (about Genius Loci)

The article is a reflection on the question of *genius loci* as a Spirit and Protector of the surrounding space, as a soul of the particular culture expressed by symbols. This idea is applied to Jasnaja Poljana and Spasskoe-Lutovinovo as places not only of habitation of two of the greatest Russian writers – Leo Tolstoy and Ivan Turgenev –, but mainly as their “geography of the mind”. The strong relationship of these authors with their places is reflected in their works.

**ОБРАЗ РОССИИ В ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(ИВАН ШМЕЛЕВ И ИВАН ИЛЬИН)**

Людмила БЕЖЕНАРУ
Яссы, Румыния

Ключевые слова: *русская эмиграция, образ России, русская душа, русская культура, русскость, духовность*

Русское Зарубежье XX-го века – явление совершенно уникальное в русской и мировой истории. В ее духовном наследии особое место занимают размышления об оставленной Родине, ее исторической судьбе и предназначении, о месте и роли русского народа в жизни человечества и в общечеловеческой культуре. Буквально все сколько-нибудь влиятельные мыслители и художники, представляющие « Россию вне России», посвятили самые свои сокровенные работы разгадыванию «русской идеи», обдумыванию «русской стихии». Поток общерусской эмигрантской мысли (первой, «имперской» волны эмиграции – 1910-1930гг., второй, военной и «оттепелевской» – 1940-1960гг., третьей, диссидентской – 1960-1990гг., четвертой, к которой принято отнести эмигрантов самого последнего времени, покинувших Россию уже не столько по идеологическим, сколько по экономическим соображениям) влился в общерусскую культуру. Замечательные философы Петр Струве, Николай Бердяев, Семен Франк, Сергей Булгаков, Георгий Федотов, Федор Степун, богословы Антоний Храповицкий, Владимир Лосский, Василий Зеньковский, отец Георгий Флоровский, историки Павел Милюков и Георгий Вернадский, критики и искусствоведы Г. Адамович, К.Мочульский, Н.Трубецкой, выдающиеся русские писатели, музыканты, театральные деятели и живописцы И.Бунин, Д.Мережковский, З.Гиппиус, В.Ходасевич, В.Набоков, Ф.Шаляпин, С.Рахманинов, И.Стравинский, М.Коровин, В.Кандинский, М.Чехов, поэты Борис Поплавский, Иван Елагин, Иосиф Бродский, прозаики Александр Солженицын, Василий Аксенов, Владимир Максимов, Сергей Довлатов, Саша Соколов – все эти имена и многие другие из тех более трех миллионов русских беженцев – эмигрантов и просто эмигрантов, уже четырех волн русской эмиграции, делают духовный опыт Русского Зарубежья непреходящим, а его искания созвучными нашим дням.

У каждого из эмигрантов, принадлежащим к культурной и политической элите Российской Империи, или к борющимся за визы и за право более или менее легального выезда представителей третьей эмигрантской волны – был свой путь в русскую культуру, однако все они сохранили и через всю жизнь пронесли любовь к родине – к России. У каждого была своя тема, свой голос, своя манера писать, свой способ жить. Некоторые приняли исторические события (Февральскую и Октябрьскую революции, «оттепель», перестройку) с чувством радости, ожидая свободы и демократии. Но и те, кто осознанно желал эмиграции, и те, кто не желал, но, по разным обстоятельствам оказался за пределами родной страны, жили мыслями о «своей» России. Все они по-своему чтили родину – и хотя писали о ней с болью и нежностью, с горечью и негодованием, со страстью и со смирением – это были слова беспредельной любви. Впечатлительны строки Михаила Осоргина, опубликованные в 1924 году в газете «Дни»: *«Ты огромную землю и тот многоплеменный народ, которым я в благодарность за рожденные чувства и за строй моих дум, за прожитое горе и радость дал имя родины, - никак и ничем у меня отнять нельзя, ни куплей, ни продажей, ни завоеванием, ни изгнанием меня – ничем, никак, никогда. Нет такой силы и быть не может.»*³⁰. А Гайто Газданов в письме к Горькому высказывал мысли по поводу языка своих произведений которого тоже связывал с родной ему Россией: *« ...Россия – моя родина, и ни на каком другом языке, кроме русского, я не могу и не буду писать.»*³¹. Для Алексея Ремизова вся жизнь прошла, по его собственным словам, *«с глазами на Россию»*, а для Георгия Иванова Россия была *«счастьем, и прахом, и страхом, и долгой ночью, и тишиной, и веревкой, и пулей, и ледяной тьмой»*. Той страной, над которой возшло другое солнце – *холодное*, по образному выражению Ивана Шмелева, – *солнце мертвых* – где образ-символ солнца указывает на *«Господа живого в небесах, посылающего людям и жизнь, и смерть, – и на людей, утративших Его и омертвевших во всем мире»*³². В стране зомби, над которой вознеслось солнце мертвых, у Шмелева остался другой мир – «тварный», мир добра и красоты. Это павлин Павка, коза Прелесть, корова Тамарка, козел Бубик, курочки Торпедка, Жемчужка, Жаднюха. Именно эта шмелевская Россия может противостоять силе и миру зла. А образ поющего дрозда в начале и в финале эпопеи олицетворяет идею торжества жизни и образ новой России.

³⁰ *С того берега, Писатели русского зарубежья России*, М: «Водолей», 1992, с.5;

³¹ там же;

³² *Литература русского зарубежья. 1920-1990*, уч. пос. под общей ред. А.И. Смирновой, М, «Флинта», 2006, стр.67;

Дрозд (жаворонок) назван у славян³³ певцом Божей Матери, который исповедуется самому Богу. Финальные аккорды «Солнца мертвых» подсказывают и намекают на *исповедательный путь*, который должна пройти Россия. Ростки новой России И.С.Шмелев изображает в повести «Старый Валаам»: «Где Россия, творившая светлых старцев, духовников народных? Есть ли они теперь на новом Валааме? Сердце мне говорит, что есть, в необъятных родных просторах, неясные, может быть, прорастающие только в великом народе нашем. Придет время, – и расцветут редкостные цветы духовные. Господний посев не истребится»³⁴.

Таким «светлым старцем» и «духовником народным» Иван Шмелев считал своего собрата – эмигранта – Ивана Ильина. Автор «Лета Господнего» писал И. Ильину 22 января 1927 г.: «Не раз порывался написать Вам, приветствовать Вас за стойкость, за блеск дарования Вашего, за мужество в борьбе, за величайшую честность перед Россией, за высокую и одухотворенную человечность – русскость! За ту горькую и нужную нам всем *правду*, которой Вы ищете, находите и поясняете нам. Вы один из первых – *нужнейших* родине, – нет. Вы – исключительнейшее явление, светлейшее – в страшном и подчас великом разное, царящем в эмиграции – и повсюду. Вам выпала – и по праву! – доля высокая – представлять за Россию, за дух и ценность»³⁵

«Представлял» Ильин по фундаментальным вопросам русского бытия – национальный, религиозный, социальный – указывая пути избавления России от соблазнов коммунизма и выхода из постигшего ее духовного, политического и хозяйственного кризиса. Труды Ивана Александровича Ильина, «борца за русскость и ее возрождение», по меткому определению Н.П. Полторацкого, в полном собрании появились в России лишь в конце 90-х годов XX в., поэтому в большинстве своем они мало знакомы читателю. Силу, феноменальность, значимость философских трудов Ильина периода эмиграции еще предстоит изучить не одному поколению ученых. Но уже теперь ясно, сколь важны они были не только для эмигрантов, но и для тех, кто оставался и остался в России и не переставал бороться за ее спасение и сохранение.

Читатели Ильина, принимающие и НЕ принимающие его идеи, по-разному оценивали его творчество. Нелестные оценки появились после выхода книги Ильина «О сопротивлении злу силою». Зинаида Гиппиус назвала книгу «военно – полевым богословием»; примерно в таком же духе высказались Н. Бердяев, который называл автора

³³ Берегова О., *Символы славян*, Москва – Санкт-Петербург, «Диля», 2008, с. 93-95;

³⁴ *С того берега*, с.5;

³⁵ Ильин И.А., *Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1927-1934)*. – М.; «Русская книга», 2000, с.14;

книги «небесным чекистом», Ф. Степун, В. Зеньковский. Причиной употребления солдафонской терминологии послужила критика Ильиным толстовской идеи непротравления зла. Но большинство читателей и ценителей ильинского мышления поддерживали русского философа. Среди них – П. Струве, Н. Лосский, митрополит Антоний и основная часть белой эмиграции, чьим «идеологом» он был.

Публицистические работы Ивана Ильина, демонстрирующие уникальный патриотизм их автора, совершенное владение им родным языком – яркий примера служения Отечеству.

Речи о России были созданы Ильиным в 1926-1927 гг. в Берлине и произнесены по случаю Дня русской культуры, ежегодно отмечавшегося эмиграцией и приуроченного к дате рождения А.С. Пушкина. Впервые брошюра И.А. Ильина под таким названием вышла в 1934 г. в Софии в издательстве «За Россию». С этими речами И.Ильин выступал вплоть до 1933 г. и имел успех у публики, о чем свидетельствует заметка «День русской культуры в Берлине», опубликованное газетой «Возрождение», (Париж, 1933, №2842, 22 июня):

«Центром программы Дня русской культуры явилось вдохновение, захватившее огромную аудиторию – слово проф. И.А. Ильина. Это слово не было программной речью, а напряженным и волнующим публичным «исповеданием веры», почти до религиозного пафоса возвысившейся поэмой о «любви к родине»: о воскресении русского духа, о неизбежном торжестве щедрой, молодой еще силами, закаляемой тяжкими Божьими испытаниями народной душе. Говорил И. А. Ильин в конце о самом прекрасном, вершинном достоянии русского духа: языке – певучем, просторном и богатом своею палитрой. Собравшаяся аудитория проводила оратора сердечной, долго не смолкавшей овацией».

Три речи о России И. Ильина – лишь творческий эпизод, значительный и значимый, его героического служения Отчизне в изгнании. Во-первых, они созданы в первые годы пребывания Ильина за границей, когда произошедшее переживалось остро драматично, порой надрывно, оттого и выражалось часто в форме протеста, призыва, возвания. Во-вторых, уже тогда многие, в том числе и И. Ильин, осмыслили и сформулировали цели и задачи белой эмиграции, которые заключались в следующем:

1) в спасении русской чести (миллионы русских не приняли большевистский режим, показав миру, что он противоречит всем русским ценностям, традициям, национальному самосознанию);

2) в противостоянии силам зла и разрушения;

3) в свидетельстве миру о сути этого зла, грозившего всему человечеству.

Эти задачи, в сущности, определяли и функции русской эмиграции, о которых обоснованно писал М. Назаров в своей книге

«Миссия русской эмиграции»: «...первая функция – сохранить память о дореволюционной России и ее национальное самосознание, стать в меру возможностей как бы «блоком памяти» своей нации. Эмигрантская литература запечатлела ту российскую цивилизацию, которая с приходом большевиков была навсегда утрачена; сохранила духовные ценности русской нации. Православная церковь стала духовным стержнем русской эмиграции, и благодаря этому была осуществлена и первая и две последующие функции. *Вторая функция русской эмиграции* заключалась в помощи тем или иным силам на родине, которые сопротивлялись коммунистическому эксперименту, отстаивая традиционные ценности. В этом проявился нравственный долг эмиграции по отношению к Отечеству, поскольку большая часть эмиграции превратила свое пребывание в зарубежье не в наслаждение свободой и имевшимися благами, а в виде *аскетического* служения России (примером тому жизнь и творчество И. Ильина, И. Шмелева и многих других). Это проявлялось в форме политической поддержки русским политическим эмигрантам, зарождавшимся в России силам нравственного сопротивления большевистскому режиму, в издании книг авторов, живших в России, но не имевших возможности печататься там.

И, наконец, *третья функция* эмиграции – творческая: осмысление трагического опыта революции как опыта всемирного; раскрытие нового уровня «русской идеи» – как синтеза общечеловеческого опыта»³⁶.

Об этом же говорил в 1924 г. Иван Бунин в своей знаменитой речи *Миссия русской эмиграции*, подчеркивая мысль о том, что истинные сыны Отечества, не принявшие установившегося режима и не переставшие любить Россию, не могли ни уклониться, ни избежать ее. Они, по мысли И. Бунина, были «грозным знаком миру и посильными борцами за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и повсюду пошатнувшиеся»³⁷.

Таким, одновременно «грозным знаком миру» и «посильным борцом» за Россию, и был И.А. Ильин, аскетически, верой и правдой служивший Отечеству всю свою жизнь. Как правило, он апробировал на публике все свои идеи и использовал аудиторию для их пропаганды. По всей видимости, так случилось и с речами о России: непосредственно, на лекциях, И.А. Ильин говорил о самом главном для всех присутствующих, видел и чувствовал их отклик, отвечал на волнующие вопросы и убеждался в уместности и необходимости своих выступлений. Об этом он писал И.С. Шмелеву: «А сейчас еду в

³⁶ Назаров М.В., *Миссия русской эмиграции*, М.: «Родник», 1994, с.7-9;

³⁷ Бунин И., *Миссия русской эмиграции* // Бунин И., *Под серпом и молотом.* – Лондон, 1975, С. 209-217;

Прагу читать по-русски нашей молодежи: О патриотизме, о монархии, об интеллигенции, об основах воспитания русского национального характера и т.д.» (И. Ильин – И. Шмелеву 1.05.27 г.)³⁸. В первой половине мая 1927 г. Ильин выступил с рядом лекций в Чехии, в том числе в Пшибраме и в клубе у К.П. Крамаржа.

Речи о России созданы И. Ильиным по всем правилам ораторского искусства: в них использована классическая трехчастная структура публичного выступления с вступлением, основной и заключительной частями. Удачны все приемы и способы передачи главной мысли (по Ильину, «предмета») – это и риторический вопрос, и повтор, и противопоставление, и выделение, и нанизывание, т.е. усиление напряжения, и призыв, чем часто завершается публичное выступление, и система доказательств, и многое другое, свидетельствующее об ослепительном его ораторском мастерстве и даже об особом даре «возбуждать и ублажать». Подтверждением тому еще одно письмо самого И. Ильина к И. Шмелеву, в котором говорится о частых выступлениях перед германской публикой: *«Бывает так, что в 10 дней выступаю 9 раз. Аудитория редко исчисляется сотнями, чаще тысячами. Расходятся возбужденные, с горящими глазами. Обличаю нещадно. Знаю, что всем этим служу родине»* (18.11.28 г.)³⁹.

Невозможно не оценить как превосходное и мастерство владения словом Ильина. Всегда уместно, всегда о главном, всегда точно в цель, всегда исчерпывающе и значимо – таково умение Ивана Ильина говорить, убеждая, и вести за собой. Его рассуждения о русской душе глубоки, чарующи и оригинальны. Фундаментом русской души, русской культуры, *русскости* как определяющей составной русской духовности философ считает *религиозность*: *«Россия дала нам религиозно живую, религиозно открытую душу. Издревле и изначально русская душа открылась божественному и восприняла Его луч; и сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на земле. Что есть жизнь человека без этой живой глубины, без этой «осиянности и согретости» внутренним светом? Это – земное без Божественного; внешнее без внутреннего; видимость без сущности; оболочка, лишенная главного; пустой быт, бездыханный труп, повапленный гроб; суэта, прах, пошлость... Из глубины нашего Православия родился у нас этот верный опыт, эта уверенность, что священное есть главное в жизни и что без священного жизнь становится унижением и пошлостью, а Пушкин и*

³⁸ Ильин И., *Собрание сочинений: В 10 т.* – М.: «Русская книга», 1999. – Т.6. – Кн.2, с.28;

³⁹ там же, с.110;

Гоголь подарили нам это клеймящее и решающее слово, которого, кажется, совсем не ведают другие языки и народы...»⁴⁰.

Или эта строгая образность, поражающая своею глубиной проникновения в суть, в изначалье русского национального духа и характера: *«В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера.. У зрячего глаза прикованы к дали; у слепого очи уходят вглубь. О, эти цветущие луга и бескрайние степи? О, эти облачные цепи и гряды, и грозы, и громы, и сверкания! О, эти земные рощи, эти дремучие боры, эти океаны лесов! Эти тихие озера, эти властные реки, эти безмолвные заводы! Эти моря – то солнечные, то ледяные! Эти далекие, обетованные, царственные горы! Эти северные сияния! Эти осенние хороводы и побегу звезд! От вас прозрели наши вещи художники. От вас наше видение, наша мечтательность, наша песня, наша созерцающая “лень”»*⁴¹.

Умело использовал Ильин речевые средства выразительности, создавая с их помощью афористичную, блестящую, искрометную речь, которая возбуждала патриотические чувства у публики, очаровывала ее, формировала ее позицию, созвучную позиции оратора. Во вступительной части, И. Ильин не только привлекал внимание слушателя к проблеме, не только говорил о самом насущном, но обрисовывал круг вопросов и проблем, о которых будет рассуждать далее. И делал это мастерски: используя прием повтора, меткие сравнительные обороты, сопоставления и сравнения, добивался максимального усиления патриотического чувства у присутствующих, настраивая их тем самым на восприятие всего материала:

«В наше время, время видимого крушения России, а на самом деле – время ее мученического очищения, ее исторического оправдания и духовного возрождения в перерожденном виде; в наши дни, дни великого соблазна для близоруких и великих надежд для дальноруких, когда русский народ, всеми иными народами преданный и покинутый, сам с собой наедине перед лицом Божиим добывает себе свободу голодом и кровью, пытаясь по-самсоновски повалить на себя капище Дагона, но выйти из-под развалин с молитвою на устах и с приговором для своих врагов; в такое время, в такие дни, когда у каждого русского сердце горит от святой любви и священного гнева, когда уже иноземцы начинают постигать мировое и пророческое значение русской трагедии и содрогаться своей собственной судьбе, чудится мне, что у всех нас есть потребность обратиться к России в ее историческом целом, окинуть взором, сколько его хватит, нашего взора, пути, и судьбы, и задания нашей родины, основы и первоосновы ее культуры, из коих все вышло и к

⁴⁰ См. Бунин И., Указ. соч., с.13;

⁴¹ там же, с.14;

коим все сводится, увидеть их в силе и в славе, увидеть их и в опасных уклонах и соблазнах, увидеть все это не только в исторической ткани нашей страны, но и в нас самих, в наших душах, в их сознательном и бессознательном укладе, в явных деяниях дня и в тайных сновидениях ночи; с тем, чтобы каждый из нас осязал в самом себе и чудесные дары нашей России, составляющие самую русскость нашей русскости, и те пробелы, те слабости, те недостроенности и неустроенности русской души, которые не дали нам устоять против мирового соблазна, но привели наш народ на гноище мировой истории, те несовершенства и незавершенности нашего национального характера, без одоления которых нам не построить России – ни нам, ни нашим детям и внукам.»⁴².

Душа какого русского и не только русского не отзовется на такое речение? Именно поэтому противники и откровенные враги И. Ильина и всего русского не давали ходу его мыслям и высказываниям, поскольку последние обладают великой объединяющей силой. Ильин знал и видел творцов переворота семнадцатого года, не принял их идеологии и пострадал насильственным отлучением от Родины, как и многие другие истинные патриоты России, среди которых был и И. Шмелев, близкий ему по духу человек. Они понимали необходимость борьбы за Россию и изо всех сил старались отстаивать свои принципы и идеи, тем самым, реализуя и первую, и вторую, и третью функции великой миссии русской эмиграции. Так, И. Ильин не только писал о том, что и как произошло в России в 1917 г. и после, но и умело передавал свой опыт молодому поколению в лекциях, беседах, выступлениях, дискуссиях. Он талантливо пропагандировал при этом творчество истинно русского писателя И. Шмелева, считая последнего талантливейшим художником слова, запечатлевшим в своих произведениях живой облик прежней России. Он вспоминал: «Аудитория была полна; сочинения Шмелева были разобраны во всех библиотеках; говорят – «Вы нам раскрыли Шмелева» (И. А. Ильин – И. С. Шмелеву, 23.06.30 г.)⁴³. Пафос всех мыслей, пафос веры, любви и надежды двух Иванов – Ильина и Шмелева – на лучшее будущее своего Отечества, заключается в высоконравственном и здоровом восприятии лучших традиций русского народа, способствуя тем самым возрождению новой России. Преподаватель Питсбургского университета Николай Петрович Полторацкий, один из исследователей творчества Ильина, писал о том, что «Ильин занимает совершенно особое место в той плеяде русских мыслителей, которые создавали современную русскую религиозную философию. И это не

⁴² там же, с.7;

⁴³ См.Ильин И.А., *Переписка...*, с.209;

только потому, что он расходился идейно с Розановым, Мережковским, Булгаковым, Бердяевым, Карсавиным...дело не в самом факте расхождения, а в характере и содержании этого расхождения»⁴⁴. Почитателям и противникам творчества Ильина – философа, Ильина – проповедника «Белой идеи» и Ильина – патриота Земли русской, еще предстоит распознать характер и содержание вышеназванного расхождения, так же как и суть его литературно – философского и идейного наследия. Истинный сын своего народа, он считал жить в России выбором «единственно верным и духовно необходимым, хотя и очень опасным»⁴⁵. В своем письме к П.Б. Струве, толкуя о живой совести, о мудрости терпения и об умении прощать и повиняться, Ильин рассуждает, вновь и вновь, о судьбе своей любимой родины: «Россия в своем основном массиве – там; там она болеет, там же находит и найдет пути к исцелению. Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой – то вы глубоко ошибаетесь. ...там была огромная адская кузница духа: молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч – черный, в своем первоначальном, белом сверкании Без этого черного луча – все души бессильны бороться с сатаной. Я каждый день благодарю Бога за то ,что он приобщил меня к этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне...Этот духовный опыт ohne seines gleichen (бесподобный).»⁴⁶.

⁴⁴ И.А.Ильин, *Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции.*, М., «Искусство», 1993, с.6;

⁴⁵ *Политическая история русской эмиграции. 1920-1940. Документы и материалы*, М., «Владос», с.77;

⁴⁶ там же;

ABSTRACT

The Image of Russia in the Spiritual Heritage of Russian Emigration

The culture of Russian emigration is a unique phenomenon in the universal culture. Each emigrant, either belonging to a political and cultural elite of the Russian Empire, or acquiring with difficulty a visa to flee the country, shouldered his way in the current of emigrant thinking, shaped by the “Russian idea and hardship”.

The emigrants carefully and eagerly preserved the image of Russia: some of them wrote about their homeland with feelings of regret and tender, with sadness and indignation, being far away from their native land, each emigrant experiencing the feeling and the tragedy of “his” Russia.

The philosopher Ivan Ilin, a true pioneer of Russian national identity, was confident in his *Discourses about Russia*, that his beloved country would find the necessary strength to recover. Ilin acknowledged the role of Russian people as a final subject in universal history, based on the national identity of Russians.

ПОСТМОДЕРНИСТИЧКИ ВИДОВИ У СРПСКОЈ КЊИЖЕВНОСТИ

Октавија НЕДЕЛКУ
Бухарест, Румунија

Кључне речи: *постмодернизам, српска књижевност, Милорад Павич, Светислав Басара, деструкција приче, проза разлике, интертекстуалност*

Постмодернистичка књижевност је била једна од главних контроверзи теоријске мисли о књижевности при крају XX века, контроверза која није ни данас завршена, из простог разлога што се искуства постмодерне књижевности још увек користе.⁴⁷ Постмодернистичка књижевност може се, одредити, без претеривања, као реакција на модернистички покрет⁴⁸. То је духовно стање уметности друге половине двадесетог века који означава не само оно што је дошло после модернизма (post), него и оно што није модернизам. Главне одлике постмодерне књижевности су као што је већ познато: полиреференцијалан дискурс, еклектичност, маргиналност, смрт утопија, смрт аутора, деформација, непристајање на функционалност, деконструкција, дезинтеграција, премештање, дисконтинуитет, нелинеарни поглед на историју, дисперзија, фрагментација, дисеминација, прекид, очућавање, хаос, побуна, аутопролиферација знакова, критика ума, кибернетика...

Када се поведе разговор о постмодернизму, намеће се низ питања на које нема целовитих одговора: Да ли постмодерна књижевност представља прекид са прошлошћу, или је то нека врста континуитета модерне књижевности? Где су границе постмодернизма? Да ли је компактан или не постмодернистичкилитерарни код⁴⁹? Шта је то што карактерише

⁴⁷ Лиотар је дефинисао постмодерн као сумњичавост према метанаративним дискурсима, као један начин размишљања. Други теоретичари као Кристина Брук Роуз гледају на постмодерни код као на паразитску појаву. За Дејвида Лоца постмодернизам је у основи књижевни покрет који представља суштински нову уметност, нови корак.

⁴⁸ То је правац који почиње негде око 1910. године и који карактеришу иновативна текстуална својста.

⁴⁹ Уопштено је прихваћено да је систем конвенција који регулише организацију једног текста најбоље звати кодом. По Лотману код је скуп правила која омогућавају пренос одређених порука. У лингвистичком и литерарном коду се јасно разликују семантичке и синтактичке компоненте, а сваки код се може применити само под одређеним правилима. Каталог постмодернистичких карактеристика организова је у

постмодерни књижевни текст? Која је сврха употребе појма «постмодернизам»?

Он у првом реду служи да означи «разлику». Кад говоримо о постмодернизму, знамо да се налазимо на «другачијем» критичком и појмовном подручју. То «ново» подручје, није строго омеђен период, већ је јасно повезано са одређеним становиштем, са одређеним поступком самосвеног обликовања стварности путем дискурса. Постмодернизам је модел дискурса, а савремена књижевност је постала све чешће права лабораторија дискурса.

Сваки социјални код се издаје преко неколико кључних речи које припадају централном семантичком коду. У радовима скоро свих постмодерниста појављују се појмови лавиринт, огледало, путовање, путовање без циља, библиотека, енциклопедија, фотографија, филм, масмедија и др. Постмодернистички аутор не поштује никакве границе и не фокусира биће. Његови јунаци се крећу у простору, у удаљену прошлост или удаљену будућност. Постмодерна књижевност не гледа у будућност, него се окреће прошлости, користећи се аутобиографским, биографским, историјским документима. Парадоксално, постмодерна имагинација се користи документима, доводећи истовремено у питање њихово постојање.

Кад је реч о прози, о постмодерном роману, две су карактеристике овог жанра: склоност према миту, потенцирање митских модела и заокруженост проблемом језика, будући да је роман творевина која почива у/на језику. Ако митска слика света подразумева одређену причу, тамо где нема приче нема ни мита. Тако деструкција приче која је евидентна и очигледна у постмодерној књижевности, јесте, у ствари, деструкција митске свести о језику, одвајање речи од ствари, језика од стварности.

По Лиотару⁵⁰, естетика модерног романа јесте естетика узвишеног која се креће у потрагу за оним што је одсутно, за новим приказивањем на позадини симболичког и алегоријског језика. Симболички језик би се могао дефинисати као језик сагласности, поклапања, језик који је довршен. Алегоријски језик је отворен, субјекат алегорије живи у затвореном простору маште.

По свему судећи, постмодерни роман је последица модерног романа и карактерише га одустајање од реализма, напуштање репрезентације, приказивање одсутног, произвољност форме, серијалност, апстракција уместо информације, алегорија уместо

целину која се односи као опозиција према модернистичком каталогу. Дејвид Лоц, Доув Фокема и Ихаб Хасан наводе низ карактеристичних особина постмодернистичких текстова које нису увек поетичке природе: *контрадикција, дисконтинуитет, случајност, ексцес, укључивост, одсуство селекције, урбанизам, технологизам, дехуманизација, примитивизам, еротизам, експериментализам* итд.

⁵⁰ Lyotard Jean-François, *La condition postmoderne: rapport sur le savoir*, Paris Minuit, 1979.

нарације. Можемо рећи да је постмодерни роман наследник радикалног крила модерног романа. У сваком случају, свет постмодерног романа је еклектичан свет, то је свет који на нов начин организује оно што већ постоји у књижевној традицији.

Постмодернизам као културна парадигма почео је да се јавља у југословенској књижевности одмах после Другог светског рата, на почетку као симбиоза београдског надреализма на челу са Душаном Матићем и новом поетиком ствари коју је увео Васко Попа, а први њен представник био је Данило Киш.

Данас, најрепрезентативнији аутор у српској књижевности који је применио најразличитија стваралачка искуства и чија проза кореспондира са појмом постмодернизма јесте, без сумње, **Милорад Павић**⁵¹. Склоност овог аутора према игри са читаоцем, његова наклоност према онеобичавању света кроз призму фантастике, мешање мита, историје и легенде, озбиљне и забавне књижевности, преплитање временских планова и поништавање временских законитости, изградња сопственог света помоћу туђих књижевних светова и идеја, смањена улога аутора, склоност према аутоцитатности – то су само неке од константи писма овога аутора. Павић је писац немиметичке оријентације, његови јунаци и наратори живе у свету знакова кроз поступак интертекстуалности, једна од основних онтолошких позиција у којој се налази сваки писац на крају XX века.

Списак Павићевог интертекстуалног наслањања је дуг. У првом реду он се, како сам каже, користио у свим својим књигама искуствима канонске књиге европског културног стабла, Библије.⁵²

Затим, као и други писци, Павић радо користи стратегије Шехерезаде из *Хиљаду и једне ноћи*, али у многим интервјуима Павић је изјавио да његово прозно писмо много дугује српској народној књижевности и византијској црквеној и филозофској традицији и именовао ауторе које би волео да сретне, показујући колико су му фамилијарна њихова дела. Реч је о корифејима светске књижевности, Хорхе Луис Борхес, Итало Калвино, Доналд Мајкл Томас, Умберто Еко.

Павићево позивање на Борхеса није уопште случајно: књижевни принц XX века, Борхес је створио нови оригинални језик и систем симбола на основама пређашњег, сматрао да је уметник велики митограф и износио уверење да читалац ствара књижевно дело, што је увелико освежило изглед модернистичке књижевности. На крају XX

⁵¹ Павић је један од напревођенијих српских савремених аутора. На румунском језику преведени су следећи романи: *Хазарски речник*, *Предео сликан чајем*, *Последња љубав у Цариграду*, *Унутрашња страна ветра*, *Звездани плашт*.

⁵² *Сваког дана Бог нас нечему учи! Све моје књиге потекле су из Библије* (Интервју Милорада Павића са Атанасисом Лаласом, «Меридијани», Београд, 1994, бр. 3-4, стр. 13).

века Павић се користи скоро истом поетиком: Шта је друго *Хазарски речник* него један велики језички лавиринт који се може читати на мноштво начина. Павићу је травестија књижевних жанрова поетичко место које интензивира комуникацију са читаоцем, а то није ништа друго него Борхесово интертекстуално наслеђе које доводи до укидања традиционалне уметничке реторике, најчешће помоћу симболима: огледала, лавиринти, библиотеке, реке, мочваре, животиње, мачеви, снови, пустиње, мора, куле, књиге и др.

Попут Итала Калвина, Павићева литература јесте уношење реда у стварност. Форме хоризонталног (*Хазарски речник*), вертикалног (*Предео сликан чајем*), реверзибилног (*Унутрашња страна ветра*), лудичког (*Последња љубав у Цариграду*) или кинеског типа (*Кутија за писање*) одликују и прозна искуства италијанског писца и есејисте. Калвинов роман *Ако једне зимске ноћи један путник..* јесте енциклопедијска творевина која функционише као ерудитска мистификција, авантуристички роман, еротска књига, кримић и Павићев *Хазарски речник* је такође ерудитска мистификација која има научну форму али функционише као крими-прича, историјско истраживање, интелектуални роман. Он је остварен у форми мушког и жеског примерка, што би могло бити реминисценција на Калвиновог Читаоца и Читатељку који у кревету заједно ишчитавају *Ако једне зимске ноћи један путник..* Оба су романа сан-књиге у којима се преко метафора огледала, лавирината, кроз игре, мистификације трага за Свезнањем. У подтексту Калвиновог романа препознајемо Пруста, Маркеса, Томаса Мана и др., у подтексту Павићевог романа препознајемо православну, јудејску и муслиманску религијско-филозофску традицију Борхеса, Калвина, Умберта Ека, Вука, Гаврила Венцловића итд.

То маестрално спајање тривијалног и спиритуалног, истинитог и лажног, књижевне травестије и пародије, сексуалног и историјског, свесног и подсвесног, тај продуктивни поступак интертекстуалног наслањања на дела других писаца Павић је могао видети и у писму Хулија Кортасара са којим има додирне тачке када је реч о стратегији читања романа. У најбољем роману овог славног Аргентинца, *Школице* аутор нам даје упутства за употребу, да се књига може читати од почетка па до 56. поглавља, после чега може се занемарити редослед или прескочити до 73. поглавља. У том погледу Павићеви романи су радикалнији, немају почетак и крај у класичном значењу речи, него су написани у облику речника (*Хазарски речник*), укрштенице, (*Предео сликан чајем*), клепсидре, (*Унутрашња страна ветра*), тарота, *Последња љубав у Цариграду*), кинеских фиока, (*Кутија за писање*), а читаоцу пружа задовољство разноликог ишчитавања, повећајући му улогу и одговорност у процесу стварања дела. Као и Кортасар Павић сматра да је двехиљадугодишње искуство једносмерне романескне форме уздрмано.

Треба поменути да Павић показује интертекстуалну активност аутоцитатног типа, да се његови прозни текстови преливају из књиге у књигу као морски таласи једни преко других. Павић се стално враћа својим текстовима, а Павићеви наратори све чешће почињу да цитирају самог Павића. Његово прозно писмо настаје у великој мери као реплика, коментар, стваралашка интерпретација на један низ већ постојећих књига из пређашњих периода.

Светислав Басара је у савременој српској књижевности полемички, пародични и оксиморонски дух који све оспорава, свему противуречи па и самом себи. У том сталном напору вечитог бунтовника, нихилисте, скептика који не пристаје на компромисе, Басара оспорава књижевну и духовну историју, сваку врсту историјске литературе, језике на којима чита и језик на коме и сам пише. Басара тврди да је роман као жанр скуп бесмислица и измишљених чињеница, да је историја нагомилавање измишљених догађаја и да је живот измишљен и бесмислен. Својим аподиктичким тврдњама Басара ствара код читаоца много питања, а ако му је циљ био пука провокација и скрећење пажње на себе, онда се мора признати да је прави виртуоз. Ако су се распале све велике приче, ако национални, историјски и уметнички митови нису више функционални, онда је схватљиво зашто је постмодерном писцу аутобиографско поље привилеговано уточиште, јер је једино сигурно кретање кроз поље аутобиографског. Огољавање језика, откривање ништавила, пародирање говора који упућује на сопствену празнину, то су фокусне тачке Басарине поетике. Сазнање да је већ одавно све речено језиком мита, сазнање да је у историји све релативно, да нема победника ни поражених, већ само губитника јесте несвакидашња појава савреме српске књижевности. Добра литература тврди Басара, је она која се бави истраживањем немогућности, ограничености, а не она литература чији аутори верују да се добро и зло могу нацртати или написати, - добро и зло се могу само учинити.

Први Басарин роман, *Кинеско писмо*, направио је малу револуцију у српској књижевности у тренутку појављивања. До појаве овог романа јунаци су обично били забављени великим идејама слободе, љубави, великим проблемима друштва, породице, егзистенције уопште; Басарин јунак прича о свом ништавилу, њему је јасно да је он литерарна творевина, производ књижевног језика и да изван језика не постоји. Басарин наратор сумња у своје постојање, приморан је да пише роман да би постојао, уплашен језиком и језичким лавиринтима. Речи, гомиле могућих и немогућих реченица које противрече једна другој, распадање речи на слоге, затим на слова, уверавају наратора да он постоји само на моменте и то у лингвистичкој стварности. Кад наратор постане свестан да реченице не пише он, него реченице пишу њега, онда се налазимо на подручју лингвистичких игара. Басарина деструкција књижевног текста се

најбоље види када се разматра структура наративног параграфа. На пример, наративни параграф наратора романа се понекад састоји само од једне речи, од једне реченице или једне сцене која нема никакве везе са претходним или са потоњим параграфом, уништавајући на тај начин каузуалност. Кад наратор каже: *У нашем стану било је прошло време: сестра и њен монголоидни муж спавали су у тешком задаху зноја, а онда је нагло уследио аорист: свом снагом ударих ногом у кревет и они се разбудилише*⁵³јасно је да су канони познатих начина писања озбиљно разорени.

У најпознатијем његовом роману, *Фама о бициклстма*, регистар прозних поступака почива на сновима и на технику руских лутака или кинеских фиока. Стратегија документарности подразумева коришћење најразличитијих врста докумената и језика. Басара лажно цитира, криво приписује податке стварним и измишљеним личностима које се налазе на истој временској равни. Сви Басарини јунаци су генијални мистификатори, укључујући и самог аутора, или су преузети из историје. Сви су они поклоници снова, усавршавајући вештину сањања, то јест способност да се у сну сусрећу, без обзира на просторну и временску удаљеност. Шизоидни карактер Басариног текста могућно је извести из природе писма. Деконструкција приповедања, књижевног говора је основно правило Басарине градње текста. Ако међу ауторима постмодернизма треба тражити оног који је најдаље отишао у разарању уметничке равни, онда Басари припада почасно место.

Српски постмодерни прозаисти пишу **прозу разлике** у књижевности у којој се могу наћи доследне присталице документарног поступка, изградње прозног текста уз помоћ докумената, правих или апокрифних (борхесовски тип прозе), затим присталице сталне промене дискурса (тип експерименталне прозе у правом смислу речи), симболичког посредовања стварности (тип латиноамеричке прозе), дехуманизације приповедања (тип француског новог романа). У тој прози српски постмодернисти су нашли своју разлику, разлику те прозе; нашли су стварност приповедних дискурса. Постмодерни пејзаж је суштински парадоксалан, пародичан и ироничан. То су начини да се направи веза између света који не верује ни у какве митове, и уметности, која чезне за легитимисањем.

Иако многи становници постмодерног књижевног пејзажа не воле да се одређују према претходној уметничкој парадигми, мора се признати да постмодернизам има директе везе са оним што се назива модернизам, међутим ни противници ни заговорници нису у стању да прецизно дефинишу његове границе, представнике, карактеристике. У уметности се ништа не дешава јасно: у старом

⁵³ Светислав Басара, *Кинеско писмо*, Народна књига Алфа, Београд, 1977, стр. 59.

семену увек пребива клица новог. Огледало садашњости одсликава огледало прошлости, као што ово приказује огледало будућности.

Нема више књижевног дела које можемо сматрати оригиналним делом: оригиналност је јединствена и непоновљива, а као таква нема значења за читаоца. Постмодерни пејзаж је интертекстуалан. Свет се може сазнати само преко наративних форми, књиге увек говоре о другим књигама, свако прича причу коју је већ неко одавно испричао, а писање је рад кроз друга писма. Пошто располажемо оскудним и неадекватним језиком да бисмо изразили сву суштину и богатство света форми и живота, постмодерни ствараоци су убеђени да не можемо стићи даље од наговештаја. Ону познату тврдњу да се уметност приповедања састоји у томе да се са што мање речи каже што више, постмодерни ствараоци су изокренули па тврде да се уметност приповедања састоји у прећуткивању, у белини, у ономе што није казано, а што се дâ наслутити.

ЛИТЕРАТУРА

- Басара, Светислав, *Фама о бициклитима*, Београд, Просвета, 1988.
Derrida, Jacques, *Scriptură și diferență*, București, ed. Univers, 1998.
Irimia Anghelescu Mihaela, *Dialoguri postmoderne*, Ed. Fundației Culturale Române, București, 1999.
Јоковић, Мирољуб, *Онтолошки пејзаж постмодерног романа*, Београд, Просвета, 2002.
Lyotard, Jean François, *Condiția postmodernă*, București, ed. Humanitas, 2003.
Павић Милорад, *Хазарски речник: роман лексикон у 100.000 речи*, Београд, Просвета, 1986.
Павић, Милорад, *Предео сликан чајем*, Роман за љубитеље укрштених речи, Београд, Просвета, 1988.
Павић, Милорад, *Унутрашња страна ветра или Роман о Хери и Леандру*, Београд, Просвета, 1991.
Павић, Милорад, *Последња љубав у Цариграду*, Приручник за гатање, Београд, Просвета, 1994.
Павић, Милорад, *Кутија за писање*, Београд, Дерета, 1999.
Пантић, Михајло, *Александријски синдром*, Београд, Просвета, 1987.
Pavković, Vasa, *Kritički tekstovi*, Beograd, Prosveta, 1997.
Saussure, Ferdinand de, *Cours de linguistique générale*, Paris, Payot, 1972.
Vladiv-Glover, Slobodanka, *Postmodernizam od Kiša do danas*, Beograd, Prosveta, 2003.
* * *, *Постмодернизам у славјанских литературах*, Москва, 2004.
* * *, *Postmodernism*, seria Dicționare, coord. Sorin Pârvu, Institutul European, București, 2005.

ABSTRACT

Hypotheses on Postmodernism in Serbian Literature

Postmodernism represents the subject of one of the most important partisan debates on literary criticism in the second half of the XX century. The end of the XX century certainly belongs to postmodernism, however we would try to define it, and its effects are obvious not only in the arts and culture, but also in everyday life.

Hypotheses on postmodernism seen as a cultural paradigm, appeared in Yugoslavian literature after the Second World War, first as a symbiosis between Belgrade surrealism starting with Dušan Matic, and the new objectual poetics, introduced by Vasko Popa, while its first representant was Danilo Kiš. In this work we chose to study two representative writers, whose works describe two different hypotheses which illustrate the innovatory tendencies in Serbian postmodern literature.

The Serbian postmodern writers have created a prose of differences, identified in various directions, such as:

- a) Borgesian prose, which gathers supporters of the principle of text building using authentic and apocryphal documentation (Milorad Pavić);
- b) Experimental prose, which gathers supporters of the metamorphosis of discourse (Svetislav Basara).

The originality of Serbian postmodern writers' work lies in its ontologically paradoxical, parodical and ironical background, within a world which no longer believes in myths and art, but which longs for its identity. There is no literary masterpiece that could be considered original: originality is a unique and irrevocable characteristic, while the postmodern background is intertextual.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Аксиния КРАСОВСКИ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: *любовь, жизнь, смерть, вера, доверие, тело, душа, радость, грусть, разлука*

Настоящее сообщение – это попытка подойти к лирике «первого поэта XX-го века» (как назвал М. Цветаеву И. Бродский) со стороны ее концептосферы⁵⁴, т.е. совокупности понятий, образов, мотивов из которых складывается ее поэтический мир. Напрашивается определение концепта, термина не совсем нового в науке о слове, но к изучению которого Россия вернулась лишь к концу XX-го века⁵⁵. В настоящее время можно обозначить три основных подхода, которые исходят из общего положения: *концепт как синоним смысла*.

Ю. Степанов, представитель первого подхода, при рассмотрении концепта предусматривает большее внимание культурологическому аспекту, когда вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними.

Сторонники второго подхода (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.) представляют семантику языкового знака единственным средством формирования содержания концепта.

Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др. представители третьего подхода считают, что концепт возникает не непосредственно из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и национальным опытом человека. Другими словами, концепт служит посредником между словами и действительностью.

Концепт в поэзии, по определению В. А. Масловой, – «это глубинный смысл, изначально максимально свернутый в смысловую структуру. В творчестве поэта он является воплощением мотива, породившего текст.»⁵⁶

Поэтические тексты М. Цветаевой можно считать таким видом знания, который рождается в результате субъективного видения

⁵⁴ Понятие *концептосфера* было предложено в литературоведении Д. С. Лихачевым

⁵⁵ В своей статье *Концепт и слово*, опубликованной еще в 1928 году, С.А. Аскольдов-Алексеев подчеркивал, что вопрос о природе концептов, или общих понятий, или универсалий, – старый.

⁵⁶ Маслова В.А., *Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой*, Изд. «Наука», «Флинта», М., 2004, с. 31

окружающей реальности, так называемой картины мира⁵⁷. Сам отбор поэтом тех или иных образов есть результат культурной интерпретации ею мира. Концепт репрезентируется М. Цветаевой большим количеством единиц, разных по структуре (слова, фраземы, синтаксемы, целые стихотворения). В ее поэтических текстах осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся в том, что М. Цветаева как творческая личность наряду с общепринятыми знаниями привносит в представление о мире свои частные индивидуальные знания и смыслы. Причем, здесь особенно важна оценочная позиция поэта, ее угол зрения на факты объективной действительности. Таким образом, цветаевский концепт – «глобальное лингвоментальное и лингвокультурное образование, организующее интеллектуальное и эмоциональное пространство личности поэта»⁵⁸.

Из концептуальной поэтической системы М. Цветаевой мы выбрали «любовь», как первичный концепт, из которого развиваются и многие другие, такие как: вера, доверие, воля, душа, тело, радость, грусть, печаль, разлука, жизнь, смерть и пр.

По наблюдению Ю. С. Степанова, «в русской культуре этот концепт понятийно не развит и целомудренно не обсуждается»⁵⁹. Исходя из замечания, что внутренняя форма этого концепта, т.е. выражающих его слов – *любить*, *любовь*, не ясная, даже противоречивая, он доказывает, что это определенным образом отвечает месту концепта *любовь* в русской духовной культуре⁶⁰. Согласно П.Я. Черных, древнерусский глагол *любити* с XI-го века имел значение «предпочитать», «любоваться», «целовать», а существительное *любовь* означало «привязанность», «предпочтение»⁶¹.

В поэтической картине мира М. Цветаевой, любовь очень ярко представлена, выступая одной из главнейших тем ее творчества.

В двадцать лет Цветаева хочет, чтобы ее любили⁶² и это нормально и естественно желать. Но ее натура требовала деятельности во всем и вскоре она перестанет просить о любви и ждать пока она сбудется. Цветаева научится и предпочтет любить, а

⁵⁷ Термин «картина мира» возник в языке ученых-физиков на рубеже XIX-XX вв. и стал рассматриваться с 60-х годов прошлого века в рамках семиотики при изучении языка, мифа, религии, фольклора, поэзии и т.д.

⁵⁸ Маслова В.А., *Цит. раб.*, с. 32

⁵⁹ Степанов Ю.С., *Словарь русской культуры*, М., 1997, с. 281

⁶⁰ Степанов Ю.С., *Константы: словарь русской культуры*, М., 2001, с. 392

⁶¹ Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь русского языка*, М., «Русский язык», 1994, т.1, с. 497

⁶² Еще в 1916 г. она пишет П. Юркевичу: «... с самого моего детства, с тех пор, как я себя помню – мне казалось, что я хочу, чтобы меня любили. Теперь я знаю и говорю каждому: мне не нужно любви, мне нужно понимание.» (См. М. Цветаева, *Письма*, *Собр.соч.*, т.6, с. 24-25)

не быть любимой⁶³. Наверно ей была близка мысль Платона о том, что только любящий, а не любимый – совершенен. Также и мысль Иоанна Богослова: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви» (1-е Иоанна 4, 18).

В мирозерцании поэта любовь одна из высших ценностей земного существования: «Я, когда не люблю, – не я» – признается она в записной тетради уже за год до своей трагической кончины. «Всеми моими стихами я обязана людям, которых любила – которые меня любили – или не любили».

*Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век.*

Другими словами, любить для нее означало жить. В стихотворении *Вчера еще в глаза глядел...* она утверждает:

*Где отступает Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.*

Любовь у нее многолика и, как все у Цветаевой, представлена на контрастах: счастливая и несчастная, «заочная» и плотская, взаимная и безответная, мимолетная и вечная.

В цветаевском представлении о любви наблюдается контраст мужского и женского начал. Особенно ее ранняя любовная лирика – мягкая и смиренная, женская:

*Я страница твоему перу...;
Я – деревня, черная земля
Ты мне луч и дождевая влага.
Ты – господь и господин, а я –
Чернозем – и белая бумага!*

Поэт говорит о любви со счастливой безудержностью, подчиняется этому чувству и растворяется в нем, восклицая чисто по-женски:

*Я глупая, а ты умен,
Живой, а я осталбенелая.
О вопль женщин всех времен:
Мой милый, что тебе я сделала?!*

Любовь в раннем периоде цветаевского творчества – стержень и опора жизни, на котором держится весь мир и которым проверяется душевное богатство человека:

*Любовь, любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.*

⁶³ В тридцатые годы она сама уже отвечает на вопрос, почему любили так мало: «Боялись моего острого языка, «мужского ума», моей правды, моего имени, моей силы и, кажется, больше всего – моего бесстрашия», «просто не нравилась. Как женщина. Т.е. мало нравилась, п.ч. этой женщиной было – мало. А если нравилась, то бесконечно-меньше первой встречи... И правы.» (См. М. Цветаева, *Неизданное. Сводные тетради*, М., 1997, с. 495)

*О, милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь...
М. Цветаева умела любить и любила она по своему:
С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер – и чувств.*

Ее дар любви «с этой безмерностью в мире мер» толковали и толкуют по разному. Ирма Кудрова, в своей книге о Цветаевой⁶⁴, замечает у нее неисчислимое количество граней любовного чувства, почти непрерывная череда влюбленностей на протяжении всей жизни. Свою «безмерность», как основную черту характера, Цветаева сама определила:

*К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.*

Любовь и душа в ее поэзии – почти тождественны. Именно любовь делает людей нужными друг другу и придает смысл жизни: «Моя надоба от человека – любовь», признается она в письме к Т. Кваниной. Надоба человека в другом – это готовность к полной отдаче:

*Что для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба
Человека – в нем.*

Только через истинную любовь человек может преодолеть эгоизм:

*И за то, что с язвою
Мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.
... Я любовь узнаю по жиле
Всего тела вдоль.
... Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн
Горловых...
Я любовь узнаю по щели,
Нет! – по трели
Всего тела вдоль!*

⁶⁴ Кудрова И., *Просторы Марины Цветаевой*, Санкт-Петербург, 2003

В более поздней лирике можно увидеть чисто мужское отношение к возлюбленному:

Где бы ты ни был – тебя настигну

Выстрадаю – и верну назад.

Это завоевательная лирика:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,

У всех золотых знамен, у всех мечей,

Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –

Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Но Цветаева много пишет о губительности присвоения в любви, проповедует любовь «в просторах». К физической любви она часто относится как к «низости», как к тяжкому «ломовому оброку»: *Обошел меня Господь/ Плотским пламенем.*

В своих записях Цветаева сама признавалась, что была наделена ослабленным чувством половой принадлежности: «Пол в жизни людей – катастрофа. Во мне он начался очень рано, не полом пришел – облаком. И вот постепенно, на протяжении лет, облако рассеялось: пол рассыпался»⁶⁵.

В последние годы исследователи говорят о андрогинном типе поведения ее лирической героини:

Не подругою быть – сподручным!

Не единою быть – вторым!

Близнецом – двойником – крестовым,

Ятаганом его кривым.

В любовной лирике Цветаевой мы находим то необузданную страсть и мотив могучего влечения ко всем земным радостям, то отречение от них и воспевание «заочности» в любви. Связь сердец, не соединенных ни бытом, ни пространством, восславляется ею с особой силой. Стихотворение «Заочность», написанное в 1923 г., звучит программно; это гимн любви на расстоянии, платонической любви, «чуть ли не гимн разъединенности»⁶⁶:

Блаженны длинноты:

Широты забвений и зон!

Пространством, как нотой,

В тебя удаляясь, как стон

В тебе удлиняясь,

Как эхо в гранитную грудь

В тебя ударяясь.

В ее стихах мы находим и уверенность в преимуществе любви издалека и в то же время неизбывную тоску по слиянию с любимым:

⁶⁵ См. М. Цветаева, *Неизданное. Сводные тетради*, М., 1997, с. 133-134

⁶⁶ Кудрова И., *Цит раб.*, с.301

*Без рук не обнять!
Сгинь, выпранных душ
Небыль!*

Следует подчеркнуть, что в поэтическом языке М. Цветаевой чувственная сторона любовных отношений не скрывается и не прикрывается завесой высоких слов. Это язык откровенный, жесткий, порой едва ли не грубый и вместе с тем очень емкий. Цветаева умела описать это внезапное всеохватное чувство, которое пронзает женское существо в присутствии того, кто кажется предназначенным: *Отлило – обдало – накатило – / Навзничь! – Умру.*

Благодаря метафоре и особенно синкретизму значений, цветаевские поэтические высказывания о любви соотнесены и с душой и с телом. Но лейтмотивом ее признаний на протяжении многих лет это главенство души в любовном чувстве: *Ду-ша неустанна в нас, / И мало ей уст...*

Иногда в цветаевских стихах звучит пренебрежение к телу – как к «тюрьме души», «склепу». И почти одновременно обратное утверждение, что доступ к душе обеспечивается через телесный контакт. Например, в поэме «Федра» лирическая героиня пишет Ипполиту в Послании:

*Утоли мою душу
(Нельзя не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) (...)
Утоли мою душу: итак, утоли уста.*

Федра убеждает Ипполита в том, что ее чувства – *Не похоть! Не женского лона – блажь!*

Она говорит о великой тайне (*За трепетом уст и рук / Есть великая тайна, молчанье на ней как перст*) и раскрывает содержание этой тайны: *То Психеи лесть – Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.*

Известно, что Психея в греческой мифологии олицетворяет душу.

Так по Цветаевой воспринимают соотношение души и тела в любви не только лирическая героиня, так воспринимают все женщины:

*Древняя тщица течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым! К Нилу!
(Не на грудь хотим, а в грудь! ...)
Понимаешь, что из тела
Вон – хочу! (В час тупящих вежд
Разве выступаем – из одежд?)*

Поэтому боль души от расставания с любимым проступает телесной болью, и физическая боль становится метонимией душевной боли:

Мы мясо не души!

*Мы губы – не розы!
От нас? Нет – по нас
Колеса любимых увозят!*

Расставание и разрыв с любимым с женской точки зрения это всегда и однозначно метафорическое зло, идущее от мужчины независимо от обстоятельств. В любовном дискурсе Цветаевой оно обычно передается через эмоциональное переживание женщины. Цветаевская лирическая героиня любит сильно и бескорыстно, чисто и самоотреченно, иногда – по-матерински. Материнское чувство заняло прочное место в ее жизни и поэзии. Любовь матери – это любовь самоотречения, жертвенная. Такая любовь присутствовала в каждом ее увлечении: ее страсть почти всегда окрашена значительной долей материнской нежности и любви, стремления оградить от бед, понести вместо него бремя забот. В. Швейцер пишет: «Это специфическая особенность Цветаевой: понятие любви в конце концов выливается или сливается для нее с понятием материнства, ребенка». Действительно, материнство в духовном плане преобладало у нее над эротикой и чистой влюбленностью. Любовь у нее сложна и духовна: «Любовь – это всего лишь большое ухо (мне хочется сказать – слух рыбы), потому что она слепа: ничего не видеть (знать), чтобы все слышать (понимать)».

В стихах, написанных в годы одиночества и тревоги, когда муж Цветаевой, С. Эфрон, был вынужден покинуть Россию вместе с остатками Добровольческой армии, он становится в глазах поэта героем, обиженным судьбой. Неизвестность окружает С. Эфрона романтическим ореолом. Находясь далеко от любимого мужа, не имея возможность видеть и слышать его, не зная, где он и что с ним, в этот напряженный момент внешнего разлучения, разорванности, она испытывает духовное единение с ним, с его душой, умом, духом. Героиня зажимает в своей руке кольцо (завет любви), которое жалит сердце, раздирает душу, приносит страдания, напоминая о любимом. Она верит, что их любовь не на бумаге, а в вечности. Это доказывают последние строки стихотворения:

*Непроданное мной! Внутри кольца!
Ты – уцелеешь на скрижалях.*

Внутри обручального кольца М. Цветаевой было выгравировано имя мужа и дата их свадьбы. Они были повенчаны, и никакие земные силы не смогут их разъединить. Здесь очевидна параллель: записи заповедей Бога на скрижалях, которые были даны людям через Моисея, не исчезли, а точнее, само чувство, объединяющее человека с Богом, человека с человеком, человека с природой, живет вечно.

В супружеской любви через годы, истекшие со дня венчания, страсть могло угаснуть, но чувство долга, верности и заботы было

присуще Цветаевой в высшей степени. Она дорожила репутацией верной жены:

*Дурная мать! – моя дурная слава
Растет и расцветает с каждым днем.
То на пирушку заведет лукавый,
То первенца забуду за пером.*

[...]

*Но одному – сквозь бури и забавы –
Я, несмотря на ветреность – верна.
Не ощибись, моя дурная слава:
Дурная мать, но верная жена!*

Скорее всего эти стихи были вызваны сплетнями об образе жизни и поведении Марины Цветаевой. Но хочется думать, что она их написала не для того, чтобы оправдаться, а для понимания от других. Она была создана, чтобы влюбляться, и этим душевно и духовно питаться для создания своих шедевров, что и обеспечивало ее существование.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кудрова И., *Просторы Марины Цветаевой*, Санкт-Петербург, 2003
Лаврова Е.Л., *Поэтическое мирозерцание М.И. Цветаевой*, Горловка, 1994
Маслова В.А., *Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой*, Изд. «Наука», «Флинта», М., 2004
Степанов Ю.С., *Словарь русской культуры*, М., 1997
Степанов Ю.С., *Константы: словарь русской культуры*, М., 2001
Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь русского языка*, М., «Русский язык», 1994
Сборники докладов цветаевских международных конференций
Лики Марины Цветаевой, М., 2006
Добро и зло в мире М. Цветаевой, М., 2007
Произведения М. Цветаевой:
Собрание сочинений в семи томах, М., 1995
Неизданное. Сводные тетради, М., 1997

ABSTRACT

The Concept of Love in Marina Tsvetaeva's Poetry

This paper is aimed to approach the topic of *conceptosphere* through Marina Tsvetaeva's poetry. From the poetical system of this great Russian poet the concept of *love* was chosen as a starting point for a series of other concepts, such as: trust, soul, body, life, death, joy, sadness, separation, etc.

It is a very generous topic that allows the reader to discover Tsvetaeva's extremely rich spiritual and emotional world, which proves to be full of contrasts and strangeness, maybe uncommon for those who are used to ordinary standards.

МЕТОДЫ ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ОСНОВЕ РАССКАЗА *ВЕНЕЦИАНКА* В. НАБОКОВА)

Диана ТЕТЕАН
Клуж-Напока, Румыния
dtetean@yahoo.com

Ключевые слова: *методы чтения, предиктивное чтение, В.В.Набоков*

Читательская деятельность – процесс чрезвычайно сложный и многообразный. Будучи источником познания и в то же время пространством поисков, чтение, благодаря своим информативным и формативным качествам, играет важную роль на уроках литературы.

Хотя современная методика и продолжает традиционную, существуют и различия (в расставлении акцентов): во первых, литература не рассматривается как объект познания, а как посредник познания; она выступает как важная отрасль культурной памяти, то что позволяет ознакомление с эстетическим явлением, и с некоторыми социально-культурными кодами, а также понимание разных точек зрения на мир; во вторых, уделяется особое внимание проблеме читателя. Если в классической парадигме художественности, только за автором рассматривалась творческая креативность, новые тексты литературы имеют в виду внутреннюю коммуникативность художественного творчества. По этой причине учёт адресата или читателя играет важную роль в словестном (и не только) творчестве. Вся современная литература оказывается рассчитана на активное соучастие читателя. «Начиная с модернизма искусство чтения – считает М.Л. Гаспаров – становится не менее важным, чем искусство писания»⁶⁷. По этому и в методике уделяется особое внимание читателю и его индивидуальному развитию. Развитие, подчёркивает Алина Памфил, означает не только познание культурной памяти и её понимание как основы общества и как источник того, чем мы являемся сейчас, а понимание и формирование умственных и критических способностей, а также аффективной зрелости⁶⁸.

⁶⁷ Гаспаров М.Л., *Поэтика «серебрянного века» // Русская поэзия «серебрянного века», 1890-1917.* Антология, Москва, 1993, с.42

⁶⁸ Pamfil, Alina, *Limba și literatura română în gimnaziu. Structuri didactice deschise,* Editura Paralela 45, 2003, p. 129-168

Литературное произведение это высказывание которое обращено от автора к читателю, а потому нуждается в адекватно реагирующем на него сознании.

В. Набоков был очень чутким к этому вопросу. Свои произведения он писал с установкой на «хорошего читателя». Будучи прекрасным знатоком не только языка, но и литературных кодов, разных литературных течений и группировок, Набоков знает создавать, по собственному выражению «кросворды» и давать им элегантные разрешения. И каждый раз он привлекает к этому и читателя. Его проза не может быть никогда «освоена» после первого чтения, раскрывая множество возможных интерпретаций. Амбивалентность набоковской прозы зашифрована почти в каждом тексте.

Произведения Набокова выявляют переход сделанный русской литературой (и начатый Чеховым) от «читаемого» текста – „lisible” – как называет его Роланд Барт – к «пишущемуся» тексту – „scriptible”. Второй вариант текста множеством «кодов которые он приводит в движение воспроизводится до бесконечности» – пишет Роланд Барт⁶⁹ –, заставляя читателя перейти от гипостази простого читателя к гипостази настоящего создателя текста.

Творчество Набокова не должно быть декодировано прибегая к реальности, сравнивая его с внешними реалиями⁷⁰. „Нужно всегда помнить – наставляет нас автор –, что во всяком произведении искусства восоздан новый мир, и наша главная задача – как можно подробнее узнать этот мир, впервые открывающийся нам и никак напрямую связанный с теми мирами, что мы знали прежде”⁷¹.

Произведения Набокова адресуются новому типу читателя, активному соучастнику в творческом процессе. Писательское искусство – объяснял Набоков – начинается очертанием карты новой территории, которая принадлежит открытию, в которой каждый предмет должен быть названным, приручённым: „А вот то озеро за деревьями я назову «Жемчужным» или ещё изысканнее «Сточным». Этот туман будет горой и её надо покорить. Мастер лезет вверх по нехожему склону, и там, на ветренной вершине, встречает – кого бы вы думали? – счастливого и запыхавшегося читателя, и они кидаются друг другу в объятия, чтобы уже вовек не разлучаться – если вовек пребудет книга”⁷². Этот идиллический образ встречи автора с читателем, возможен только с тем, кого Набоков называет «хорошим

⁶⁹ Bartes, Roland, *Romanul scriiturii*, Bucureşti, 1987, p.161

⁷⁰ «Литература – это выдумка – писал В Набоков. Вымысел есть произведение. Назвать рассказ правдивым значит оскорбить и искусство и правду».

⁷¹ Nabokov, Vladimir, *Cititor bun și scriitor bun*, Lettre internațional, ediția română, Nr.21, 1997, p.47, перевод на русский *О хороших читателях и хороших писателях*, на сайте <http://elinor.fbit.ru/vitrazh/texts/mirr03.htm>

⁷² idem

читателем» и чьи качества перечисливает в своём эссе *О хороших читателях и хороших писателях*, вошедшее в том *Лекции по литературе*. Занятия по литературе являются в то же время своеобразным введением в чтение и культуру, они тематизируют как чтение текста так и сам текст. Поэтому литературный текст может быть рассмотрен и как эстетический объект входящий в культурную память, и как среда развития компетенции чтения, понимания и интерпретации текста. Отсюда и необходимость предпринятия на занятиях шагов содержащих как диалогическое отношение читатель-текст так и оценку процесса чтения и текста, который делает это чтение возможным.

Чтобы направить студента-читателя в процессе чтения текста из современной литературы – текстов чья структура раскрывает огромные возможности как проявлению субъективности, так и восполнению нарочит оставленных в тексте „пробелов” – можно начать чтение с упражнения в котором очертить обобщённый портрет хорошего читателя. „Хорошим читателем” является тот читатель который посредством чтения участвует в осуществлении творческого акта, и который является привилегированным лицом, избранником.

Упражнение может начать с ice-breaker-ом, который ознакомит участников со вкусами и мнениями других и конечно, с ожиданиями чтения и приведёт в конце к обобщённому портрету хорошего читателя. Участникам предоставляется список В. Набокова с десятью определениями читателя⁷³. Они должны выбрать четыре ответа на вопрос каким должен быть, по их мнению, хороший читатель. После ответа читается текст Набокова в котором он высказывает своё мнение о читателях и предоставляется участникам возможность изменить первоначальный выбор. Следует дискуссия о хорошем читателе, которая может закончиться высказыванием Набокова о том, что „книгу вообще нельзя читать – её можно только перечитывать. Хороший читатель, читатель отборный, соучаствующий и созидающий – это перечитыватель”⁷⁴.

После этого введения переходим к предиктивному чтению и раздаются участникам карточки с частями из рассказа *Венецианка* Набокова, не объявляя первоначально ни заглавия, ни автора.

Предиктивное чтение имеет следующие цели:

- а) возрождение и поддержание интереса к чтению
- б) понимание текста
- в) подготовка к интерпретации текста.

⁷³ см. для этого Приложения

⁷⁴ Nabokov, Vladimir, *Cititor bun și scriitor bun*, Lettre internațional, ediția română, Nr.21, 1997, p.48, перевод на русский *О хороших читателях и хороших писателях*, на сайте <http://elinor.fbit.ru/vitrazh/texts/mirr03.htm>

Для этого нужно чтобы: чтение производилось в медленном темпе и в то же время чтобы оно было активным (надо мотивировать чтение предиктивными замечаниями насчёт содержания текста; использованием собственного опыта; вопросами к тексту).

А. Перед мероприятием преподаватель (или ведущий чтение):

- разделяет текст на части
- готовит наставления и вопросы для каждой части.

Текст должен выполнять несколько условий: быть неизвестным читателям (или хотя бы большинству), чтобы не был очень длинным, чтобы действие продвигалось хронологически.

Текст разделяется на части в пунктах наибольшего интереса; текст не надо разделять на очень много частей чтобы не потерялась повествовательная конва.

При переходе от одной части к другой поставленные вопросы должны быть разнообразными, но не многочисленными. Так, например, мы выбрали по 1-2 вопросов к каждой части текста: 1. Как вы думаете, что затейвают Франк и Морийн? 2. Что вы узнали о мастере картины? 3. Как вам кажется разговор Магора с Симпсоном? А разговор Франка с Симпсоном? 4. Каким вам кажется поведение Франка? 5. Чем привлекает картина так сильно Симпсона? 6-7. Что странного заметил сторож? 8. Что случилось с Симпсоном? 9. Как вы думаете, Симпсон исчезнет бесследно, как это предполагает полковник? 10. Растворяет ли развязка все точки на *и*?

Б. Во время мероприятия преподаватель:

– может объявить заглавие текста и дать несколько ключевых слов и задать студентам задачу написать короткий рассказ на эту тему; из ключевых слов можно дать, например: *игра, картина, средневековый мастер, сон*, и др.

– читаются 2-3 задания

– читается первая часть текста, задаются 1-2 вопроса посредством которых контролируется понимание текста, стараясь в то же время поддержать интерес к чтению.

– участники просят сделать несколько предиктивных замечаний.

(процесс повторяется для каждой части текста)

Постепенно с продвижением чтения дополняется и табель:

	Что ты думаешь, что случится?	Какие у тебя доказательства?	Что случилось?
<i>Первая часть</i>			
<i>Вторая часть и т.д.</i>			

В. После окончания чтения текста:

- можно сопоставить написанный текст участниками с прочитанным текстом.

- задать вопросы для проверки целостного понимания текста или/и резюмирование текста

- можно перечитать первую часть и рассмотреть детали связанные с героями в свете последующего действия рассказа.

Предиктивное чтение является одним из эффективных методов стимулирующих чтение и разбор текста современной литературы на уроках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хороший читатель должен:

1. Состоять членом клуба книголюбов.
2. Отождествлять себя с героем/героиней книги.
3. Интересоваться прежде всего социально-экономическим аспектом.
4. Предпочитать книги, в которых больше действия и диалога.
5. Не приступать к чтению, не посмотрев экранизацию.
6. Быть начинающим писателем.
7. Иметь воображение.
8. Иметь хорошую память.
9. Иметь словарь.
10. Иметь некоторый художественный вкус.

“Одаренный читатель – гражданин мира, не подчиняющийся пространственным и временным законам. Это он – умный, гениальный читатель – вновь и вновь спасает художника от губительной власти императоров, диктаторов, священников, пуритан, обывателей, политических моралистов, полицейских, почтовых служащих и резонеров. Позвольте мне набросать портрет этого прекрасного читателя. Он не принадлежит ни к одной определенной нации или классу. Ни один общественный надзиратель или клуб библиофилов не может распоряжаться его душой. Его литературные вкусы не продиктованы теми юношескими чувствами, которые заставляют рядового читателя отождествлять себя с тем или иным персонажем и “пропускать описания”. Чуткий, заслуживающий восхищения читатель отождествляет себя не с девушкой или юношей в книге, а с тем, кто задумал и сочинил ее. Настоящий читатель не ищет сведений о России в

русском романе, понимая, что Россия Толстого или Чехова – это не усредненная историческая Россия, но особый мир, созданный воображением гения. Настоящий читатель не интересуется большими идеями: его интересуют частности. Ему нравится книга не потому, что она помогает ему обрести “связь с обществом” (если прибегнуть к чудовищному штампу критиков прогрессивной школы), а потому, что он воспринимает каждую деталь текста, восхищается тем, чем хотел поразить его автор, сияет от изумительных образов, созданных сочинителем, магом, кудесником, художником... Хороший читатель с детства учится остерегаться переводчиков, урезанных шедевров, идиотских фильмов о братьях Карениных, всяческого потворства лентяям и четвертования гениев.....Читатели рождаются свободными и должны свободными оставаться” (из Набоков, Владимир, *Лекции по русской литературе*).

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Гаспаров М.А., *Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890-1917. Антология*, Москва, 1993.
Набоков, Владимир, *Венецианка*, Звезда, 11, 1996, стр.26-41
Bartes, Roland, *Romanul scriiturii*, București, 1987
Nabokov, Vladimir, *Cititor bun și scriitor bun*, Lettre international, ediția română, Nr.21, 1997.
Pamfil, Alina, *Limba și literatura română în gimnaziu. Structuri didactice deschise*, Editura Paralela 45, 2003.

ABSTRACT

Approaches to Reading Contemporary Literature (based on Vladimir Nabokov's short story La Veneziana)

Vladimir Nabokov is trying in his writing to demonstrate that the aesthetic value of a literary work rests not in the ideas therein but rather on their finely wrought patterns, on the splendid interweaving of the less expressive details. None of his works could be possibly exhausted at one reading, for each of them is open to multiple interpretations.

Our paper displays several approaches to reading one of Nabokov's early works, *La Veneziana*, completed in 1924. Among them we signal out the predicting strategy.

В. РАСПУТИН: ПОСЛЕДНИЙ СРОК НАДЕЖДЫ И ЛЮБВИ

Михаэла МОРАРУ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: *В. Распутин, память, душа, нравственность, семейные отношения*

Первое, что отличает творчество В. Распутина от общего потока русской литературы конца XX-ого века – это его индивидуализм. И не в общепринятом смысле этого слова, а совсем в другом, подразумевающим яркую, самобытную писательскую индивидуальность, которая наложила отпечаток на всё, что он пишет. Собственное видение жизни, самостоятельность творческого проникновения в жизнь – всё это помогало мастеру незабываемых повестей открывать новые сферы действительности не только для себя, но и для своих читателей, обогащать сознание и душевный мир целых поколений. Писателя глубоко волнует вопрос о том, как в эпоху крутого перелома взаимодействуют новизна и традиции, что станет с такими понятиями, как человеческая и национальная память. Он уверен и старается всем своим творчеством убедить и читателей, что в жизни любого общества решающее значение имеют сила и непрерывность традиций. Человек нашего времени, по уверению Распутина, живёт в эпоху экологических катастроф и всеобщего распада ценностей. Он охвачен страхом и неуверенностью о будущем. Технический бум и даже (необходимый вроде) рост комфорта в быту создают всё новые преграды между личностью и окружающим миром: современный компьютерный человек постепенно отвыкает от красок и запахов живой природы.

Проблемы нравственности в современной жизни, взаимосвязи человека и времени, образ Родины и Дома, мотив необходимости памяти – все эти элементы, прямо или в подтексте, выпукло проявляются в повестях В. Распутина. «Верю я, придёт пора – Силу подлости и злобы, Одолеет дух добра», писал Б. Пастернак. То же самое можно сказать и о произведениях В. Распутина, стремившегося рассказать о повседневных переживаниях обыкновенной человеческой души, раскрыть в самом простом человеке его неповторимость.

Сам Распутин – глубоко нравственный человек, о чём свидетельствует его активная общественная жизнь. Имя этого писателя можно встретить в ряду имён борцов не только за нравственное преображение своего отечества, но и в ряду борцов за

экологию. Для Распутина любовь к родной земле и природе – не абстрактное понятие. Она подкреплена конкретными делами: борьбой за Байкал, стремлением сохранить исторические облики российских городов, возвращением древним центрам России прежних названий... и т.д. Избирая сложные темы своих рассказов и повестей, Распутину всегда сопутствовала определённая накалённость нравственного выбора, ставшая органическим качеством всей его прозы. Удивительной чертой распутинского таланта – его умение не увлекаться одной темой, каждая его повесть – это целый узел тесно переплетённых между собой проблем, вопросов, малых и общих задач, которые частью писатель решает сам, а частью оставляет для своего читателя⁷⁵.

Распутину свойственна объективированная манера повествования, для него важно, чтобы герои самораскрывались, без вторжения какой-то посторонней силы. Вникая в прозу Распутина, читатель не испытывает никакого авторского «давления», не звучат сентенции, но кому сострадать, на чьей стороне быть – сомнений не возникает⁷⁶. В поисках «живых» и «трепещущих» персонажей Распутин шёл разными путями. Порой ему удавалось создать первозданные здоровые народные характеры, подобные старухе Анне (*Последний срок*) или бабке Дарьи (*Прощание с Матёрой*); порой он преломлял картины «зверинных» нравов через наивно-недоумевающее восприятие родных, любящих жён, не чувствовавших этих «пробелов» (такова Настёна в повести *Живи и помни*). Порой он искал опору для своей мечты о хорошем человеке в одиноких и упрямых поборниках добра (в Василисе – *Василий и Василиса* или в Анне – *Встреча*). Повести Валентина Распутина – яркий пример прозы, которая явно нарушает и покой и безмятежность души, отвергая всякое схематическое, самодовольное, всезнающее мышление. Там, где, казалось, всё исхожено, всё изучено, определено и названо и нет никаких «белых пятен», вдруг открылся новый драматический материал, теснящий привычные, едва ли не на зубок затвержённые картины и образы и к тому же одухотворенный поистине народным отношением к происходящему⁷⁷.

Валентин Григориевич Распутин дебютировал в качестве рассказчика. Первым произведением, принёсшим ему известность, стала повесть *Деньги для Марии*. Это история о том, как у деревенской продавщицы, исключительно по её торговой неопытности, обнаруживается крупная недостача, которую

⁷⁵ Генрих Митин, *На пороге нового смысла. Советские писатели, страницы творчества В. Распутина*, Москва, 1988, стр. 11-12.

⁷⁶ Там же, стр. 8.

⁷⁷ С. Шерлаимова, *Когда современность становится историей*, «Вопросы литературы», 1983, т.6, стр. 77.

необходимо срочно возместить за три дня, иначе – тюрьма. На первый взгляд – банальная история про недостачу в сельском магазинчике. Но она банальна только своей возможной повторимостью. Иначе, это строгая, сосредоточенная на драматической ситуации повесть, в которой *комплексно* и *оголённо* проявляются людские характеры. Предметом повести – является *совесть души: души Марии*, попавшей в беду скорее по своей жертвенной доброте, да некоторой запущенности в бухгалтерских делах; *души односельчан*, которые хоть и сочувствуют своей доброй и отзывчивой землячке, неумевшей никогда никому отказать в беде, но за денежку готовы держаться твёрдо, сохранив своё и отвернувшись от чужого; *души Кузьмы*, мужа Марии, которого тревожит лишь судьба жены, а не сами деньги (пропади они проподом), к которым у него не было ни капли уважения (есть – хорошо, а нет – и того лучше). Всё это придаёт сухой и строгой прозе некоторый волнующий оттенок лиризма, транслирующийся изнутри в особенно сумрачные и тревожные тона. Повесть прерывается внезапно, ставя в тупик своих читателей, но потом становится ясно, что вовсе не важно дадут или нет *родственники* денег, важно совсем другое – и это другое – грустным эхом отзывается в каждом из нас: жизнь лишила нас прежних душевных опор – и старой веры, и милосердия, и былых идеалов, и прежних устоев и довела нас вплоть до «болезни пустоты», что было отмечено Распутиным во всех своих произведениях.

Повесть *Живи и помни* – едва ли не самая знаменитая, принёсшая Государственную премию СССР, многократно переиздавалась и была переведена на многие языки. Именно в этой повести сталкиваемся с «жестокой» темой раздвоенности души человеческой, которая доходит до утраты собственного достоинства, лишь потому, что желание жизни оказывается сильнее не то что веры в идеалы, но и простой порядочности. Не подлеца и не предателя в «классическом смысле» этого слова хотел показать Распутин в своей повести, а судьбу человека, в которой обстоятельства сильнее его собственной воли и желаний. Произведение написано со свойственным автору глубоким знанием народной жизни, психологии простого человека. Автор ставит своих героев в сложную ситуацию: молодой парень Андрей Гуськов честно воевал почти до самого конца войны, но в 1944 году оказался в госпитали, и жизнь его дала трещину. Он думал, что тяжёлое ранение освободит его от дальнейшей службы. Лежа в палате, он уже представлял себе, как вернётся домой, обнимет родных и Настёну. Он так был уверен в таком течении событий, что даже не вызвал родных в госпиталь повидаться. Весть о том, что его снова отправляют на фронт, поразила, как удар молнии. Все его мечты и планы оказались разрушены в одно мгновение. В минуты душевной смуты и отчаяния

Андрей принимает роковое для себя решение, которое в будущем разрушит его жизнь и душу, сделает совсем другим человеком⁷⁸.

О чём же эта повесть? О дезертире, сбежавшем во время войны из госпиталя и вынуждённом скрываться возле своей деревни. Но зачем рассказывать эту историю, когда в сознании любого простого русского человека в миг возникает желание *заклеймить* этого «гадкого предателя» всеобщим презрением и ненавистью. Ведь в русской литературе такие «падшие элементы» никогда в героях ещё не ходили. Как понять замысел Распутина и с какой стороны подойти к этому незаурядному персонажу?

Надо заметить, однако, что Распутин в своей повести не подходит к своему герою однозначно, не упрощает всей сложности и запутанности ситуации, а, наоборот, старается глубоким проникновением в психологический механизм человеческого сознания разметать грани между сугубо хорошим и окончательно плохим. Чем глубже вникаешь в истинный анализ душевных «скитаний» Андрея Гуськова, тем больше возможностей для разностороннего объяснения внутреннего «раскола» героя, его противоречивого состояния и, местами, необъяснимых поступков. Писатель ничуть не оправдывает поведения своего героя, не пытается смягчить доли его очевидной вины, а лишь старается понять, как всё это могло с ним произойти, ведь не враг и не вредитель, а простой русский солдат, храбро прошедший, отвоевавший почти всю войну. Эта повесть, как никакая другая, вызвала в своё время кучу противоречивых мнений. Но «ключ» к пониманию распутинского замысла не зарыт в ткани подтекста, а лежит прямо перед нашими глазами. Всё зависит от того, кого считать главным героем. Если ведущим считать образ Андрея Гуськова, тогда повесть будет явно историей о дезертире. Сложной историей, в которой тоже надо умело «покапаться». Однако на первый план выходит образ его жены Настёны – женщины жертвенной, чистой, совестливой, которая, разрываясь между любовью и долгом, всепрощением и осознанием вины своего мужа, кончает с собой – хотя, по словам самого автора, он по логике вещей... надеялся, что как раз... покончит с собой Андрей Гуськов, муж Настёны⁷⁹. Следовательно свет в *Живи и помни* исходит от Настёны. Именно она – главная героиня книги. Это через её образ выражена одна из самых близких писателю идей – идея ответственности за близкого и любимого человека. Писатель образом Настёны подчёркивает, что нельзя оттолкнуть человека, как бы он ни упал, надо уметь ему сострадать⁸⁰.

⁷⁸ А. Ф. Лапленко, *В. Распутин*, Москва, 1977, стр. 21.

⁷⁹ Е. Старикова, *Жить и помнить*, «Новый мир», т. 211, 1977, стр. 243.

⁸⁰ См. Е. Пронина, *Русская литература XX века*. Просвещение, Москва, 1991, стр. 331.

А в образе Гуськова постоянно сосуществует двойническая натура странного призрачного бытия, раскрывающаяся в разнообразных ипостасях, которые сопровождают все приключения его духовного распада. Он раскрывается перед читателем в многократном уподоблении двум разным натурам, которым досталась одна и та же память, в образе солнца и луны, одновременно появляющихся на небе. В *Живи и помни* автор показал последствия, к которым приводит в критической ситуации утрата самых необходимых человеку свойств: чести и памяти. И так, Андрей Гуськов делает свой выбор: он решает внезапно ехать домой, хотя бы на один день. С этого момента его жизнь попадает под влияние совсем иных законов бытия, Андрея несёт по течению, как щепку, в мутном потоке событий. Будучи по натуре человеком в общем-то честным, он начинает понимать, что каждый день такой жизни отдаляет его от нормальных, простых людей и делает возвращение назад невозможным. Судьба лихо начинает управлять безвольным человеком. Обстановка, окружающая героев, неуютна. Встреча Андрея с Настёной происходит в холодной, нетопленной бане. Автор, близко знакомый с русским фольклором, наделяет баню символическим колоритом народного суеверия. Баня это место, где по ночам появляется всякая нечисть. Этим автор подключает в ткань повествования тему оборотничества. В сознании русского человека оборотни ассоциируются с волками. И Андрей научился выть по-волчьи, у него получается так естественно, что Настёна думает, уж не натающийся ли он оборотень. Андрей всё больше черствеет душой. Становится жестоким, грубым, даже с некоторым проявлением садизма. «Скажешь кому – убью. Мне терять нечего», – говорит он жене. Андрей окончательно удаляется от всего земного, звереет, теряя и последнюю каплю человеческого достоинства. Где-то в глубинке очерстневшей души своей, он чувствует угрызения совести, понимает, что жизнь его течет по совсем другим измерениям, чем людские. Но ему страшно откликнуться на это смутное эхо своей притупившейся совести, страшно и потому, что знает, стоит ему откликнуться, жизнь разбита вдребезги, нет ему больше жизни, вокруг уже «сеть» всеобщего презрения и, что страшней, собственного неуважения. Поэтому он более склонен искать оправдания своему преступлению: «Чем я провинился перед судьбой, что она так со мной, – чем?». И вроде бы нет ответа на такой вопрос, а если есть, то нельзя его произнести вслух! Ведь человеку поставившего себя вне общества, дав волю своим инстинктам, нет больше жизни: «будто не я живу, а кто-то чужой в мою шкуру влез». Андрей мечется, мается и всё глубже уходит в нежизнь. У него мелькает ряд спасительных мыслей, одна неразумнее другой, но на миг кажется, что спасение близко и возможно. Оно под рукой, в рождении ребёнка, которое мерещется Гуськову даром Божиим, позволяющим ему возврат к

нормальной человеческой жизни, и ошибается в очередной раз. Настёна и ещё не родившийся ребёнок погибают. Этот момент является той карой, которой высшие силы только и могут наказать человека, преступившего все нравственные законы. Андрей обречён на мучительную жизнь. Слова Настёны: *Живи и помни* будут до конца дней стучать в его воспалённом мозгу⁸¹.

Для понимания внутренней логики характеров Гуськова и Настёны важное значение имеет именно финал повести, по поводу которого было высказано много противоречивых суждений.

Одни полагали, что автор наказал героя смертью Настёны; другие смерть героини воспринимали как недостаточное терзание человеческой совести, и героя, по их мнению, следовало бы пропустить через адские муки душевных переживаний, через суд если не людского, то своего собственного сознания; третьи настаивали на правовом наказании; четвёртые же видели в повести крестьянский вариант преступления и наказания, случившийся в XX веке⁸². В повести Распутина не Гуськов, а Настёна не может вынести чувства разъединенности с людьми. Мучительные всплески самосознания обостряют чувства вины за разорванные связи с миром: «Столько годов была привязана к деревне, к дому, к работе... Теперь придётся жить на особь, под секретом... хитрить, изворачиваться, врать».

Разъединение Гуськова с обществом, сопровождающееся утратой им всего людского, духовным крахом, приближает его к зверю, делает его менее реальным. Вот Настёна живая, страстная, любящая натура. Её душевный мир конкретен и понятен. Она воспринимает то, что случилось с мужем, не только как общую их беду, но и как общую вину. Ей даже кажется, что в бегстве мужа от войны замешена её сильная, зовущая к себе любовь: «Раз ты виноват, то и я с тобой виноватая... Если бы не я – этого, может и не случилось бы». Выдача мужа для Настёны, немислима, хотя ни минуты она не сомневается, что свершилось преступление и оправдания быть не может.

Но всё дальше и дальше удаляется от Настёны тот Гуськов, которого она знала и любила. Хотя, парадоксально, любит она этого «чужого» больше прежнего. Да и он, именно в этих роковых минутах, полюбил по-настоящему, по-мужски свою жену, вроде бы знакомую, своя в доску и, в то же время, такую преданную, ласковую, характерную.

Что, однако, терзает всё больше «Настёну – это то, что сама она чужеет, звереет и отодвигается от родного деревенского мира: «Всё

⁸¹ См. И. Дедков, *Возвращение к себе*, Москва, 1978, стр. 152-155.

⁸² Е. Старикова, *цит. раб.*, стр. 245.

кругом казалось чужим, направленным против неё, высматривающим каждый её шаг, подслушивающим каждую мысль». Настёна остаётся одна. Это одиночество, да муки от лживой доли, выпавшие на её участь, невыносимы. Где найти силы на кого опереться, чтобы глубже закопать позорящую её и нерождённого ребёнка тайну? Как сберечь мужа, как выдержать такое тяжкое бремя, как не сломиться перед грехом? Последнее, что вытесняет её из жизни, это стыд, тьма в той стороне, где таился муж, и ещё – голоса, возбуждённые, словно охотничьи, нагонающие: «Вот она, вон. Скорей. Скорей...».

Отчаянный остерегающий крик: «Настёна, не смей!» доходит до неё уже слишком поздно. *И не стало Настёны ...* В самоубийстве Настёны есть и кара «предателю», но больше там – сознание невозможности дальнейшей жизни, отчаяние, равнодушие близких, чёрствое осуждение родных. Последние слова Настёны *Живи и помни* обращены не только к Андрею, но и к жителям Атамановки, вообще ко всем людям. Ведь на глазах у людей происходят все подобные трагедии, но редко кто отважится предотвратить их. Земляки и родные Настёны не только не стараются предотвратить трагедию, но и способствуют её развитию, её завершению⁸³. Такое произведение как *Живи и помни* уже самим своим существованием является укором для бездуховности.

Среди определяющих жизненных впечатлений В. Распутина одно из самых сильных было впечатление от простых сибирских женщин, особенно старух. *«В творчестве Распутина с самого начала явно преобладает внимание к женщине. Однако из всех женских возрастов всё-таки главной распутинской темой стала старость. Образ старухи появляется в первых же рассказах, затем переходит в повести»*⁸⁴.

Тяготение писателя к образу старой женщины, женщины-матери не случайно. «Почему я так часто обращаюсь к старухам, часто спрашивают меня, – говорит В. Распутин. – А потому, что у пожилых людей можно многому научиться».

В. Распутин любит писать о старых поживших, много перенесших женщинах. Для этой темы архиважна не героиня сама по себе, а её связи с окружающим миром. Писатель старается убедить нас, что в характере женщины (матери, бабушки) сохранились основы правды и совести. В душе неграмотных старух звучит больше истины, чем в душе их городских, повидавших мир детей. Распутинские старухи по богатству и чуткости духовной жизни, по уму и разуму могут выдержать сравнение со многими героями русской и мировой литературы. В них В. Распутин открыл основную

⁸³ Дедков И. , *цит. раб.*, С. 153.

⁸⁴ Генрих Митин, *цит раб.*, С.15.

меру жизненной правды: стойкость характера, внутреннее достоинство, самоотверженность в нелёгкой деревенской жизни, а главное: способность понимать и прощать других.

Влечение писателя к этим доживающим свой век русским «святеньям» исходит отнюдь не из жалости к ним, а из любви и гордости. Распутин знает, как расшевелить души, способен заставить любого читателя вникнуть во весь драматизм женской доли и почувствовать реальную нравственную красоту и надёжность своих героинь, их корневую связь с бытием народа. Распутинские старухи – это носители лучших черт духовной и нравственной культуры России, крестьянские мыслители и философы. Художнику, запечатлевшему их, удалось воссоздать не просто живые и неповторимые человеческие характеры, но возвыситься до воплощения национального типа. Герои Распутина, естественно не пускаются в голое теоретизирование, их жизнь для них конкретна и не нуждается в научной базе. Поэтому они и оценивают её не с философских, а с чисто нравственных позиций, которые им доступнее и ближе⁸⁵.

Распутин не только изобразил деревенский мир, но в значительной мере и «проникся его атмосферой». Его «мудрые» старухи любят естественную последовательность событий, потому что она похожа на необходимость, и чувствуют себя защищёнными от хаоса, если им кажется что их жизнь подчиняется определённому «течению» времени.

Центральный герой повести *Прощание с Матёрой* старуха Дарья – это целый мир со своей психологией, этикой и философией. Она трезво видит пороки «разбушевавшейся» цивилизации. Ей противна философия городского всезнайки – его страсть к комфорту, технике и необузданному прогрессу. Но даже противопоставив этой «эгоистически-самодавальной» философии свою, многовековую стойкость и непреклонность, Дарье Пинигиной, несмотря на всю высокую гражданственность её переживаний, крайне трудно с ней бороться. Жизнь оказывается сложнее, трагичнее, чем она думала. Автор вводит тщательно разработанную систему мотивировок, чтобы объяснить драматический поворот в судьбе Дарьи и всех обитателей Матёры. А у Распутина Матёра – и остров, и одноименная деревня. Триста лет обживали это место русские крестьяне. Но вот надумали построить на реке мощную гидроэлектростанцию. Остров попадал в зону затопления. Всю деревню надо было переселять в новый посёлок на правом берегу Ангары. С едкой иронией в переключку с живой болью говорит автор об идеологии и нравах городских «горенаторов», которые в пагоне за необузданной перестройкой всего жизненного уклада, обрывают и исторические корни, связывающие жителей Матёры с прошлым, с родом, с началом. Прежде всего

⁸⁵ Старикова Е., *цит. раб.*, С. 245.

новоявленные строители умудряются снести на острове кладбище. Распутин в этой повести говорит не просто о гибели русской деревни, он подчёркивает, что плохопродуманным планом реально необходимой стратегии, можно добиться исчезновения важного очага многовековой народной культуры. Наиболее яркий и живописный персонаж, старуха Дарья, женщина с независимым умом, высокоразвитым чувством достоинства, нежным сердцем и инстинктивным умением чутко слушать ход времени, представлена как хранительница народной мудрости, которой свойственно здоровое восприятие мира. Она так размышляет на вечную тему бытия: «Правда в памяти! У кого нет памяти, у того нет жизни!»

Прощание с Матёрой – произведение лирическое, с глубоко трагическими переливами. Мысль о ценности, важности сохранения традиций, которая непосредственно отражается в композиции всей повести, определяет её постоянные мотивы и символические образы. Символичен образ деревни-острова Матёры – матери-земли, коренного и вечного начала, связывающего жителей маленькой деревушки со всем огромным миром.

Герои распутинской повести рисуются в моменты нравственных кризисов, ответственных решений, когда вся прожитая жизнь осмысливается ими как бы заново; диапазон воспоминаний разрастается на годы или даже на столетия. И описание одного дня естественно вмещает в себя историю нескольких поколений целой семьи или широкую картину умственной, религиозной, политической, социальной жизни, семейных нравов, общественных противоречий современной социалистической России конца XX века. Судьбы распутинских героев, их невзгоды и заблуждения, их любовь и ненависть – всё это теснейшим образом связано с современностью и с событиями истории социализма в России.

В повести *Последний срок* В. Распутин как бы суммировал все свои основные раздумья, которыми делится с читателем в предыдущих произведениях. Героиня этой повести, старуха Анна, находясь на границе жизни и смерти также как и Дарья из *Прощание с Матёрой*, готовится встретить свою смерть спокойно, достойно, с осознанием выполненного земного долга. Анна вовсе не боится умереть, она готова к этому последнему шагу, ибо уже устала, чувствует, что «изжилась до самого доньшка, выкипела до последней капельки». У неё сил совсем не осталось, разве что попрощаться с детьми. Анна даже представить себе не может, как ей уйти из этой жизни навсегда, не увидев детей, не услышав напоследок родных голосов. Близкая смерть матери заставляет детей собраться наконец вместе после долгой разлуки. Перед «лицом» смерти раскрывается не только душевная глубина простой русской крестьянки, но и в обнажающем свете предстают перед читателем лица и характеры её детей.

Вся повесть В. Распутина – это каких-то три дня, светлых и горьких три дня старухи Анны, её *последний срок*, невесть за что и за чей счёт дарованный «добовок» к жизни, чтоб было когда ей посмотреть и насмотреться на детей своих – Михаила, Илью, Варвару, Люсю – и проститься с ними. «Я уж по себе вижу, что не своей *жистью* живу, – скажет Анна, – это бог мне заради вас добавки дал, а у ей, подимте, тоже конец есть»⁸⁶.

В этой повести трагический (хотя и предвиденный) итог вырастает из самой ткани повествования, он заложен в ней, в сущности, с самого начала. Повесть в высшей степени мрачна по колориту. И вовсе не только потому, что в ней речь идёт о смерти восьмидесятилетней женщины, это, по сути дела, можно считать неизбежным. Существенно другое. Распутин так описал детей Анны, что становится очевидным, что это «одинокие люди», потерявшие «память», солидарность и родовые корни. Их запоздалая встреча вокруг умирающей матери воспринимается как натяжка. От всех веет холодной отчуждённостью, некоторой брезгливостью и их вялый поначалу разговор никак не вяжется с томной обстановкой последнего прощания и прощания. Глазами Анны мы достовернее всего видим и оцениваем её детей. По-разному, но они все – и бойкий Илья с чужим лицом, будто своё проиграл в карты, и ласковая когда-то Танчора, так и не отозвавшаяся из своего Киева на телеграмму, и недалёкая, растерянно живущая Варвара, и даже Михаил – материн кормилец и поилец, – все они давным давно забыли дорогу к дому. И, понимая это, старуха Анна плачет, вглядываясь в лицо спешащих детей своих. Она вроде бы догадывается, что её воспоминания и мысли уже почти не пересекаются с их воспоминаниями и мыслями. Она остается наедине со своей долгой жизнью⁸⁷. Из всех детей Анны, Михаил будто бы проще, грубее своих городских братьев. На него и сыплется больше претензий, ему и это и то идёт в укор, а на самом деле он сердечнее и глубже остальных. Не то что Илья, тот весёлым колобочком катится по жизни, стараясь не задевать ни о какие углы.

В последних главах, повести, В. Распутин полностью сосредоточивается на своей главной героине и финальном отрезке её жизненного пути. Именно сейчас писатель вводит читателя в самую глубь материнского чувства, в гущу её предсмертных раздумий. Уходя, Анна вспоминает своих детей какими они были в детстве, когда они всецело принадлежали ей, нуждались в её ласке и опеке: вот *молодой Илья*, который строго, серьёзно, с верой и надеждой принимает материнское благословение перед уходом на фронт; *Варвара*, выросшая почему-то очень никудышной и вечно ноющей женщиной, видится матери в раннем возрасте роющей ямочку в

⁸⁶ Дедков И., *цит. раб.*, С. 141.

⁸⁷ Там же, С. 142.

земле, просто так, ради курьёза; Люся, весёлая, изяшная, будто не деревенская вовсе, отчаянно, всем существом «рвётся» с уходящего парохода навстречу матери, с душераздирающим криком: мамочка...; и *опять Михаил*, ошеломлённый рождением своего первенца, вдруг пронзительно прозревает, что в существующей неразрываемой цепи поколений, накинул и он «новое кольцо». Распутин в своей повести предоставляет всем персонажам широкую свободу самовысказывания: читатель может сам судить, сопоставлять, делать выводы. В *Последнем сроке* выражается убеждение, что весь «жизненный урок», выпавший на долю старухе Анны, забыть нельзя, игнорировать опасно, так как её опыт – её чаяния и достижения – это капля народной мудрости, без которой историческое движение нации непостежимо.

Конец века – завершение одного витка культурно-исторической спирали и начало следующего: заново осмысливается прошлое и прозревается будущее. И вновь обозначается знакомый узел противоречий: между старым, новым, традиционным и авангардным. На таком рыхлом пространстве происходит самоопределение «городского» периода в творчестве В. Распутина. Новый период в распутинской литературе ознаменовался появлением целого ряда значительных художественных произведений, основной пафос которых заключается в утверждении городской жизни, где пульс жизни бьётся нервно, лихорадочно, где отчётливее сказывается быстрая смена впечатлений «стрессовых» горожан. Его повести и рассказы последнего времени были всё больше о городах (маленьких и больших), поставивших ему теперь жизненный материал. И в этом новом периоде распутинской литературной деятельности вновь, как и прежде, на повестку дня стали коренные вопросы человеческого жизнебытия – о памяти и забвении, о вере и утрате её. Они приобрели небывалую остроту, эмоциональную накалённость и философскую всезначимость. Так называемое «духовное раскрепощение» предопределило новую ступень осмысления действительности. «Лицо человеческое высветилось как на преломе времени, так и в зеркале Вечности»⁸⁸.

Основная направленность развития прозы В. Распутина на современном этапе непосредственно связана с особенностями, которые отличают общество приходящее от общества уходящего. В своём на шумевшем «Манифесте» Распутин с горечью писал, что «либерально-криминальная революция... столкнула Россию в такую пропасть, что народ ещё долго не сможет подсчитать свои жертвы. Наступила пора для русского писателя вновь стать эхом народным и

⁸⁸ Шерлаимова С. , *цит. раб.*, С.75.

небывавшее выразить с небывалой силой, в которой будут и боль, и любовь, и прозрение, и обновленный в страданиях человек»⁸⁹.

В рассказе *Женский разговор* главным источником вдохновения Распутина была именно окружающая его новая постсоветская обыденная действительность. Персонажами рассказа стали, как и в большинстве прежних произведений, – женщины: два отдалённых поколения – мал да стар – шестнадцатилетняя девочка – Вика, первым жизненным «достоинством» которой был аборт и её деревенская бабушка Наталья. Бабушка – это новый вариант прежних распутинских старух: та же целомудренная ясность и природная широта понимания мира. Её подробный рассказ с частыми заходами в прошлое обоснован тем, что собственным примером она старается помочь внучке разобраться в «мрачном беспокойстве» непокорной души своей, , найти всё же правильный путь и обязательно занять свое место в рядах честных «труженников». Бабушка не хочет обольщать ни внучку, ни себя лёгкими решениями. Она даёт Вике подумать о жизни и об опасности отчуждения человека от народных корней и глубинных нравственных традиций. Но Вика – яркий пример той незаурядности и глупой поспешности, которые господствуют сердцами и умами сегодняшней молодёжи. Ей «море по колено» и она жадно впитывает в себя всю чернь и мразь, коими наделило нас новое демократическое общество. Слова бабушки о том, что жизнь «даётся человеку один раз», и надо умело и красиво воспользоваться её дарами, раздражают, взвинченную новым укладом современной жизни, внучку, которая грубо обрывает её: *«Что ты мне свою старину несёшь? Проходили. – Когда проходили? – В первом классе проходили. Всё теперь не так»*. Попробуй переспорить вон такую всезнайку, у которой на уме лишь развлечение да секс. И всё им надо залпом и скорее, как будто невиданная сила подгоняет их изжить себя смолodu. Не зря старуха Наталья в сердцах восклицает: *«Дадут ей на обнюшку эту цель... она и взовьётся. И гонит, гонит, свету не видя, и гонит, и гонит. Покуль сама из себя не выскочит»*. Рассказ заканчивается *никак*. Что станет с Викой, в кого она вырастет, помогут ли ей добрые слова бабушки... это... уж пусть читатель сам решает. Речь идет не об *этой* Вике, а о всех Виках Вселенной. Распутин своим рассказом хотел растеребить совесть, душу и натолкнуть на мысль (почему-то многими забытую), что в обычном, обыденном течении жизни люди иногда живут мимо главного, не замечая ни красоты природы, ни полноты секунды, грубо и бестолково теребя себя и других в погоне за иллюзиями. А ведь рядом существует и настоящее, подлинное. В несложный рассказ бабушки, в добрые произнесённые ею истины, Распутин вкладывает образ нормальной жизни, которая и есть

⁸⁹ *Наш современник*, 1997, т. 5, С. 5-6.

подлинный жизненный идеал, противопоставленный нынешним заблуждениям и разочарованиям. Счастье ведь может быть доступно всем. Этот распутинский рассказ, как и многие другие его произведения показывает, как сложен, нелёгок, противоречив путь к нему.

Умение видеть «поэзию» в обыденном не мешало Распутину испытывать страстный интерес ко всему необычному, нестандартному. Когда-то Ю. Трифонов полагал, что «Идеального человека искать не надо – это бессмысленно, но надо искать идеальное в человеке». Преимущественный интерес к идеальному началу характерен и для Распутина.

Тревожным предостережением ныне живущим людям звучит «современная повесть» Распутина *Дочь Ивана, Мать Ивана*, рассказывающая о возможности преобразования, в какой-то критический, крайний момент жизни, обыкновенного человека в преступника и, взывающая к чувству всеобщей ответственности.

Крах обыкновенной русской семьи, отчуждённость членов семьи друг от друга, от матери (которая во имя спасения чести и достоинства этой самой семьи готова и на преступление), от дома и земли, на которой родились, осмысливается Распутиным как ситуация драматическая и глубоко тревожная.

Дочь Ивана, мать Ивана – повесть предупреждение, которое сигнализирует об опасности разрыва человека от семейных корней и глубинных нравственных начал. Эта сугубо драматическая тема разрабатывается автором не экстенсивно, а интенсивно *вглубь*, на одном участке действительности, преломляется не через одну, а несколько человеческих судеб. О чём же эта повесть? О самосуде, стало быть, беззаконии, которое осуждается, или наоборот одобряется автором? На первый взгляд (при невнимательном чтении) можно расшифровать сильный политический пафос: речь идет о несправедливости в социальной ситуации нынешних дней российского общества. Сильно актуальная тема. Актуальней не придумаешь. Честная женщина, верная жена и любящая мать расправляется с насильником собственной дочери. Редкий способ реакции матери на случившееся, пусть и крайне драматичное. Боли матери можно, естественно, посочувствовать (хотя бесшабашное поведение дочери предсказывает возможность такого трагического финала), но ведь не каждому сей же миг с топором, с кухонным ножом, с пистолетом бросаться на своего обидчика, разносить его в прах. Надруганное достоинство требует чувства реванша и победы над беззаконием, но ведь куда как более в характере русского человека явно и открыто отстаивать свои моральные права, добиваться упорно торжествующей правды...

Но в намерения В. Распутина вовсе не входило изобразить праведный гнев всех ныне «униженных и оскарбленных». Повесть –

ёмкая метафора всеобщего социального насилия, учинённого нынешними властями по отношению к своему народу. Тамара Ивановна и вся её семья, включая и непутёвую дочку, олицетворяют бесправный народ, а насильники – «новых русских». Всё это могло бы обернуться лишь надоевшей риторикой, если бы ни талант писателя, истинно художественный: уверенно управляя сюжетным ходом, запустив стрелу «социального мщения, Распутин надёжно обещает счастливый конец. Трагические судьбы всех своих героев повести, скитания и арест, короткие любовные радости и долгие разлуки, заблуждения, поражения, неудачи – обо всём этом рассказал Распутин в повести *Дочь Ивана, мать Ивана* с мужественной трезвостью. Ломка привычных повествовательных рамок, нарушение внешней сюжетной и временной цельности – всё это, в конечном счёте, помогло Распутину создать повесть, отмеченную редким внутренним единством: цельностью идейного, нравственного пафоса.

«Распутин открывает своим творчеством новые пути. Ему уже тесновато в рамках небольшой повести. Он не «позитивист», не «деревенщик», в его повестях ощущается поэтический подтекст, многозначность художественной идеи. Знание жизни, пристальное внимание к народному характеру, будучи помножено на укрупнённое социально-философское видение, даёт русской литературе – писателя большого масштаба. Поэтому приходится достаточно трудно подчинить творчество Распутина какой-то тематической классификации. Его отличает острота нравственной проблематики, глубина психологического анализа и мастерское использование знания материального быта»⁹⁰.

По мнению Распутина, и не только, главная ценность на земле – это сам человек. Всё на земле должно служить его благу, его радости, его процветанию. Человек должен чувствовать себя хозяином своего места на земле, своего дела и его результатов, иначе его мироощущение не будет приносить ему удовольствия, а прожитое им и сделанное будет отчуждаться от его личности.

Каждому поколению, кажется что оно делает что-то единичное, и тому масса неопровержимых доказательств – жизнь становится разнообразней, богаче, интересней. Только, вот бывает почему-то, совсем неожиданно, грустно человеку среди своего благополучия. Взрослея, а потом старея, он начинает понимать, что не всё так просто и однозначно в жизни, что нужно и о душе подумать. Может быть, пафос всех повестей и рассказов В. Распутина в том и заключён, чтобы дать возможность обществу всегда, во все времена отозваться на боль любой личности, чтобы люди всегда были душевными и бережливými, будь это связано с трудом человека, с

⁹⁰Шоптеряну В., *История русской советской литературы. Восприятие её в Румынии*, Бухарест, 1987, С. 190.

его убеждениями и духовным миром или просто с его повседневным, бесконечно сложным и «вечно текущим» существованием. *Всё течёт ... но важно как течёт!*

ABSTRACT

V. Rasputin: the Last Chance of Hope and Love

Rasputin is one of the best representatives of the so-called rural prose, and most of the valuable scholars in this topic maintain that Rasputin's people cannot be placed within a specific rural area as such, but that they belong to the rural universe as a whole. That is because of their ethics, because their values are part of the old traditions, and because they feel closer to the past than to a present which they either cannot comprehend or they reject for being aggressive. Rasputin aims to portray the village from the point of view of inter-personal relationships, moral codes, and principles which govern that world. His is a universe of simplicity which produces human beings, wherein the seeds of individuality are carefully sown and nurtured by the people and for the people. Conversely, Rasputin defines the city as a space of human degradation, a land where humanity goes adrift, is unable to find its way, and ultimately sells its soul to the devil.

ВЛАДИМИР МАКАНИН – АНДЕРГРАУНД, ИЛИ АНТИТОТАЛИТАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антоанета ОЛТЯНУ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: андерграунд, Владимир Маканин, преступление, наказание

Владимир Семенович Маканин родился 13 марта 1937 г. в городе Орск Оренбургской области. Окончил механико-математический факультет МГУ, а также Военную Академию в Москве, где потом преподавал специальные курсы. Помимо того, в 1967 году он окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров. В 70-х годах состоялся его дебют как автора-профессионала, те же годы стали периодом его интенсивной творческой деятельности, которая продолжалась и в последующие годы, независимо от литературных и политических группировок (в своей автобиографии, Маканин утверждал, что он не был коммунистом). В это время пишет стихотворения, реалистические (или с «реалистической подкладкой») рассказы и романы.

Полное признание к нему наступает лишь в 1992 г., когда, за повести *Лаз* он включается в номинацию на букеровскую премию, полученную им в 1993 г. за повести *Стол, покрытый сукном и с графином посередине*. Другие этапы признания его творчества: в 1984 г. – награжден орденом „Знак почета”; в 1995 г. – премией журнала „Новый мир” за рассказ *Кавказский пленный*; в 1998 г. – Пушкинской премией фонда А. Тепфера для всей деятельности; в 1998, 1999 гг. – премией фонда „Знамя”; в 1999 г. – Государственной премией Российской Федерации; в 2001 г., итальянской премией Пенне.

Андерграунд, или герой нашего времени (1998)⁹¹, самое значительное произведение Маканина, является монументальным романом о жертвах советского режима, которые опустились до алкоголизма, пришли к мысли самоубийства или самоуничтожения, докатились до потери личного «я». После того, как он стал популярным в России (с 1983 г., после смерти Брежнева), Маканина стали признавать и за рубежом – его несколько раз приглашали читать лекции в престижных университетах Европы и Америки, и

⁹¹ Румынское издание, издательство Полиром, Яссы, 2004, переводы и примечания Эмиля Йордаке.

одновременно появились переводы его стихотворений на многие языки.

Роман Владимира Маканина – являет собой одно из наиболее критических произведений, направленных напротив советского репрессивного режима. Время, описуемое в романе – это именно период перестройки, как нам известно, период крупных преобразований, открытий, но одновременно для многих русских, период очищения от зла последних лет. Многие не могут выйти из этого времени, хотя считают бессмысленными успехи, которые стоили так много жертв. Речь идет о крушении жизни людей, чьи существования нельзя исправить, потеряны навсегда. Герой романа, Петрович, названный по аналогии с прислугой, истинный подпольщик, свидетель бессмысленного, осознанного искалечиванием своего брата, прекрасного художника, Венедикта Петровича, ставшего постоянным гостем психушки, не находит больше необходимые средства для продолжения литературной деятельности и бросает это занятие, опускаясь к жизни, возможной только разным хитростям.

«Иногда богемная», жизнь бомжа, в полном презрении ко всем собратьям по перу или простым людям, живущие все вместе в доме, похожем на трансатлантический корабль, символ самой сегодняшней России, это не фрондерство, не антиоппортунизм, неоригинальность, политизация и т.д. литературной жизни; это протест жизненной несправедливости, порожденной некомпетентностью одних, или политической ангажированностью других. Некоторые из них, смотрят на его присутствие в этом доме в качестве неофициального сторожа некоторых квартир (после того, как он работал кочегаром, как и другие представители интеллигенции, писатели того периода), писателя Петровича – как на что-то модное – это или капризы гениального писателя, как говорят некоторые из них, вхождение в тему будущих произведений, для других, – знак мелкой, даже ничтожного желания иметь в подчинении культурного человека, когда, как говорит сам повествователь, «нужен как раз и именно в качестве неудачника, в качестве *вроде бы писателя*, потому что престиж писателя в первые постсоветские времена был все еще высок».

Россия переходного периода в романе Маканина описывается сумрачными тонами. Это время заставит простых и «особенных» людей соревноваться в уже позабытой борьбе за приватизацию государственных квартир, вызывающую у простых людей нечеловеческие чувства и поведение, наглые грабежи и уничтожение слабых; борьбу за существование. Отсутствие денег на фоне общей бедности и высоких цен (часть протестов относятся к кавказцам, которые монополизировали рынок России, белый или черный (вспомним в этом контексте протест Валентина Распутина, который,

в своих последних произведениях отстаивал национальную идею), новые русские, почти всегда находящиеся за границей, собственники многочисленных квартир, которые, на фоне нового соперничества, ведут себя, правда, на другом уровне, также непринципально, бессильные депутаты, подобно Дворикову, обезоруженные «умными ребятами», бывшие представители номенклатуры, которые возвращают свое положение и привилегии после короткой «чистки» и т.д. Начиная с эпиграфа, выбранного Маканином для своего романа (из Лермонтова), «Герой... портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии», можем считать опять, что речь идет о строгой радиографии современной России.

Выдающимся является описание больницы для душевнобольных, в котором поочередно помещены оба брата. Для младшего, Венедикта Петровича, больница, в которой он провел двадцать лет, еще со студенческих лет, станет символом репрессивных заведений: со своим более свободным, вызывающим характером, его личность вызывала неодобрение простых следователей, которые хотели приручить его, хотя у них не было ничего конкретного против него. Этот «урок», который Венедикт Петрович, по их мнению вполне заслуживал, свелся к помещению его в больницу с проведением устрашающего курса лечения, имеющего ужасные последствия для психики молодого человека, ставшего скорее всего овощем без шанса на выздоровление. Этот эпизод имел двойное последствие, если мы имеем в виду и уход в себя его брата, который, путем несказанного обещания, чувством вины перед потерей младшего брата, предпочитал эту изоляцию, вроде бы вегетативную жизнь. В одном из редких обстоятельствах, когда он объяснял свое положение, Петрович сказал: «никаких причуд у меня, (...) я не хочу печататься. Уже не надо. Уже поздно. Теперь я уже не хотел быть придатком литературы». Путь, который он выбрал был совсем другой. Позднее, в момент прихода в сознание, он признался: «что ж винить, если я хотел (я ведь хотел?) пройти в параллель, повторить путь Вени – путь отступничества, свой путь для своего времени. «Я» уцелело – вот и я уцелел. (Но в опыте отсутствовала хрупкая гениальность моего брата)».

Некоторое время спустя, под давлением экзистенциальных кризисов (убийство, более или менее случайное двух лиц, алкоголизм и чувство вины, вспышки ярости⁹²), Петрович окажется в той же

⁹² Они также являются неслучайными или простым доводом психических проблем героя: стремление прибегать к насилию воспринято им как меньшей карой, по сравнению с той, которую получил его брат, не нанесящий оскорбление следователю, вполне оправданное – говорит его брат –, продолжая своими умными, интеллигентными острыми замечаниями. См. также момент его ареста после «ярости»

больнице, из которого убежит лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств. Унижение, которое он был вынужден терпеть, профессионализм и отторжение обществом – трудное испытание для героя, который с трудом сумеет выжить. Главным элементом в определении личности главного героя, его назначения в этом мире можно считать сохранение своего собственного «я» (или, вернее, попытка сохранения), минимальная независимость от окружающих и от режима, его элементарные человеческие права. Поэтому возможное убийство кавказца, который оскорбил его, обидел его под страхом быть зарезанным, а также и доносчика Чубисова – личная месть Петровича за режим, способ мести тем, кто уничтожили его брата. С другой стороны, индивидуальное убийство нельзя принимать во внимание в государстве, где она использовалось масштабно: «Ничего высоконравственного в нашем *не убий* не было. И даже просто нравственного – не было.// Это, то есть убийство, было не в личностной (не в твоей и не в моей) компетенции – убийство было и есть всецело в *их* компетенции. *Они* (государство, власть, КГБ) могли уничтожать миллионами. Я вовсе не мечтаю в них молнии. Я спокойно разделяю, расщепляю вопрос на важных два. Мне важны не столько они, сколько отдельный человек – не они, а я. Не *они*, а я, ты и он». С определенной точки зрения, роман Маканина можно считать чередой преступлений и наказаний, преступлений без наказаний, простых людей, режима, «честных» граждан и т.д.

Мир андеграунда, – который можно понять двояко, как литературную богему, неопубликованных писателей в советское время, внутренних диссидентов, которые еще не принимают новые условия или помещь, оказанную новым режимом⁹³, но и мир бомжей (заведение для бездомных, где на время останавливается и наш герой, жизнь на улице, в очереди, жизнь преступников, что отражается на страницах посвященных жизни в больнице, оскорбление простых людей органами власти) – подробно описаны Маканиным, который написал таким образом роман современного андегаунда в России, более впечатлительного даже с подпольным миром Достоевского. Маканин часто подчеркивает, что он имел в виду только второе значение слова, первая будучи, более щедрым, вроде ореолом славы для многих писателей, подвергшихся когда-то опале режимом: «Сейчас, когда речь заходит об андеграунде, обычно называют обойму известных, признанных писателей. Это заблуждение. К настоящему андеграунду они не имели никакого отношения. Просто в какой-то момент эти писатели переросли

в очереди, когда, чтобы доказать свою справедливость и не разрешить оскорбление личного «я», главный герой бьет следователя.

⁹³ Двориков «думал, что андеграунд – это те, кто страдал от коммунистов, а теперь хотят получить свой пряник и стакан с молоком».

советские журналы, в которых активно печатались и оказались как бы в легальной оппозиции к режиму. Они активно издавались в стране и за рубежом, пользовались неслыханной читательской популярностью. Такая оппозиция всех устраивала: во-первых, ее не нужно выслеживать, и во-вторых, можно показать мировому сообществу, что у нас все в порядке со свободой слова. Когда коммунистический режим рухнул, эти писатели стали новым литературным истеблишментом, решающим кого казнить, кого миловать. В этом суть любой оппозиции: после смены власти она немедленно занимает место тех, кого так яростно критиковала.

Но был другой андеграунд, который жил по иным принципам: никакого заигрывания с властью, бескорыстное служение искусству, и еще, как бы это сказать, для них очень важно было сохранить свою индивидуальность, свой внутренний мир. Остальные ценности советского общества для них были ложны, иллюзорны»⁹⁴.

Находясь в постоянном диалоге с писателями и произведениями русской литературы – выбирая главного героя, писатель может провозглашать современные точки зрения о роли литературы в современном обществе –, роман Маканина доказывает явное влияние Гоголя, Чехова и особенно Достоевского, а также Лермонтова, у которого Маканин заимствует даже подзаголовок романа. *Преступление и наказание* Достоевского, со своими мотивами (оправдание убийства, одобрение «я», роль красоты для человечества и т.д.), является же очень хорошо представленным, повествователь полемизируя даже со многими из идей Достоевского: «Размышлял о *не убий*. (Самое время.) Конечно, XIX век... и предупреждение литературы (литературой)... и сам Федор Михайлович, как же без него?! – Но ведь только оттуда и тянуло ветерком подлинной нравственности. А его мысль о *саморазрушении убийством* осталась почти как безусловная. Классика. Канон. (Литература для русских – это еще и огромное самовнушение.)»

Наш герой уже не принадлежит времени покаяния, а непокаяния за свое убийство; согласуется с присутствием сожаления, но предпочитает действия, будучи приверженцем «дуэли», поддерживаемой литературой XIX столетия.

⁹⁴ Владимир Маканин, *Писатели рано или поздно станут одиночками*, в <http://tbs.asu.ru/likbez/Karpov/gosti3.htm>

ABSTRACT

Vladimir Makanin's Underground, or the Antitotalitarian Literature

The paper discusses one of the most prominent contemporary Russian writers, Vladimir Makanin, and his well-known novel, *Underground, or a Hero of Our Times*. Being a good example of Russian Postmodern literature, the novel presents a very important theme for Russian literature and society – the ordinary people and the antitotalitarian regime. The hero fights not only against Soviet and Post-Soviet power, but also against the lack of values in contemporary world, when there is no place for culture and educated people. Full of tragism, the novel could be seen as a sort of contemporary prolongation of Dostoevsky's *Notes from Underground*.

**«СЛУЖЕНИЕ МУЗ НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ...»: К МИФОЛОГИИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ**

Марина ВРАЧУ
Яссы, Румыния

Ключевые слова: Серебряный век, модернизм, мифопоэзис

Ольга Седакова удостоена уже немалым количеством премий в России и в других странах.⁹⁵ Особый голос поэта услышали с первого тома ее стихов *Врата. Окна. Арки*⁹⁶ (1986 г., опубликован во Франции) Среди весьма немногочисленных комментариев, еще двумя десятилетия назад, Михаил Эпштейн писал в статье о русской поэзии о Седаковой как о поэте – метареалисте (из группы, представленной Иваном Ждановым, Виктором Кривулиным, Еленой Шварц, Ольгой Денисовой и пр.), определяя метареализм как «особый тип реализма, который может включить все и разные виды реальности, в том числе муху или электрон».⁹⁷ В той же статье, посвященной контрастные элементы поэзии Седаковой противопоставляются «искажениям» поэзии концептуализма, в частности Льва Рубинштейна. Тем самым Седакова выступает как поэт некоей «нормальности» нео-традиционного, нео-модернистского склада. Второму тому Седаковой, *Китайское путешествие. Стелы и надписи. Старые песни* (опубликованному в России в 1990 г.) последовали в 1994 г. еще две книги ее стихов, в России (*Стихи*) и одна в Америке.

В первый том входят стихи, написанные в 1970–1993, ее *ars poetica*, *Похвала поэзии*, и статья С. Аверинцева, посвященная ее

⁹⁵ Первый приз им. Вл.Соловьева Ватикана, 1998. См. Речь Седаковой О. А. при вручении премии им. Вл. Соловьёва//Контекст-9.1999, N4. В Англии Седакова известна по антологии «женской поэзии» и по переводам известных британских славистов К. Келли, В. Полухиной. *Шёлк времени: The Silk of Time*. Здесь же можно прочитать несколько устаревшую статью о современной русской поэзии. В англоязычной среде она известна по сборнику. *The Poetry of Perestroika u The Third Wave, a также по интервью* В. Полухиной, в *Modern Poetry in Translation Contemporary Russian Women Poets*. by Valentina Polukhina, Daniel Weissbort с.178-192

⁹⁶ *Послесловие* Владимира Сайтанова, псевдоним D.S., в основном комментарии ее стихов. После этого появилась хвалебная небольшая статья Вяч.Вс. Иванова, в ж. «Дружба народов», 1988, № 10, с.121-125.

⁹⁷ Mikhail Epstein, *After the Futures: the Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Cultures*, 1995, "After the Futures: the paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Cultures", *New Currents in Russian Poetry; Conceptualism, Metarialism, and Presentism*, The University of Massachusetts, pp.71-97: [http://www.emory.edu/INTELNET/af_new_poetry.htm], 1995

творчеству.⁹⁸ О Седаковой появились исследования в Европе и в Америке. Так, например, исследователь Эндрю Уэчтел написал⁹⁹ о поэзии Седаковой, разбирая стихотворение «Горная ода» в связи с русской поэтической традицией XVII в. Отмечая «метафизический» аспект поэзии Седаковой, в смысле английской поэзии XVI-XVII вв.¹⁰⁰ и в связи с «философской поэзией» Баратынского, британская русистка Катриона Келли опубликовала переводы стихотворений Седаковой¹⁰¹. Другая исследовательница, Стефани Сэндлер, написала о лирическом «я» как о распыленной психе, спрятанной в тайнственной глубине.¹⁰²

В течение последнего десятилетия Седакова публикуется интенсивно, пишет критические статьи на литературные темы и эссе на антропологические темы¹⁰³. Удостоенная вниманием критики и публики во Франции, Великобритании, Германии и Италии в Румынии поэтесса, как и современная русская поэзия вообще, остается фактически неизвестной.¹⁰⁴

Подобно поэтам Серебряного века, Седакова пишет и эссе-размышления, анализы стихов других поэтов.¹⁰⁵ Если поэт и любители поэзии являются тем, что они читают, как говорил И. Бродский¹⁰⁶, тогда «поэтическое существо» О. Седаковой, эфирные сосуды ее поэзии переполнены мифами Серебряного века (и таких

⁹⁸ Аверинцев С., «...Уже небо, а не озеро...»: риск и вызов метафизической поэзии, <http://www.vavilon.ru/texts/averintsev1.html>

⁹⁹ См. Andrew Wachtel, *The Youngest Anarchists*, 1999

¹⁰⁰ О поэзии «метафизиков» Джонна Донна, Эндрю Марвелла, Джорджа Герберта см. подробнее *The Metaphysical Poets/ Selected and edited by Helen Gardiner*, Harmondsworth: Penguin, 1972. Интерес к поэзии метафизиков появился в русистике в связи с приверженности к Донну И. Бродского.

¹⁰¹ См. сн.1. Автор «очень краткого введения в русскую литературу» (Catriona Kelly, *Russian Literature. A Very Short Introduction*, OUP, 2001), профессор Келли написала также *Russian Cultural Studies* (OUP, 1998.) См. рецензию автора настоящей статьи на *Введение...* в яском литературном журнале «Timprul», январь 2005 г.

¹⁰² Stephanie Sandler, *The Thinking Self*, Ithaca: Cornell UP, 2000, в *Self and Story in Russian History*, co-edited with Laura Engelstein (Ithaca: Cornell UP, 2000)

¹⁰³ См. сборник статей и эссе *Наше положение: Образ настоящего*, 2001

¹⁰⁴ За исключением страницы в словаре А. Ньири, (Angara Nyiri, *Словарь русских писателей, Dicționarul scriitorilor ruși*, vol.I-II, Editura Bizantina, 2006, с- 192-193). 1, с.192-193) и главы в вузовском учебнике русской литературы (Dumitru Balan, D., *Poezia rusa din secolulii XX. Ruscaia poezia XX vecka*, Editura Universitatii din Bucuresti, 1997, а также переводов, сделанных автором настоящей статьи опубликованных в 2004 г. в яском ж. «Китеж-град».

¹⁰⁵ См. статьи Кончина Бродского, *Иосиф Бродский: Исследования*, т. 1, imWerden Verlag, Augsburg 1999, pp.17-28; *Другая поэзия*, «НЛО», № 22 за 1997 г.

¹⁰⁶ См. *Лица необычим выражением* (нобелевская лекция), в Иосиф Бродский, *Собрание сочинений в 7 тт.*, Петербург, Пушкинский фонд, т.5, а также интервью поэта, Иосиф Бродский. *Большая книга интервью*, Издательство: М.: Захаров И. В.; Издание 2-е, испр. и доп. В. Полухиной

последователей последнего как сам И. Бродского¹⁰⁷), а значит мифами, образами и языком Культуры. Словами самой Седаковой, в ее поэзии происходит то, что она именует «внутриположностью» (положение «я» внутри другого), т.е. подключение Седаковой под коды ахматовской «Поэмой без героя»¹⁰⁸, под пастернаковские, возможно цветаевские и, более всего, мандельштамовские¹⁰⁹. Эта принадлежность традиции модернизма строится на собственной тайне. В творчестве Седаковой наличие таких знаков-индексов как образы европейской культуры говорит о эстетизме и о мифологизации собственного пребывания в культурном пространстве античной (римской), западноевропейской – средневековой и барокко, или же условно восточной-китайской. В итоге, ее поэзия несет свой смысл посредством метафор «сада мироздания», леса, ветра и воды, розы и походов, реминесценциями древних сочинителей. Широкий охват вселенной, которую поэт воспринимает как таинственное путешествие, металитературность, лаконичность и сдержанность, основанные на ощущения тайны, с которой поэта связывают нити творчества – атрибуты ее поэзии.

Помимо классического и модернистского наследия поэзия Седаковой построена также на том достоянии, которое принесли ей переводы. «Отдавая должное актеру в каждом из нас», а не «ища идеализированного отражения себя», Седакова, поэт особой эрудиции, всматривается глубоко в традицию истории литературы, где находит «четкость, крепость» Данте или Рильке (которые говорят как мудрецы), «сухость» Томаса С. Элиота, «чувство высокой комедии» П. Клоделя.¹¹⁰

Мифопоэзис и метапоэтичность – две особенности творчества Седаковой, присущие Серебряному веку и поэзии XX-го вообще¹¹¹. Поэзия Седаковой говорит постоянно о своем собственном рождении, созавая свою собственную мифологию. Для Седаковой поэтический процесс состоит из созерцания, молитвы и тем самым достижения трансцендента, в которое ворота всегда открыты, куда отсылают

¹⁰⁷ В связи с интересом и причастности Седаковой к творчеству Бродского см. интервью *Редкая независимость*, в *Иосиф Бродский глазами современников*, «Звезда», Петербург, 1997, ред. В.Полухина, стр. 218-232

¹⁰⁸ См. ее статью *Шкатулка с зеркалом Об одном глубинном мотиве А. А. Ахматовой*, в «Ученые записки Тартуского государственного университета», 641. «Труды по знаковым системам». XVII. Тарту, 1984. с. 93-108.

¹⁰⁹ О влиянии Мандельштама на творчество Седаковой см. Перепёлкин М.А., От "последнего поэта" до "последнего читателя": эволюция одного лирического сюжета Евгения Боратынского в XX веке(на примере стихотворения О. Седаковой), http://tatar.museum.ru/Boratynsk/Clubs_2_200_S_2.htm

¹¹⁰ См. переводы и неопубликованные курсы лекций *Данте в XX веке: Элиот, Клодель, Мандельштам*. Годовой курс. МГУ, ИМК.

¹¹¹ V. Şoptoreanu, *Filosofia mitului în literatura rusă*, Ed. Univ. Bucureşti, 1997, EUB, 1997

предметы видимого мира. Внимательное прочтение стихов Седаковой с установкой на выделения процесса, который можно назвать «мифологией поэтического творчества» выявляет тайну веры. У Седаковой вера присутствует в поэзии на разных уровнях. Прежде всего, в связи с христианским пониманием смерти и вечности.¹¹² В. Полухина пишет о том, что Седакова желает вернуть поэзию в Русскую Православную Церковь¹¹³. В ее поэзии присутствуют религиозные темы и мотивы, и их «обработанном» Серебрянным веком виде – западноевропейское Средневековье, наряду с православным миром и условным, «китайско-конфуцианским» с мнимыми отсылками к буддизму. У других поэтов поколения 1960 гг. подобное встречается редко. Одним из немногих исключений был И. Бродский в *Большой элегии Джонну Донну* (1963)¹¹⁴ и в предпочтении самого жанра элегии вообще (*На смерть Т.С. Элиота, Осень*) и Б. Ахмадулина.

Две формы проявления православия особенно волнуют Седакову: иконопись и изихия. Обе дают поэту возможность войти в состояние вдохновения, которое в личной мифологии Седаковой является состоянием созерцательности, ведущем поэта к действию «служения», т.е. к поэтическому творчеству. Внимание – вживание (переживание) в две основные практики православия верующего является одним из способов достижения метапоэтичности в ее стихах. Темы и мотивы, связанные с двумя названными практиками выступают как ведущие в поэзии Седаковой. Какими путями ходит О. Седакова, указывая на них читателю, в поисках ощущений в посторении своей правды о мире? Речь идет о снах, музыке и о ряде предметах, в частности растительного мира, приводящих поэта (и внимательного читателя, или «со-творца»¹¹⁵ к главному.

В одном из своих интервью Седакова говорит о иконе, о том как иконописец постится и молится, чтобы достичь вдохновения. Она признается в том, что сама старается довести себя до такого состояния.¹¹⁶ На самом деле, поэтическое творчество ее

¹¹² См. посвященную этой теме работу Перепелкин, М.А., *Творчество Ольги Седаковой в контексте русской поэтической культуры. Смерть и бессмертие в парадигме традиции*, Самара, 2000

¹¹³ См. "Conform not to this age: an interview with Olga Sedakova", в *Reconstructing the canon : Russian writing in the 1980s p. 33-78;*, 33, Ed.: McMillin, Arnold B., Amsterdam. Harwood Academic, 1999

¹¹⁴ См. перевод на румынский язык в Emil Iordache, *Din nicaieri, cu dragoste*, Iasi, Timpul, 1995. О «душе» в русской поэзии «застоя» см. Lev Loseff, "Iosif Brodskii's Poetics of Faith," в *Aspects of Modern Russian Literature*, Slavica Publishers, 1993, с.

¹¹⁵ К нему призывал О.Мандельштам, в *О собеседнике* (1913)

¹¹⁶ См. коллективный сб. 2001 - «Российская ситуация в начале III тысячелетия, взятая в её интимной, жуткой и обещающей сути минуя поверхность властного скандала и журналистики. Судьба страны, настроение современного человека, поэтическое пророчество, вера и церковь, правда спасения определяют направленность внимания»

приближается к иконописи, а стихотворение – к словесной иконе. Возможно она следует своему любимому поэту, любителю архитектуры Мандельштаму. Православная традиция выступает в поэзии Седаковой в «подступах» и результатах иконописца, в технике (умной) молитвы¹¹⁷. Однако это происходит не прямолинейно.

Почему икона? Помимо того, что икона является центральным символом православия, изображенные в иконе лики вневременны, то есть вечны.¹¹⁸ Этим величинам соразмерны образы поэзии. Предметы в стихах Седаковой статичны, есть живописное ощущение в ее стихах. Поэтов всегда притягивает картина, а «Каждое стихотворение в какой-мере портрет места», а «поэты любят в живописи готовый смысловой итог»¹¹⁹. По замечанию С. Сандлер, Седакова «намеренно нетороплива, дабы читатель спокойно понимал, вовлекаясь в со-творчество, смысл ее стихов. Ее стихи играют с составляющими мысли и поэзии. Ее сюжет – идея, ее понимание»¹²⁰

Поэзия Седаковой дает такую словесную икону. Помимо статичности, другим знаком иконы является «нерукотворность». О нерукотворности пишет Седакова в статье *Поэзия и антропология*, о парадоксе «нечеловечество», как она это называет: «Например, постоянная тема медиумического характера творчества: это не создаётся человеком, а диктуется Музой (языком); является во сне; само (произведение) себя создаёт и под[обное]. Или такой поворот: эти строки (звуки, изваяния) создал совсем не тот человек, который вот сейчас занят пустяками... Все эти случаи восторга перед нечеловеческим в искусстве открывают нам в конце концов нашу актуальную антропологию.»¹²¹

Следы таких форм божественной экспрессии можно найти в темах седаковской поэзии. Так, для того чтобы прийти в состояние истинного вдохновения поэт должен опустошить себя, очиститься от всякого мотива или намерения (осуществить кеносис) и приготовиться к служению, как в молитве. Служение и является первым условием мифологии поэтического творчества у О. Седаковой – в идеале она должна избавиться от всех личных мотивов написания стихов. Поэзия служит не ей, а кому-то (чему-то) другому. Верой и молитвой она может сосредоточиться на другом, забыть себя. Желание избавиться от личных мотивов – возможно желание быть анонимной, подобное тому иконописи, где нет подписи. Так выступает на первый план, еще раз, мотив служения, в стихотворении «Слово», Arg

¹¹⁷ См. Иоанн Мейендорф, *Св. Григорий Палама, Его место в Предании Церкви и в современном богословии*, в *Православие и Современный Мир*, Минск: "Лучи Софии", 1995 г

¹¹⁸ С. Аверинцев пишет об иконе в своем предисловии к стихам Седаковой, см. сн.4

¹¹⁹ *Заметки*, 147, 152

¹²⁰ *Rereading Russian Poetry*, New Haven: Yale UP, 1999

¹²¹ См. сн.22.

роетика Седаковой: *И кто любит, того полюбят. / Кто служит, тому послужат, / не теперь, так когда-нибудь после. / Но лучше тому, кто благодарен, / кто пойдёт, послужив, без Рахили / весёлый, по холмам зеленым.* Структура первых двух строк стихотворения ставит в равновесие два действия – любовь и служение. Оба действия веры, которые обещают ответа как спасение. В этих стихах любимым является слово. Экстазис достигается молитвой и созерцанием, как это представлено, например, в стихотворении «Старушки»: *Как старый терпеливый художник, / я люблю разглядывать лица / набожных и злых старушек: / смертные их губы / и бессмертную силу, / которая им губы сжала.* Стихотворение начинается с обращения к образу живописца. Иконописцы имеют дополнительную причину изучать лица, тот факт что «люди созданы по образу Божию». Лирическое «я» узнает бессмертную Божию силу, покоящуюся в этих лицах. Сила Божия видна даже на лицах огорченных верующих. Лирическое «я» продолжает рассматривать-созерцать лица в другом стихотворении: *Ах, много я на людей смотрела / и знаю странные вещи: / знаю, что душа – младенец, / младенец до последнего часа.*

Описывая душу при помощи метафоры младенца, Седакова говорит читателям, что человеческая душа сохраняет часть Рая. Для Седаковой детство – семантическая система, совершенно отличная от зрелости.¹²² В стихотворении «Давид поёт Саулу» говорится о этой семантической системе: *Ты видел, как это бывает, когда / ребёнок, ещё бессловесный, / поднимется ночью – и смотрит туда, / куда не глядят, не уйдя без следа, / шатаясь и плача. Какая звезда / его вызывает? какая дуда / каких заклинателей?* Дети инстинктуальны и естественны, их чистота и бессловесность включают чистые намерения, за которые борются взрослые. Созерцание и воспоминание о детстве – путь к достижению любимого состояния чистого намерения, служения. Понимание того связано с видением себя в «обратной перспективе».¹²³

«Мне приятнее и интереснее анонимная или близкая к анонимной поэзия – средневековая, фольклорная... Мне перестали быть интересны поэты с личной манерой, со «своим», что называется, «миром».¹²⁴ Такое высказывание подтверждает интерес поэта к поэзису. Седакова пишет также о Пушкине, как способным в высшей степени достигнуть этого состояния. То же самое видит Седакова и у Манельштама, для которого в поэзии важно вдохновение,

¹²² См. «Вакансия поэта», стр. 76

¹²³ П.А. Флоренский, *У водоразделов мысли. (Черты конкретной метафизики)* III. ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА <<1>>, 1919

¹²⁴ «Для того чтобы перевести», без стр. Раньше она писала то же в связи с фольклорной поэзией в *Немного о поэзии*. О её конце, начале и продолжении, http://www.poesis.ru/poeti-poezia/sedakova/frm1_poez.htm

«внутренняя тема» пушкинской поэзии. («служит поэтическому внушению»). О сущности поэзии Мандельштама она считает, что это «свое собственное создание»¹²⁵.

Поэзию Седаковой можно назвать вместе с М. Перепелкиным поэзией преображения, ибо метаморфоза является основным действием в ее стихах.¹²⁶ Переход в состояние молитвы осуществляется изихией, «молчанием сердца» в свою очередь достигаемым темнотой и ветром. Тему ветра, ведущую в творчестве поэтессы, можно понять в изихастком ключе как носителя молитвы. Строка из *Легенды второй*: «Кто знал, что Бог -- попутный ветер?» раскрывает понимание этого состояния. Подобно «плетению словес», монахи-изихасты плели пояса.

Центральным образом в изихии и в поэзии Седаковой является сердце. В стихотворении «Легенда десятая» о Якове, его сне и предугадания засухи, сердце описано как небо: *Слышащее сердце...небо, круглое на вид, / не свод, а куб – и он гремит, / и сердце есть внутри него.* В стихотворении «Рыцари едут на турнир» выступает мотив бестелесного сердца, бьющееся сердце земли: *И что же, бывают времена, / бывает время таким, / что слышно, как бьётся сердце земли / (...) / Сердцебиенье лесной земли.* В «Легенде одиннадцати» одиннадцать сидят за столом молча, один заговаривает: *Сердце билось, кажется, везде.* Для Седаковой сердце – место встречи с Богом, с миром и с самим собой. Это место, способствующее преобразованию.

В мифологии Седаковой сердцебиение не ограничивается сердцем. У нее часто встречается персонификация, потому что это поэзия, которая смотрит на все аспекты реальности, со всех концов. Об этом говорится, например, в первом стихотворении цикла «Китайское путешествие»: *Родина! вскрикнуло сердце при виде ивы* – не только метафора, но и другая реальность. Она предлагает другие перспективы на жизнь. Размышляя над мистическим центром, Седакова обращается снова к предшественникам. Поэт объясняет центральное место сердца: «Пространство поэзии имеет одну реальную координату: соотносённость с центром, с сердцевиной. В русском языке сердце и середина – однокоренные слова, и это, между прочим, предостерегает нас от того, чтобы понимать сердце и сердечность слишком сентиментально. Сердечное, сердцевинное – просто центральное; центр жизни, в неменьшей мере смысловой центр, чем эмоциональной. Старые поэты (как Данте в <<Новой Жизни>>) хорошо знали топос центра, сердца, сферичность как требуемое качество в лучшем смысле живого пространства.»¹²⁷

¹²⁵ См. *Редкая независимость*, стр. 248

¹²⁶ Сандлер, *Указ.соч.*

¹²⁷ См. сн.30

Икона, сердце, созерцание и память разделяют общую «сему» глубины. Более об этом можно прочесть в речи 1998 г., произнесенной поэтом при присуждении ей премии им. Вл. Соловьева, в которой Седакова говорит об образах глубины и о родстве между искусством и Христианством. Начиная с образов корней христианства в евангельских притчах, которые не поднимаются в небеса, а вырастают в землю, Седакова развивает образ корней, дающих зрительный образ темного, тайного, неизвестного, дают возможность «понимать не понимая»¹²⁸.

Сердце вне нас, также наше ожидание смерти исполнено смысла: стихотворение *словно в глубине колодца, / все звёзды вобрались в одну... отражая до конца / лицо влюбленного отца* («Побег блудного сына»). Стихотворение говорит о вездесущности Бога и том, что глубины являются Райскими местами. В более позднем стихотворении «Третья тетрадь», поэт вспоминает ушедшую из жизни бабушку, которой и посвящает цикл: *Как из глубокого колодца / или со звезды далёкой / смотрит бабушка из каждой вещи* (Бог всюду, расстояния сняты, глубина здесь и сейчас, как признак пространства.) В стихотворении глубина – сосуд, проглатывающий свои собственные видения («Пускай свои видения глотает глубина»), в другом – она становится тем, что ее содержит «...то, что здесь передо мной / стоит, перенасыщаясь».

В глубине собственного сердца можно найти «животворящую глубину», подобно мистике. Поэзия приносит в мир новые смыслы именно оттуда, как новорожденного. «Повышенное напряжение» поэт достигает путем снов, музыки и зрительных образов, открывая двери в другой мир.

Сны, музыка и зрительные образы появляются как основные темы в метапоэтических стихотворениях Седаковой. Так, вещи сны служат метафорой в *Сын муз*, из цикла «*Стансы третьи: вино и плавание*». Видеть сны для Седаковой равномерно иконописи. О снах Седакова написала пять разных книг, что говорит о постоянстве мотива в ее творчестве. Так, стихотворение из двухчастного тома «Болель», «Большой просыпался», передает переход состояний от сна к боли обратно ко сну. Мотивы состояния трезвости, разная перспектива – читатель проникает в психологию больного героя. Больной надеется на поводыря во сне: *Нет, это не свет был, нет, это не свет, / не то, что я помню и думаю помнить. / Я верю, что там, где меня уже нет, / я сам себя встречу, как чудный совет, / который уже не хочу не исполнить. / Я чувствую сна допотопную связь / со всеми, кто был и не выполнил дела. / Я сам исчезаю, и сам я из вас. / Я слушаю долгий и связный рассказ / в огромном раю глубочайшего тела.* Актант – мужчина, «сам», говорящих о снах,

¹²⁸ Там же.

«там», где он был в предыдущем стихов («где меня уже нет»), сны для нее – «чудный совет». Больной верит, что в состоянии сна все и вся соединены некоей нетронутостью, чистотой. Это место, где можно достигнуть состояния чистого служения, потеряв собственную индивидуальность, и при помощи (по)слушания (Как в книге Иов). Во второй строфе больной уже не спит, он нашел «связный рассказ». Подобно тому, как его райские сны происходят в глубинах его души и тела, этот Рай является в глубинах мироздания или Творца, т.е. «в огромном раю глубочайшего тела.» Урок болезни был преподнесен в больном бреде: *Я думаю, учит болезнь, как никто, / ложиться на санки, летящие мимо, / в железную волю, в её решето, / и дважды и трижды исчезнуть за то, / что сердце, как золото, неисчислимо.* Происходит озарение о значении смирения.

Сны вещают не только о брэнности, но имеют отдельное существование: «Рыцари едут на турнир», цикл «Тристан и Изольда» говорит о преобладании персонифицирующей природы перед человеческими действиями: *Ты помнишь эту розу, / глядящую на нас? / мы прячем от неё глаза, / она не сводит глаз. / А тот, кто умер молодым, / и сам любил, и был любим, / он шёл – и всё, что перед ним, / прикосновением одним / он сделал золотом живым / счастливей, чем Мидас. / И он теперь повсюду, / и он – тот самый сон, / который смотрят холм и склон / небес сияющих...* Это стихотворение говорит о том, что вероятно между человеком и миром природы больше общего. Мы «подключены» к природе через наши сны друг о друге. Это чистое существо, умершее в юности, любившее, достигнувшее некое бессмертие и сохранившееся во снах природы. Его жизнь была примером. Здесь возвращается понятие «глубины» путем рифмования слов – сон и склон. Склон – возвращение к вертикальной оси – выступающей четко в миф поэтического творчества. Смерть мальчика одновременного принадлежит склону, идущему ввысь и склону, идущему вниз в тайные глубины. «Сон» – легче «поймать» как в продолжение притчи о блудном сыне: *Снится блудному сыну, / снится на смертном ложе, / как он уезжает из дома. / На нём весёлое платье, / на руке прадедовский перстень. / Лошадь ему брат выводит. / Хорошо бывает рано утром: / за спиной гудят ложки и струны, / впереди ещё лучше играют. / А собаки, слуги и служанки / у ворот собрались и смотрят, / желают счастливой дорогой.*

Тема блудного сына встречается наряду с другими библейскими образами в поэзии Седаковой, загруженная не только уроками, но и более личным жизненным субтекстом.¹²⁹ Как и в болезни, урок выучен перед лицом смерти. На сей раз на смертном

¹²⁹ См. об этом Рейн Карасты, *В чужом пиру*, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/9/karasti-pr.html>

одре лежит блудный сын, который видит сон о тишине и безмолвии неминуемой смерти. Ему снится, что его уход из жизни будет обратной стороной его возвращения домой. Этот последний уход будет его второй возможностью уйти, любить и быть любимым, как мальчик в *Рыцари едут на турнир*. Одежда и кольцо он получил от отца при возвращении из библейской притчи. Там сын вернулся ни с чем, но сейчас он уйдет с этими предметами, которые обозначают не богатство, а любовь его семьи. В Библии возвращение блудного сына – возрождение его человеческого существования (Лука 15: 24), у Седаковой он уходит во спасение.

В цикле 14 стихотворений *Сказка, в которой почти ничего не происходит*, Седакова прибегает к видению Иаковом Бога (Бытие, 28). Половина явь (первые семь стихотворения), половина сон (последние семь стихотворений), стихотворение пятое, плач: *Страшно дело песнопенья / для того, чей разум зорок, / зренье трезво, слово твёрдо / и над сердцем страх Господень. / Нужно петь, как слабоумный, / быстро, пёстро, бесприютно, / нужно бить, как погремушка, / отгоняющая змей...* Здесь говорится о трудностях ремесла поэта – двумя стихотворениями ниже – трудности проясняются во сне, одновременно для Иакова и для поэта происходит прозрение: *С фонарями сновидений / мы бредем по тьме крошечной, / шатким светом задевая / ближний куст и дальний дом – / не Лаванов ли? Но что же: / всё исчезло, превратилось, / овцы, солнце и девица, / шумит снотворный мак, / перетряхивая зерна, / рассыпая чудный сон.* Лампа помогает поэту найти свое вдохновение. Седакова играет с традицией Музы, здесь – в образе мака, представляющей в женского; перед введением образа мака, появляется слово «девица», приготавливающее ум, а также шелест, который говорит традиционно о появлении Музы (звуковая структура). Можно собрать слова *мак* (опиум, сон) и *маковка* и тем самым узнать о православной церкви, то что соединяет Музу с православной церковью. Мифопоэзисис происходит во сне, спящему обещан «чудный сон». Следует сон (от музыки, это опиум), в хате на горе (Фавор). Цикл заканчивается плачем о зыбкости поэтического вдохновения и примирением с судьбой и возвращением к служению и к уроку смирения: *Страшно дело песнопенья, / но оно мне тихо служит / или я ему служу: / (...) / Что не нами начиналось, / что закончится не нами...* В стихотворениях «*Стансы вторые: На смерть котёнка*» тихие мирные сны могут научить спящего о себе – : *Разве сон/ переживает душу, как озон/ свою грозу – и говорит о ней/ умней и тише, тише и умней.* Сны исполнены мудрости ибо они древнее души: *Живое живо в глубочайшем сне, / в забвении, в рассеянье, на дне / какого-то челна: не дух, не плоть, / но вся кудель чудес Твоих, Господь.* Здесь сны – этапы забвения. Входя в состояние забытья – единственный путь к достижению чистого намерения и исключение

каких-либо намерений. Трудно писать когда все ясно: *Страшно дело песнопенья/ для того, чей разум зорок,/ зренья трезво, слово твёрдо.* Во сне происходит освобождение – душа встречается с Богом и с самое себя.

Вывод о приходе в состояние экстазиса во сне, сознание «умирает», ибо «Смерть присутствует в самой интонации стихотворного языка».¹³⁰ В состоянии чудного воскресения поэт воссоединяется с Богом, Музой, для того чтобы выучить урок вдохновения. Музыка, приносящая вдохновение – инструмент, колыбельная. Такое стихотворение «*Дикий шиповник*», стихотворение симфонического происхождения объявляет о себе поэту своей формой. Здесь пример «вдохновенной стихописи», происходящей от ритмических звуков, реверберация в душе поэта: *Ты развернёшься в расширенном сердце страдания, дикий шиповник, о, / ранящий сад мироздания. / Дикий шиповник и белый, белее любого. / Тот, кто тебя назовёт, переспорит Иова. / Я же молчу, исчезая в уме от любимого взгляда, / глаз не спуская / и рук не снимая с ограда.* Автор – медиум, предающийся «диктату языка»¹³¹: *Дикий шиповник / идёт как садовник суровый, / не знающий страха, / с розой пунцовой, / со спрятанной раной участия под дикой рубахой.* Это стихотворение – погружение в обстоятельства его создания путем интонации плача, ударными «а», монотонностью, шипящими, свистящими, «фоническим самоотражением». Абзацы, короткие стихи – отсылают к фольклору. Здесь же происходит свойственный мифологии поэтического творчества Седаковой переход слухового в зрительное, осуществление музыки на канве. Раннее стихотворение без заглавия передает состояние ожидания и страх перед тем что вслушивание приведет к спасению-смерти: *Мой слух наготове. Ты знаешь. И даже / когда я не вижу, но музыка вяжет / висячую лестницу в воздухе сада, / и каждая ветка угодничать рада – / мой слух наготове. И руки окрепли / отталкивать эти свистящие петли.*

Классический арсенал (флейты) выступает как предмет – олицетворение поэтического вдохновения в стихотворениях *Пастух играет, Золотая труба. В ритме Заболоцкого, Флейте отвечает флейта.* Звук божественного ветра приносит вдохновение, дуновением: «... ты свещишь в свой свисток, вдохновенье».

Слуховое начало поэзии и состояние ребенка актуализируются у Седаковой в трех колыбельных: *Горная колыбельная, Колыбельная,, Другая колыбельная.* Их смежность сну заключается в том, что они приводят в одно место: *Усни, спи; место – на пороге – ореховое дерево*

¹³⁰ Немного о поэзии

¹³¹ Словами Бродского, писавшего о Мандельштаме в эссе *Сын цивилизации*, т. 5, ХХ1.

на вершине горы; не горе в пустынном месте; на краю поля ржи. Их поют детям, чтобы помочь переступить порог между явью и снами. Женщина дарит свечи, *Как ребёнку малому, который уходит в страшное место, / где слава Божья*. Колыбельно-фольклорному началу присоединяются другие песенные формы: *Предпесня, Отпевание монахини, Пения, Крестьянская песня, Походная песня, Давид поёт Саулу, Из песни, Данте*, а также само название цикла *Старые песни*. Влияние – балладах (как Шопен), *Кода, Элегия, переходящая в реквием*. Во всех наблюдается crescendo, постепенное нарастание «гула времени» Мандельштама, «нарастающий шум» Бродского.

В цикле *Китайское путешествие*, в стихотворении «Флейте отвечает флейта», представляющее звук как «материю стиха». Вдохновляющая музыка не идет от «рукотворной флейты, а из сотворенного природой инструмента. Поэт расширяет рамки традиционного образа: *не костяная, не деревянная, / а та, которую держат горы / в своих пещерах и щелях, / струнам отвечают такие же струны / и слову слово отвечает*. Момент вдохновения переживается как «афоническое самоотражение» – шум ветра в горах (в «пещерах», «щелях»), а звуковое и зрительное отвечают друг другу, первое снова переходит во второе: «друг мой вдохновенный».

Все рассмотренные особенности творчества Ольги Седаковой, ее приверженность к библейским темам, использование видения, иконы и изихии, то есть переходящих друг в друга зримого и слухового в поисках вдохновения, углубленность в процесс поэзиса оформлены «ученым эрудированным лепетом»¹³². В итоге они несут с собой урок «умного» смирения.

ЛИТЕРАТУРА

- Произведения Ольги Седаковой
<http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-02.html>;
Неофициальная поэзия.
<http://www.rvb.ru/nr/publication/02comm/20/07sedakova.htm>
The Silk of Time. Шелк времени. Bilingual Selected Poems. Ed. and introduced by Valentina Polukhina. Ryburn Publishing. Keele University Press, 1994
- СТИХИ.* [Послесловие С. С. Аверинцева] М.: Гнозис, Carte Blanche, 1994, «Редкая независимость», в Иосиф Бродский глазами современников, «Звезда», Петербург, 1997, ред. В.Полухина, стр. 218-232
- ДРУГАЯ ПОЭЗИЯ.
<http://magazines.russ.ru/nlo/1997/22/sedakova.html>
Андеграунд вчера и сегодня.
<http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/krit.html>
«В целомудренной бездне стиха», «Континент», № 120 за 2004 г.
О смысле поэтическом и смысле доктринальном. *Инаугурационная лекция по случаю присвоения звания*
<http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/sed25.html>
20 лет на свободе. <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/>
«Континент», № 134 за 2007 г. Данте: Мудрость Надежды.

ABSTRACT

'The Muse Requires a Devout Service': on the Mythology of Olga Sedakova's Poetical Work

This paper presents some aspects from the poetry of an established contemporary Russian poet, Olga Sedakova, who writes in the tradition of Russian modernism (the 'Silver-Age') and, more recently, of Joseph Brodsky. Sedakova's erudite 'thinking self' is devoted to poetical creation in which she sees, again like her modernist predecessors and like classics, an act of religious service. This paper traces some markers of Sedakova's poetry (the icon and the silence) as relevant to her *ars poetica*, together with the motifs of childhood, music, and dream. This paper shows how the attitude of self-absorbed silence and the inner quest for the divinity build up Sedakova's personal mythology of creation in her highly cultured and *met poetical* poetry.

РУССКАЯ „ЖЕНСКАЯ ПРОЗА” НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вирждил ШОПТЕРЯНУ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: «женская проза», «дамский роман», «новый социум»

Тем, кто знаком с русской литературой, имена, которые в первую очередь приходят на ум, когда речь заходит о „женском лице России”, это – Людмила Петрушевская, Людмила Улицкая, Татьяна Толстая и другие писательницы, известные не только в своей стране, но и за её пределами¹³³.

Появляются специалисты в области гендерных исследований, которые посвящают свои работы проблемам женского творчества¹³⁴.

И все же следует уточнить, что понятие „женская проза” на современном этапе относится не к произведениям этих опытных литераторов, стоящих на особом месте в литературном процессе. Правда, имя Людмилы Улицкой (см. её сборник рассказов *Люди нашего царства*, 2005) воспринималось некоторыми критиками вместе с дамскими романами в одном контексте масс-культуры, а Людмиле Петрушевской отводилась роль лидера женской прозы, что, однако, по мнению критики, является не более, чем „литературоведческой выдумкой”, нарочитой и несостоятельной¹³⁵.

И это потому, что в отличие от „женской прозы” произведения вышеупомянутых писательниц, если можно так сказать, – не феминистические, отличаясь тем же разнообразием проблематики, что и произведения авторов-мужчин.

¹³³ К. Парнель, *Феминистический дискурс в современной русской „женской прозе”*, в: *XIII Международный МАПРЯЛ. Русский язык и литература в современном диалоге культур*. Регенсбург, Германия, 22-26 августа 1994 г., с. 63.

¹³⁴ Так, например, исследовательница русской женской литературы Е. Трофимова имеет около 200 работ, посвященных творчеству женщин.

¹³⁵ И. Кириллов, *Власть аскетизма. О прозе Людмилы Петрушевской*, „Литературная газета”, № 22, 28 мая – 3 июня 2008, с. 7.

В то время как „женская проза” – это та, что не только написана писательницей, но в её центре – женщина со своей проблематикой, со своим миропониманием и местом в современном обществе.

И важно заметить, что русская литературная общественность заговорила о женской прозе как о „новом оригинальном художественном явлении”¹³⁶, отмечая, что „в последние годы и в прозе, и в поэзии женское начало становится ведущим”¹³⁷, что „наблюдается новый поворот в осмыслении самого феномена женского творчества”¹³⁸. Женщины-писательницы, отмечает русская критика, отличаются какой-то прямо-таки невероятной творческой активностью, вкладывая в свою творческую работу все свои невоплощенные в жизни душевные порывы.

Конечно, эта проза далеко не однозначна: рядом с хорошей литературой много книжного бизнеса, книг, написанных так называемыми „хоббитами”, т.е. теми, для кого написание книг – хобби. „Назвать себя человеком, который занимается творчеством, я бы не рискнул. Я не творец, не сочинитель, я занимаюсь написанием книг” (Д. Липскеров) – признается один из этих хоббитов¹³⁹, неважно идет ли речь о мужчине или женщине. Использование чужих персонажей, отсутствие оригинального сюжета, яркого слога, авторского стиля и тем более нравственной позиции – это черты, отличающие сочинения хоббита.

„Скорбный спектр проблем современных российских женщин” представлен в романах *Аня Каренина* (2005) 20-летней писательницы Лилии Ким и *Разница во времени* (2005) Анны Бабяшкиной.

Трагедия Анны Карениной повторяется фарсом и злой сатирой в первом произведении, где нет ни одного положительного персонажа и рассказано о крахе девичьей мечты о счастье: выйти замуж по любви, сделать карьеру с помощью мужчины-спонсора. Но это невозможно в системе свободного рынка, где – как пишет критик – „собраны все

¹³⁶ И. Кириллов, *цит. раб., там же*.

¹³⁷ А. Ермакова, У „женской” прозы смелое лицо, „Литературная газета”, № 16, 16-22 апреля 2008, с. 14.

¹³⁸ С. Димова, *Женский паролод*, „Литературная газета”, № 28, 12-18 июля 2006, с. 8.

¹³⁹ Б. Лукин, *Явление хоббита*, „Литературная газета”, № 15, 11-17 апреля 2007, с. 7.

фобии современной российской жизни: нищета, безработица (...), наркомания, проституция, гомосексуализм”¹⁴⁰.

Напротив, эмансипированная и независимая Наташа Ростова из второго романа, девизом в жизни которой является сила и жестокость („надо быть сильным, очень и очень сильным. И еще жестоким – к себе и другим” – говорит героиня), обретает и семейное счастье, и собственное рекламное агенство.

Но те, кто задают тон в текущей женской прозе, позволяя говорить о „новом романе” – о „романе женском” или „дамском” –, о „принципиально новой литературе”, это – „коммерческие идолаы”: Дарья Донцова, Александра Маринина, Оксана Робски, Полина Дашкова и др., известные не только в своей стране, но и переводимые в различных странах мира. Поскольку, как пишет критика, они владеют „современными реалиями”, что интересно западному читателю.

Это – литературная продукция, которая, реагируя на перемены в российской действительности, ориентирована на мечту о лучшей жизни, отражая – как и рекламные щиты и видеоклипы – трансформацию женского типа. Эпоха испытывает не только мужчину, но и женщину стиранием границ между добром и злом, торжеством человеческого примитива. Мессидж этих коммерческих успешных книг – развлекательный, обладающий необходимыми компонентами для приятного чтения и имеющий оптимистический финал. Развлекательное произведение не ставит вопросы о духовности или бездуховности, а те, что предписаны жанром: как и с кем героиня найдет свое счастье? Показательно, что „дамский роман” востребован определённым слоем общества, а именно – женским: женщины – основные потребители этой литературной продукции.

Становлению „нового русского”, заработавшего много денег, здесь соответствует архетипическая сказка о Золушке, нашедшей свое счастье. И неважно, что в жизни не так уж много богатых, авторитессы обещают своим читательницам: „Ты еще встретишь своего принца!”, благородного, умного, красивого, а главное – богатого.

„Франкенштейн от «принципиально новой литературы»”, как называет критика Оксану Робски, автора бестселлеров *Casual* (2005), *Про любовь* (2006), *Устрицы под дождем* (2007),

¹⁴⁰ Н. Горлова, Чёрно-белое зеркало. Мечты и страхи «маленьких людей», „Литературная газета”, № 54, 28-31 декабря 2005, с. 12.

ввела в литературу богатых с Рублёвского шоссе, зоны новых русских, показав, что и они „любить умеют”.

Царство апартаментов, автомобильных салонов, дорогие загородные виллы, офисы, рестораны и т.д. – и всё это приправлено „целым букетом” заболеваний молодого русского капитализма: наркоманией, садизмом, педофилией... Героиня Оксаны Робски находит свое счастье, несмотря на то, что ее первый „принц” оказывается мошенником.

Так и в „новом романе” Татьяны Огородниковой *Топ 10, или мужчина моей мечты* (2007), где судьба посылает героине, занимающейся бизнес-проектами, „мужчину ее мечты”, который, оказывается, однако, подонком¹⁴¹. Но это не мешает благополучному финалу.

А роман Полины Дашковой *Источник счастья* (2007), полный конспиратологии и оккультизма, посвящен охоте за эликсиром бессмертия, найденным еще в царской России¹⁴².

Вызывает тревогу рецензента книга Анастасии Снежиной *Женский роман* (2007), героиня которой – „ключевая фигура российской постиндустриальной и постмодернистской действительности”. „Ради заработка я готова на всё”, „мне не стыдно зарабатывать деньги любым путём, даже безнравственным”, – заявляет героиня. Она, пишет критик, „чудовищный симбиоз изощрённого ума и тупости, цинизма и трудолюбия, беспринципальности и своего рода таланта, женского инстинкта и аморальности”¹⁴³. И всё действие романа посвящено этому „чёрному тягучему негативу”, который выплеснулся наружу.

Конечно, „женская проза” явление многозначное: здесь также те произведения, что вписываются в так называемую „киндерпрозу”, родившуюся в зодиаке *Гарри Поттера* Дж. Раулинг, в которой предвосхищается эра детей – неких человековолшебников, для которых взрослый мир враждебен (см., напр., *Дела и ужасы Жени Осинкиной* М. Чудаковой); и фантастика, которая из приема превращается в цель, например, в романе Марины Вишневецкой *Небесный меч* (2006), посвященном восточно-славянскому волчьему

¹⁴¹ А. Шорохов, *Гламурки и гламурзики. О лидерах книжных продаж – с любовью*, „Литературная газета”, № 10, 14-20 марта 2007, с.7

¹⁴² А. Шорохов, *цит. раб., там же*.

¹⁴³ Б. Румянцев, *Симулякр Анастасии Снежиной*, „Литературная газета”, № 46, 21-27 ноября 2007, с. 6.

космогоническому мифу; и иронические детективы Александры Марининой и Дарьи Донцовой.

Но интересно то, что параллельно с „дамским романом” набирает силу и та женская проза, в которой формируется философия духовной выносливости нового стоицизма женщины. Героиня этой прозы, как отмечает русская критика, „еще не знает, ни как жить, ни зачем, но уже умеет преодолевать экзистенциальное отчаяние”¹⁴⁴. Женщина находится здесь в поисках выхода из тупика, наподобие героини Анны Русских из рассказа *Женщина в поисках выхода из тупика* (2008), которая думает: „Жизнь – это школа решения проблем ... главное – становиться мудрее, набираться опыта, расти духовно, делать выводы”.

Любопытный и плодотворный материал лежит в основе книги Кати Метелицы *Дневник Луизы Ложкиной* (2005), написанной в форме дневника обаятельной, но некрасивой и несчастной женщины по профессии квартирный маклер. Героиня бьется в сетях российского капитализма, зарабатывая на жизнь, как говорится, в поте лица своего. И главное, что эта книга оставляет ощущение искренности и подлинности.

А пафос книги Ольги Шатохиной *Камень, ножницы, бумага* (2008), написанной в виде пародии, – протест против подмены подлинного в жизни и искусстве фальшивкой и сурогатом, против примитивного героя, возвращенного массовой культурой. И несмотря на то, что героиня, по профессии журналистка, стоит перед множеством личных и профессиональных проблем, текст, с его насмешкой над незадачливыми героями, звучит оптимистически.

Вместо „гламура чисто дамских чувств и переживаний”, эпикурейского стремления к удовольствиям, Майя Кучерская в своем романе *Бог дождя* (2008) рассказывает о непосильном бремени запретной любви, о чувстве глубоком и прекрасном, перед которым бессильны все доводы разума. На поставленный себе самой вопрос: зачем жить и как жить, героиня отвечает: „Да низачем, просто, чтобы любить единственного в мире человека!”.

В широком потоке текущей женской литературы можно выделить книгу рассказов Натальи Моловцевой *Меня оклихни* (2008), рассказывающую в реалистической манере о силе духа

¹⁴⁴ А. Ермакова, *цит. раб., там же*.

самых обыкновенных людей: „Мне кажется, что я должна нести людям утешение. Подавать им слабый такой лучик надежды”, – говорит героиня одного из рассказов.

Подкупает своей искренностью и честностью персонаж романа Ирины Градовой *Пять причин улыбнуться* (2008), написанного легко и по-доброму.

Интересно, что в подобном контексте критика снова возвращается к Людмиле Петрушевской, признавая ее значение для той части „женской” прозы, которая говорит о „новом социуме” женщины. Рассказы – истории Л. Петрушевской (*Дом девушек*, 1998; *Колыбельная птичьей родины*, 2008), написанные в уникальной художественной манере, рассказывают о необъяснимой несправедливости мироустройства, о любви и одиночестве, о трагичности бытия, когда невозможно закрепить „однажды полученное счастье”, ибо „от судьбы защиты нет”. Ее рассказы не рассчитаны на то, чтобы вызвать жалость читателя к персонажам, что вызвало упрек в отказе от традиционного гуманизма русской литературы и даже в личной жестокости.

Своим аскетизмом, постановкой экзистенциальной проблематики творчество Л. Петрушевской, не имея ничего общего с „дамским романом”, органически вписывается в то направление русской женской прозы, у которой (по определению критики) – „смелое лицо”.

ABSTRACT

Russian “Feminine Prose” Today

The author of the present study has decided to start a survey on one of the contemporary orientations of Russian literature, considered by many “a new artistic and original phenomenon”, which appeared recently on the literary stage. Among the first writers of the “feminine novel” there are the so-called “commercial idols”, known not only in their country, but also abroad: D. Dontsova, A. Marinina, O. Robski etc.

This represents a literary production which, considering the transformations in the feminine psyche under the new post-soviet conditions, offers the reader an archetypal sui-generis fairytale of Cinderella, who has finally found her happiness.

At the same time, parallel to the “feminine novel” genre a new type of “feminine prose” emerges, a prose in which a new philosophy, regarding woman’s spiritual strength, crystallizes. L. Petrushevskaya’s work belongs to this literary genre, which depicts the woman’s “daring spirit”.

ИНТЕРЕС РУМЫНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ И УЧЁНЫХ К ЛИПОВАНАМ

Александра ФЕНОГЕН
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: старообрядчество, липоване, Йорга, Садовяну, Цюю, Данилов, Стойческу

В сегодняшнем мире постоянно растёт интерес к традиционным формам культуры, большинство которых тесно связаны с религиозными сторонами сознания человека. Это положение, наверное, объясняет и повышенный интерес к староверам, ибо они сохранили на протяжении нескольких столетий основы традиционной духовной и материальной культуры средневековой России. Кто такие староверы? Что представляет собой явление старообрядчества?

С формальной точки зрения, термин старообрядчество определяет все религиозные автономные движения русских православных верующих, отказавшихся принять в XVII веке религиозную реформу патриарха Никона, в попытке сохранить старые литургические традиции и правила, такими, какими их перенела Россия от Византии одновременно с христианством.

Первыми, ответившими на вопрос, кто такие староверы, были представители официальной Русской церкви. Для них староверы были просто «раскольниками», фанатиками и суеверами, религиозными невеждами.

Точку зрения русского либерального интеллектуала по этому поводу ёмко выразил русский историк XIX века А. Шапов, который считал, что: «старообрядчество – окаменевший осколок *Древней Руси*». Правда, со временем, Шапов пересмотрел свою «палеонтологическую» точку зрения и стал инициатором нового, народнического подхода к явлению старообрядчества, которое рассматривалось теперь как «могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского»¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Apud. Liudmila Voronțova, Serghei Filatov, *Церковь достоинства, Старообрядческая альтернатива: прошлое и современность*, http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Article/Voron_Staroobr.php

Старообрядцы – это приверженцы старой веры, точнее, старого обряда, и их называли, а иногда называют и сегодня, и даже в официальных документах и в литературе «раскольниками», несмотря на то, что, на самом деле, не они были зачинщиками раскола в Русской церкви. Вообще, в истории России старообрядцы представляют собой редко понятую социо-религиозную категорию, наверное, и в силу разнородности движений, входящих в понятие старообрядчества.

В том, что касается трактовки термина старообрядчество в словарях и энциклопедиях, возьмем, к примеру, *Энциклопедию Брокгауза и Эфрона*:

«Старообрядчество есть последование церковной старине в той области, которая касается не существа веры, а внешней церковной жизни, т.е. всего того, что относится до церковного чина и благоуукрашения, а равно и до церковных обычаев [...] существенным признаком его служит противление, нарушение церковного мира и единение из-за вопросов, не входящих в область веры». (Энциклопедия Мультимедия, издательство Адепт, 2002).

Старообрядчество – совокупность религиозных групп и церквей в России, не принявших церковных реформ 17 в. и ставших оппозиционными или враждебными официальной православной церкви (Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2001)

Старообрядчество – общее название религиозных течений, возникших в России с конца 17в., вследствие религиозного раскола и стремящихся к сохранению старых церковных правил. (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

В Румынии термин старообрядец не вошёл в широкий обиход и для русских сторонников старого обряда здесь употребляется слово липованин (lipovean). Слово липованин – липованы вошло и в русские словари и энциклопедии, возьмём, к примеру, лишь ту же Энциклопедию Брокгауза и Эфрона:

«Липованы (иначе Филипоны или Пилипоны, т. е. филиповцы, по-румынски Lipoveni, нем. Lipowaner oder Philipponen) — название русских раскольников или старообрядцев, живущих отчасти вне пределов России (в Буковине, Румынии, вост. Пруссии), отчасти в Прибалтийском крае и Царстве Польском. Они отличаются трудолюбием, стремлением к порядку и честностью, но вместе с тем фанатичны и суеверны; на основании некоторых неправильно понимаемых мест Священного Писания относятся с большим презрением к земной жизни и часто решаются на самоубийство. Впрочем, внутренний их быт еще мало исследован. От окружающего их населения они стараются держаться в стороне; с особенной нетерпимостью относятся Л. в Румынии к другим русским сектантам, напр. к скопцам, которых даже не пускают в свои церкви и молельни, допуская туда, однако, русских (по крайней мере,

православных) из России. Где бы ни жили Липованы, повсюду они остаются русскими людьми. Драгоценные сведения о Л. в Румынии дает румынский митрополит Мельхиседек в своей книге: "Lipovenismulu adică schismaticii său rascolnicii și ereticii rusesci" (Бухарест, 1871); но эта книга сделалась даже в Румынии почти библиографической редкостью, так как значительная часть издания раскуплена и уничтожена самими Липованами».

В Толковом словаре румынского языка DEX, о липованах говорится, что это «люди, которые имеют русские корни, живут в Дельте Дуная и занимаются, главным образом, рыболовством». Конечно, это определение весьма неточное и неясное, если учитывать лишь простой факт, что липоване не живут только в Дельте Дуная (там их как раз осталось совсем немного), не занимаются «главным образом» рыболовством, особенно те, кто живут далеко от Дельты, а русские корни не являются их единственным маркером идентичности. Старообрядческая вера занимает не менее, а может быть даже более важное место.

Но из этих определений можно заметить двусмысленное отношение научных кругов (которые, в конце концов, лишь отражают отношение общества), к такому комплексному и спорному историческому явлению, как старообрядчество.

В наши дни отношение к сторонникам дониконовских традиций изменилось, по сравнению, скажем, с 17, 18, 19 или даже первой половины 20 века. Весьма интересно то, что явление старообрядчества привлекает внимание современного человека именно в силу своей стабильности и последовательности, за которые сторонникам старой веры пришлось пострадать долгое время, и которых лишено нынешнее общество.

Староверами из Румынии – липованами - интересуются как в России, так и в Румынии, и, хотя это относительно новое течение, связанное с возникновением липованской интеллигенции, сами члены общины начали изучать свою культуру.

Естественно, на протяжении истории, в Румынии учёные затрагивали вопрос о расколе Русской церкви в значительно меньшей степени, чем в России. Самая известная работа на эту тему (и одна из немногих, на которую ссылается даже энциклопедия Брокгауза и Эфрона), сегодня уже далеко не актуальная, это *Lipovenismulu, adică schismaticii seu rascolnicii și ereticii rusești. Dupre autori ruși și izvora națională române*, - Липовенизм или русские раскольники и еретики. По русским авторам и румынским национальным источникам, вышедшая в свет в 1871 году, в Бухаресте. Автор работы, епископ Мельхиседек (Штефэнеску) – кто же мог ещё писать тогда о вопросах, связанных с религией, как ни священнослужитель – описывает явление так, как оно было представлено официальной церковью в тогдашней России.

К сожалению, большинство румынских авторов, которые писали впоследствии о староверах-липованах, использовали информацию из этой брошюры, не анализируя и не проверяя, и даже не сравнивая её с другими источниками. Таким образом, в Румынии стала общепринятой официальная точка зрения Русской церкви, согласно которой, через церковную реформу, Никон и Алексей Михайлович желали исправить ошибки и отклонения от обряда, возникшие во время перевода и переписывания церковных книг (что не полностью соответствует действительности). Эта идея утверждается такими авторами, как А. Арборе, В. Кокош, П.И. Давид, И.М. Попеску, Д. Деметриу, М. Маринеску и другими.

О липованах говорит и Б.П. Хашдеу в своей работе *История религиозной терпимости в Румынии*, подчёркивая факт, что на территории Румынии старообрядцы были всегда хорошо приняты и им было позволено исповедовать свою веру свободно, без каких-либо ограничений.

Недостаточная документация, или просто подход к теме старообрядчества «понаслышке» нередко порождали разного рода небылицы, доходя порой до абсурда. В работе, вышедшей несколько лет назад под названием *Из истории и традиций липован*, авторы, некие Космин Лукачу и Аурелиян Теодореску, придумали «раскольничью доктрину», которая возникла в регионе Пскова за 250 лет до самого раскола!

А в статье *Шагая по Бухаресту былых времён*, вышедшей на страницах газеты *Ромыния Либерэ* 19 мая 2006 года, автор Петру В. Игнат, говорит: «Липоване были русскими крестьянами, которые не подчинились строгому приказу Николая Первого (!) брить бороды. Боясь лишиться бороды, – которую на Руси носили с гордостью, – путём страшных мучений (бунтарям вырывали бороды по волоску), крестьяне предпочли покинуть родину, и нашли в Дельте Дуная просторное место и, прежде всего, терпимость».

О липованах в Румынии написано и несколько работ очеркового характера. Среди них следует обратить внимание на очерк известного румынского историка Николае Йорга *У Липован, проживающих на краю Брэилы*, в котором учёный набрасывает портрет старообрядцев, проживающих в селе Писк, или Хутор, как сами липоване называют его по сей день, когда оно стало кварталом города Брэила.

«В двух шагах от Брэилы, [...], село Писк вводит тебя в мир, глубоко отличающийся от всего того, что является обычным в нашей крестьянской жизни, от всего, что я до сих пор видел в наших сёлах.

На широких улицах встречаются группы необыкновенных крестьян, с распушенными поверх сапог штанами, с длинными, под шапками, волосами, с чёрными, рыжими и белыми бородами, не

знавшими гребешка; лишь изредка подстриженная голова и бритая борода. Женщины, в широких платьях, с косами, собранными под чёрными платками, – белые, толстые и моложавые. Часто встречаешь лица, похожие на азиатов или вогулов, маленькие косые глаза, высокие скулы. Они тихо говорят по-русски, и лузгают тыквенные семечки. Это наши Липоване, староверцы, православные «старой веры». Некоторые из них поповцы, с попами, и их большая церковь с двумя башнями, одна из которых ступенчатая, как пагода, возвышается над улицами, покрытыми снегом и льдом. Тех, у которых нет попов, беспоповцев, называют ещё «барабульниками».¹⁴⁶

Кроме внешнего облика, представленного Йоргой в немногих, но метких словах, через которые удалось уловить и передать образ липован из Хутора, румынский историк указывает также несколько характерных для старообрядцев черт. Он говорит о трудолюбии жителей Писка, замечает чистоту их домов, и особенно подчёркивает то, что вера занимает главное место в жизни липован. «Сентиментальная сакральная мания», как называет румынский историк их веру, выражается в обилии икон и в присутствии домашней моленной крестьянина, полностью оборудованной для проведения церковной службы. При этом, у Йорги вызывает удивление огромная любовь липован к церковным книгам. «Читать – это норма их жизни, и здесь любят книгу больше, чем где-либо».

Наблюдатель извне, мало знакомый с комплексным явлением старообрядчества, Николая Йорга написал, тем не менее, несколько страниц о липованах, в которых ему удалось передать правдивую, светлую и чёткую картину, без преувеличения или приукрашивания, без поиска сенсационного (соблазн, которому немногие литераторы могут устоять) в описании жителей Хутора.

В отличие от историка Йорги, писатель Михаил Садовяну, в сборнике очерков *Добруджские картины*, представляет липован совсем по-иному, у него они получают настоящими изуверами. Скрытные, злые и дикие, со странными, тёмными обычаями, липоване, о которых пишет Садовяну, вызывают отвращение и страх. Так, например, хотя общеизвестна чистота, которую всегда соблюдали старообрядцы в своих домах, Михаил Садовяну не признаёт за ними даже это достоинство.

В определённый момент автор говорит, среди прочего, что «липоване остались для меня тайной всё моё детство»¹⁴⁷. Словом, речь идёт, скорее всего, о неправильном восприятии Другого, Чужого, о боязни перед незнакомым, неизвестным, которая порождает чувства неприязни к другим национальностям и ложные мифы о тех,

¹⁴⁶ Nicolae Iorga – *La Lipovenii din marginea Brăilei // România mamă a unității naționale. Cum era până la 1918. I. România Munteană*, Așezământul tipografic “Datina Românească”, Vălenii de Munte, 1939, с. 417-420.

¹⁴⁷ Sadoveanu M., *Priveliști dobrogene // Opere*, vol.VI, București, 1956, с. 36.

которых мы не в состоянии понять. Потому что Другой - это и человек рядом с тобой, чужой или гость, которого все монотеистские религии велят принимать, но он может также восприниматься как опасность, как соперник или как враг - *alienus*.

Садовяну говорит, что жизнь липован «*как стеной закрыта от посторонних взглядов*». Но речь идёт лишь об их личной жизни, о быте, потому что в социальной жизни они были всегда на виду, в своих лавках, на улицах, в городах и сёлах. А личная жизнь оставалась замкнутой, потому что их дом был Храмом, который следовало беречь от осквернения, от посторонних взглядов, от влияния светской жизни.

Долго после раскола у староверов было достаточно причин скрываться, изолироваться от внешнего мира, почти всегда враждебного, чтобы выжить, чтобы сохранить свою духовность, то сакральное пространство на маленьком, личном уровне, которое они всегда стремились создать в своих домах, и, главным образом, в своих душах. А такое отношение, такой образ жизни не всегда понятен другим, и поэтому он воспринимается (иногда даже сегодня), как странный, чужой, враждебный.

Липоване выступают персонажами и в нескольких произведениях румынской художественной литературы. Румынские писатели, пишущие о старообрядцах-липованах, чаще всего прибегают к фантастическим представлениям, используя непонятный, с экзотическими валентностями субстрат религии, тоже православной, однако отличающейся, и поэтому странной (К. Цою – *Галерея с диким виноградом*); создают искривлённые мифы и антимифы, или, точнее, фрагментируют и толкуют их апокалиптическим образом, в том же старообрядческом духе (Н. Данилов – писатель из среды липован – *Маша и инопланетянин*), или просто пытаются проникнуть в сущность старообрядческого существования через призму личного опыта (Пассионария Стойческу – *Полуночная невеста*).

Но, если в своих произведениях румынские литераторы редко ссылались на липован и на явление старообрядчества, совсем по-другому обстоят дела с учёными русистами. Начиная со второй половины XX века, на кафедрах филологии в Бухаресте и Клуже, где ведётся активная деятельность в области русистики в целом, возникает повышенный и постоянный интерес к изучению старообрядчества в Румынии, главным образом с точки зрения лингвистики, фольклора и этнографии. Результаты исследовательской работы, касающейся специфики липован, конкретизировались в статьях, опубликованных в научных журналах, в докладах на конференциях и симпозиумах, в докторских диссертациях.

По словам Виктора Васченко была создана «отдельная область румынской славистики: *Rossica Lipovana* [...], изучение липованского говора с точки зрения лингвистики и фольклора».¹⁴⁸

Можно сказать, что в 60-80 годы прошлого столетия, благодаря усилиям филологов русистов из Бухареста и Клужа, были положены основы диалектологии староверов Румынии, и был изучен, главным образом, говор липован, проживающих в компактных населённых пунктах в Добрудже. Исследования затрагивали чаще всего вопросы общей лексикологии (Мария Думитреску, Эуджен Новичков, Теодор Олтяну), терминологии, связанной с деятельностью липован, с их бытом (Иван Евсеев, Мария Думитреску, Отилия Кроитору), а также синонимии (Феодор Кирилэ), морфологии (Андрей Иванов, Магдалена Наги), фонетики и фонологии (Вирджил Нестореску, Георге Болокан, Эмиал Врабие, Прикоп Кирилов), диалектологии (Андрей Иванов, Феодор Кирилэ, Теодор Олтяну, Виктор Васченко), топонимии (Теодор Олтяну), антропонимии (Виктор Васченко), фольклора (Михаил Маринеску, Алла Винцелер, Онуфрие Винцелер).

Другими словами, в начале второй половины прошлого века существовало своего рода течение, настоящая мода среди исследователей русистов, изучать румынских староверов-липован. Явление вполне закономерное, и большое количество научных работ, написанных о липованах в то время, доказывает это, потому что изоляции старообрядческих общин в Румынии (главный фактор, способствующий консервации лингвистической, фольклорной и этнографической специфики) пришёл конец. Естественно, научный мир стал почти внезапно интересоваться их культурным достоянием.

Последовал период относительного затишья в изучении липован, а в последние годы этот интерес, кажется, возобновился. Виктор Васченко, до последних дней своей жизни регулярно приезжал из Германии в Бухарест и выступал с научными докладами о липованах, в рамках кружка славистов в Бухарестском университете. Он также опубликовал две работы на эту тему: *Lipovenii. Studii lingvistice* (Липоване. Лингвистические исследования) и *Old Believers. Ruşii staroveri din America* (Русские старообрядцы в Америке).

В 2001 году в Клуже вышло в свет очень интересное исследование по географии человека – *Русские-липоване в Румынии (Ruşii lipoveni din România)*, автором которого является Филипп Ипатьёв.

Ясский университетский центр также ведёт оживлённую деятельность в том, что касается изучения старообрядчества в Румынии, благодаря усилиям Леонте Иванова и Ильи Данилова.

¹⁴⁸ V. Vascenco, *Lipovenii. Studii lingvistice*, Ed. Academiei Române, Bucureşti, 2003, с. 10.

Аксиния Красовски, доцент кафедры русского языка и литературы Бухарестского университета, опубликовала ряд исследований, посвящённых староверам за пределами России, и близко изучила область пока «девственную» в Румынии: духовные стихи липован.

Хотя в меньшей степени, исследователями была затронута также тема художественной литературы о старообрядцах, как в Румынии, так и в России. Следует упомянуть статьи Екатерины Фодор *Староверы и русская литература (П.И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков)* и Г. Барбэ – посвящённые роману *Возвращение* Виталия Чернова, и переписке И.С. Аксакова о липованах, а также статью Ивана Евсеева об эссе К.Н. Леонтьева о липованах города Тульча. В последний год была также написана диссертация на тему «Культурные модели у русских-старообрядцев и их отражение в литературе» (А. Феноген).

14 января 1990 года была создана Община Русских Липован Румынии (ОРЛР), этническая, неправительственная организация, с целью «защиты права на сохранение, развитие, а также на выражение этнической, культурной, лингвистической и религиозной идентичности»¹⁴⁹ липован.

В новое для Румынии и для старообрядцев, проживающих здесь, время, о старообрядчестве начали писать и представители интеллигенции, вышедшие из среды русских-липован. И. Евсеев, С. Феноген, Ф. Ипатьёв, А. Иванов, Ф. Кирилэ, Л. Иванов, С. Молдован, А. Красовски, А. Варона и др., старались и стараются описывать историю и быт липован в Румынии как можно ближе к действительности, представить исторические, социальные и религиозные данные и события в объективном, правдивом свете.

Особую роль в многостороннем изучении старообрядчества, в его познании и понимании, играют в последние годы съезды и научные симпозиумы, организованные староверами в России, Украине, Республике Молдова и Румынии. Присутствие на этих мероприятиях значительного числа исследователей, университетских преподавателей, этнографов, историков и т.д., доказывает интерес научного мира к потомкам Аввакума и их быту.

Культура старообрядцев в целом, а липован в частности, продолжает оставаться интересной темой, связанной с непосредственной действительностью, которая, однако, мало изучена, и открывает широкие возможности для научного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

¹⁴⁹ *Comunitatea ruşilor lipoveni*, ghid de prezentare întocmit de Svetlana Moldovan, Bucureşti, Ararat, 2004, с.26.

- Comunitatea rușilor lipoveni*, ghid de prezentare întocmit de Svetlana Moldovan, București, Ararat, 2004.
- Danilov Nichita, *Mașa și Extraterestrul*, Polirom, Iași, 2005.
- Ferreol Gilles, Guy Jucquois (coord), *Dicționarul alterității și al relațiilor interculturale*, „Polirom”, 2005.
- Iorga Nicolae – *La Lipovenii din marginea Brăilei// România mamă a unității naționale. Cum era până la 1918. I. România Munteană*, Așezământul tipografic “Datina Românească”, Vălenii de Munte, 1939.
- Sadoveanu M., *Privești dobrogene // Opere*, vol.VI, București, 1956.
- Stoicescu Passionaria, *Lecția de logică*, București, “Cartea Românească”, 1988.
- Țoiu Constantin, *Galeria cu vișă sălbatică*, București-Chișinău, 2002.
- Vascenco Victor, *Lipovenii. Studii lingvistice*, Ed. Academiei Române, București, 2003.
- Voronțova Liudmila, Serghei Filatov, *Церковь достоинства, Старообрядческая альтернатива: прошлое и современность*, http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Article/Voron_Starobr.php

ABSTRACT

The Approach of Romanian Linguists and Anthropologists to Lipovans

It seems that today the world becomes more and more interested in traditional forms of culture, most of which are closely related to the religious sides of human consciousness. This probably explains the increased interest in the Russian Old Believers, as they managed to maintain for several centuries the fundamentals of traditional spiritual and material culture of medieval Russia.

Russian Old Believers living in Romania – the so-called Lipovans – appear to be an attractive theme for research in Russia, Romania and elsewhere. Lately, with the emergence of Lipovan intellectuals, the members of the Old Believers community in Romania began to explore their own culture.

In Romania most of the research work on Lipovans was done by the university teachers from Bucharest, Cluj and Iasi. Lipovans are also present as characters in several works of Romanian literature, like *The Gallery of Wild Grapes* (Constantin Țoiu), *Masha and the Alien* (Nichita Danilov – a writer from the Lipovan community), *Midnight Bride* (Passionaria Stoicescu) and in some essays of well-known Romanian writers and historians (Mihail Sadoveanu, Nicolae Iorga).

РУССКИЕ-ЛИПОВАНЕ ДОБРУДЖИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Александр ВАРОНА
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: *русские-липоване, старообрядцы, Леонтьев, дипломатическая деятельность*

Важное место в дипломатической деятельности русского писателя и мыслителя К.Н. Леонтьева занимает его пребывание в Османской империи, где он выполнял несколько дипломатических должностей в 60-70-ые годы XIX века, в том числе и должность вице-консула в Тульче. Как писал проф. Иван Евсеев в публикации «Зори» (№ 1/1995 г.), «*время пребывания в Тульче Леонтьев считал самым приятным и самым важным в своей биографии*». Русскому писателю и философу понравилось в Тульче, о чём он писал другу: «*Я желаю одно, свить на век моё гнездо в Тульче... Здесь есть и движение и покой, и восток и запад, и север и юг*».

Положение старообрядцев Добруджи занимает особое место не только в дипломатической переписке Леонтьева. В сборнике рассказов *Из жизни христиан в Турции* (1876), он уделяет много внимания русским старообрядцам липованам, а его наблюдения и впечатления о их жизни, вере и традициях являются и по сей день ценнейшим источником по истории этого своеобразного осколка *Древней Святой Руси*.

Такую же ценнейшую информацию о липованах Добруджи второй половины XIX-го века содержат и многие документы, составляющие дипломатический архив писателя,¹¹⁷ которые, к нашему огромному счастью, не только сохранились до сих пор, но и были опубликованы в сборнике Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865-1862), вышедшем в свет в 2003 г. в Москве, заботами МИД-а Р.Ф. и МГИМО.

О том, что старообрядцы вызывали у Леонтьева особый интерес, гласит тот факт, что сразу по прибытию его в Тульчу, «*он счёл долгом ознакомиться с некоторыми из проживающих в Тульче раскольников*», в том числе, и с **Осипом Гончаром**, бывшим некрасовским атаманом, с которым «*имел совещание о переселении старообрядцев*» в Россию¹⁵⁰. Кстати, нужно сказать, что вопрос о переселении был поднят в 1867 г., почти сразу после расформирования некрасовских частей и упразднения турецким правительством их казачьей организации в 1864 г. Интересно, что в переписке с Российском

¹⁵⁰ Константин Николаевич Леонтьев, *Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865-1872)*, Москва, РОССПЭН, 2003 г., док. №196, 207, с. 143.

посольством в Стамбуле, Леонтьев отмечает, «что нам нет особенной выгоды переселять в наши пределы раскольников из Турции, что достаточно было бы поддерживать с ними хорошие сношения, что наплыв населения в 6 или 7 тысяч человек не был бы для нас особенно ощутителен, присутствие же в пределах Турции старообрядцев представляет важную опору для нашего влияния в этом крае».¹⁵¹

Выходит, что российская дипломатия рассчитывала на старообрядцев в проведении своих целей по отношению к Османской империи в районе устья Дуная. А также, что по крайней мере 6-7 тысяч наших предков проживали в те времена в Северной Добрудже. 28 августа 1867 г. Леонтьев отмечает, «что старообрядческий Епископ Аркадий посетил меня вчера вместе с Гончаровым. Они тоже беспокоятся о вооружениях, но более о том, чтобы не пришлось служить опять против христиан. Впрочем, Гончаров надеется, что дело ограничится увеличением «беделя»¹⁵² и что турки только показывают вид, будто доверяют немусульманским своим подданным». Следует подчеркнуть, что описанное выше Леонтьевым происходит во времена особого напряжения в Турции, когда растёт сила национально-освободительных движений христианских народов: болгар, греков, сербов, армян и т.д. А также, когда Россия начинает улучшение своего международного положения, заметно снизившегося после поражения в Крымской войне.

Вопрос о переселении старообрядцев Добруджи в Россию неоднократно поднимается их представителями во время пребывания Константина Леонтьева на посту вице-консула в Тульче, как следует из его тайной переписки с посольством Российской империи в Стамбуле за 1867 г. Значит, липоване почувствовали резкое изменение общественно-политического климата по отношению к христианским обществам в Турции, и в частности, в Добрудже. Это совсем не должно нас удивлять, так как именно в эти годы активизируется деятельность национальной элиты славянских народов Балканского полуострова, а также и деятельность агентов польской эмиграции в Турции. Так что опасения Гончарова и желание переселить в Россию своих единоверцев вполне оправданы. Тем не менее, политика России в этих краях тоже заслуживает внимания, так как она была направлена именно на защиту прав и интересов христианского населения Добруджи, которое российское правительство считало своей опорой в этом районе и, конечно, в Османской империи в целом.

¹⁵¹ Указ. соч., с. 144.

¹⁵² бедедь = налог, который были обязаны платить христиане в Османской империи за султанскую защиту и за освобождение от воинской повинности

О конкретной защите турецких христиан Россией, в том числе и старообрядцев, говорит ряд документов, опубликованных в вышеупомянутом сборнике, из которых видно, что многие христиане обращались в те времена за помощью к Российским дипломатам, а в Тульче именно к Леонтьеву.¹⁵³

И российские дипломаты не оставляли людей в нужде, а всячески старались разными средствами помогать, например, тем, кто пострадал от грабежей черкесов, переселённых в Добруджу в 50-60-ые годы XIX века.

Интересны рассуждения Леонтьева о различиях между украинским и русским старообрядческим населением Добруджи. Так, русский дипломат отмечает, что *«действительно, между здешними православными малороссами и великорусскими раскольниками большая разница. Последние имеют даровитых, опытных и грамотных вождей, которые могли бы, если бы захотели, сноситься с единоверцами своими в России. Малороссы здешние – совершенно «отрезанный ломоть» и с малороссами в пределах наших едва ли могут входить в политические сношения»*.¹⁵⁴

Конечно, дипломатическая переписка Константина Леонтьева времени его пребывания в Тульче содержит очень богатую и интереснейшую информацию о Добрудже, о её положении экономическом и социальном, о характере и действиях турецких властей в этой области, и не ограничивается только сведениями о старообрядческом и остальном славянском населении края. Практически, она показывает великого русского философа и писателя как незаурядного дипломата и государственного деятеля, что до сих пор было для нас менее известно. А также, его дипломатическая деятельность в Тульче тем более ценна для старообрядцев, что выявляет его заботу о своих соотечественниках, предки которых когда-то покинули Родину не ради добычи куса хлеба или в поисках лучшего экономического положения, а ради сохранения исконно русской и православной веры.

¹⁵³ К российскому вице-консулу обращались как *старообрядцы* и *украинцы* (тогда их всё же называли *малороссами*, а они себя считали просто *русскими*), так и болгары, греки, румыны и даже турки и татары, что видно из многих донесений Леонтьева, включённых в указанный сборник документов.

¹⁵⁴ Указ. соч., док. К№ 215 (1868), с. 232.

ABSTRACT

The Russian Lipovans from Dobrogea as Seen in Konstantin Leontiev's Diplomatic Correspondence

Konstantin Leontiev, a great Russian thinker, who occupied the position of vice-consul of the Russian Empire in Tulcea (August 1867 – September 1868), was particularly concerned about Old Believers' situation in the Ottoman Dobrogea, perhaps due to the friendship which united him, a high representative of the tsar's Alexander the II government and the Ataman Osip Semionovici Goncear, a remarkable personality of Russian Old Believers in the XIX century, a personality less known today and unfairly forgotten after more than a century. In his diplomatic correspondence, which has recently been published in an extremely valuable volume for those interested in Russian history and culture, Leontiev offers us plenty of new and very precious information about the inhabitants of Dobrogea from the XIX century.

The Russian Lipovans were constantly under Leontiev's scrutiny, for whom they represented "a piece of authentic Russia in an alien and often hostile environment".

Of great interest prove to be Leontiev's considerations regarding the actions of different ethnic group representatives, mainly Bulgarians and Greeks, on the highly tense political context present in the Ottoman Empire in the 60-70's of the XIX century. At the same time, a great interest seems to rise Leontiev's considerations about Russian Lipovans' attitude towards the authorities and other populations, and also towards their historical motherland, Russia.

ЛИНГВИСТИКА • ДИДАКТИКА

ИЗ ИСТОРИИ РУМЫНСКОЙ РУСИСТИКИ

Георге БАРБЭ
Зигфрид ВОЛЬФ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: *славистика, русистика, словарь, глосарь, учебник, грамматика*

В период раннего феодализма (X-XIII вв.) в Румынских княжествах на протяжении почти восьми веков, книжнославянский язык использовался в качестве языка культуры выполняя аналогичную с латынью в Европе функцию.

Интенсивно переписывались старославянские рукописи из Болгарии или Сербии, о чем свидетельствуют почти 2000 славянских памятников письменности, распространенных на территории румынских феодальных княжеств. В XV в. получает развитие оригинальная литература, на книжнославянском языке, созданная румынами.

В период правления Матая Басараба открываются школы с преподаванием на книжнославянском языке в Тырговиште и в Шкее Брашова.

Значительным событием в развитии румынской культуры в этот период является распространение *Грамматики* Мелетия Смотрицкого. Уже в 1650 г. московский монах Арсений Суханов, остановившийся по дороге на Афон в Тырговиште, видел ее в библиотеке известного румынского просветителя Удришге Нэстурела. К концу XVII в. труд Смотрицкого станет образцом для создания других грамматик на книжнославянском языке. Так, в 1697 г. в Снагове, в период правления Константина Брынковяну, митрополит Валахии Антим Ивирянул опубликовал славянскую грамматику, повторяющую грамматику Мелетия Смотрицкого 1648 г. Выпуская эту *Грамматику*, издатель и автор *Предисловия*, несомненно, имел в виду ее дидактическую направленность – в качестве учебника по старославянскому языку для священнослужителей и учеников школ с преподаванием на этом языке. Правда, в научной литературе по этому вопросу излагаются и другие точки зрения.

В 1705 г. Антим Ивирянул учреждает первую типографию в Рымнике, известном центре типографского дела, славящимся своими мастерами-печатниками. Здесь, в 1755 г. была напечатана *Грамматика въ пользу и употребление отроковъ сербскихъ*

желающих основательного научения славенского діалекта по заказу Карловацкогo митрополита Павла Ненадовича.

В XIX веке начинается преподавание русского языка в качестве учебной дисциплины на различных уровнях школьного и высшего образования. Так, в 1838 г. русский язык начинает преподаваться в Василианской гимназии в Яссах, где первым преподавателем этой дисциплины стал Василе Пелгеки, в 1831 г. – в Школе св. Саввы в Бухаресте, где его преподавал Петр Кухницкий, а в 1835 г. – в Михэилянской академии в Яссах. С учреждением в 1860 г. Ясского университета, в 1864 – Бухарестского, а в 1919 г. – Клужского, русский язык стал учебной дисциплиной, наряду с другими иностранными языками, в этих высших учебных заведениях.

1789 год ознаменовался выходом в свет в Яссах первой русско-румынской грамматики *Lección adecă cuvântare scoase de la întâie parte a gramaticii P.E.H.A.U* («Лекционе, то есть учение, извлеченное из первой части грамматики П.Е.Х.А.У.»), которая была обнаружена в 1889 г. В.А. Урека среди книг, принадлежащих румынскому просветителю писателю Г. Асаки.

Эта грамматика состоит из трех частей: предисловия, собственно грамматики и словаря. В *Предисловии*, написанном Тоадером Школериу, даются на румынском языке советы, как пользоваться книгой, с чего надо начинать изучение грамматики. Она адресуется носителям румынского языка, желающим ознакомиться с основами русской грамматики. Однако грамматические термины и большая часть иллюстративного материала переведены на русский язык, что давало возможность усвоить определенное количество русских терминов, соответствующие парадигмы словоизменительных форм русских слов, что в свою очередь помогало русскоязычному читателю освоить румынскую грамматическую терминологию, а также парадигмы румынских лексем: Автор грамматики приводит правила румынской орфографии. В *Морфологии*, именуемой в силу традиции *Этимологией*, рассматриваются различные части речи, хотя отсутствует сам термин «части речи». Грамматическая терминология является в целом ряде случаев кальками с русского.

В конце *Грамматики* Школериу был помещён русско-румынский словарь, составленный священником Михаилом Сперильбицким. XIX век ознаменовался новыми достижениями в сфере создания иноязычных грамматик и двуязычных словарей.

В 1819 г. появилась в Кишиневе *Краткая российская грамматика съ переводом на молдавский язык, для учениковъ Кишиневской семинарии...* Моделью этой грамматики послужила *Российская грамматика*, которая появилась в Петербурге в 1816 г. под эгидой Императорской Академии Наук России.

Грамматика 1819 г. содержала собственно грамматику и словарь, сопровождаемый диалогами. В ней сделан шаг вперед, по сравнению с ее образцом в определении склонения имен, которое рассматривается как отношение между именем, местоимением и причастием. Современной по своей концепции деление местоимений на местоимения-существительные и местоимения-прилагательные. Описывая систему глагольных времен в духе постлюмоновских грамматик русского языка, автор грамматики еще нечетко представляет видовую оппозицию, ошибочно приписывает инфинитиву временную соотнесенность.

Инновацией, по сравнению с предшествующими двуязычными грамматиками, является помещение в конце первого раздела образца грамматического разбора *Примера грамматического разбора – Pilde a dezlegării gramaticești*. Автор стремится как можно адекватнее передать русский текст, прибегая нередко и к свободному переводу русских терминов: *безличный глагол – grai fără față* (дословно «глагол без лица»), *предлог – înainte punere* (дословно «помещение впереди») и т.д. Словарь, помещенный во второй части Грамматики, включает свыше 600 слов, распределенных по тематическим группам.

В 1827 г. в Петербурге вышла в свет *Российско-румынская грамматика* Штефана Марджеллы, которая имела два варианта – трехтомный и двухтомный, получившая распространение и на территории Румынии. Автор использовал в качестве источника *Русскую грамматику* 1816 г., в чем убеждает сопоставительный анализ текстов обеих грамматик. Правда, изложение не совпадает полностью по своему местоположению в одной и другой грамматиках. Хотя в начале XIX века уже сложилась румынская грамматическая терминология, Марджелла нередко прибегает к собственному переводу русских терминов словами обиходной речи, например, *лицо* (грамматическая категория) – *față* (лицо как часть человеческого тела), *надеж* (грамматическая категория) – *cădere* (дословно «падение») и др.

Как *Грамматика* 1819 г., так и *Грамматика* Марджеллы, сыграли важную роль в деле создания двуязычных (русско-румынских) учебных пособий. Так, в 1829 г. в Бухаресте была издана анонимная работа *Новой валахской и русской словарь съ присовокупленіемъ оупотребительнѣйшихъ на російскомъ и романскомъ языкѣ словъ и разговоровъ*, содержащая тематический словарь, состоящий из 25 тем, идентичных с темами Грамматики 1819 г., правда, в ряде случаев с большим количеством слов. Диалоги также воспроизводят структурно-лексическое построение этой же грамматики.

Преподаватель русского языка в Василианской гимназии, а затем Михэилянской академии и Национальном лицее в Яссах Василе Пелтеки, известный и как переводчик, опубликовал в 1831 г.

Abețedariu russo-românesc pentru învățătura începătorilor iubitori de știința acestei limbe («Русско-румынский букварь для начинающих изучать этот язык»). Текст этого учебника дается на русском и румынском языках, составленный по образцу церковнославянских и русских школьных учебников. В конце помещен русско-румынский словарь, содержащий около 200 слов, распределенных по 15 тематическим группам, сходных с *Грамматикой* 1819 г.

В 1846 г. вышла из печати новая работа В. Пелтеки *Enciclopedia russo-moldavă pentru tineret, care vrea să învețe limba rusă*.

К 1850 г. относят создание рукописной *Русской грамматики* Н.Войнова, ученика В.Пелтеки, написанной на русском языке. Переводы на румынский язык в ней появляются редко. Автор выделяет в *Грамматике* словообразование, правописание, словосочинение и слогуударение. Классификация частной речи в русском языке дается в соответствии с концепцией русских грамматик начала XIX века. Любопытно, что в числительных выделяются числительные-существительные типа *десять, сто, тысяча* и числительные-прилагательные – *один, второй, десятый* и т.д. Сопоставительный анализ *Грамматики* 1819 г. и *Грамматики* Войнова позволил установить как общие, так и отличные элементы.

Русский язык выступает, наряду с другими, в целом ряде опубликованных в первой половине XIX в. диалогов, например, у Антона Панна – *Dialog în trei limbi – rusește, românește și turcește...* («Диалог на трех языках – русском, румынском и турецком...»), Джеаноглу Лесвиодакса – *Dialoguri româno-rusești pentru înlesnirea celor dintâi trebuințe ale românilor* («Румыно-русские диалоги для удовлетворения первых потребностей румын») и другие.

Выход в свет в Яссах в 1851 г. *Нового карманного русско-румынского словаря съ присовокуплениемъ краткой грамматики* Ал. Кошулы ознаменовал новый этап в истории двуязычной лексикографии. Впервые в русско-румынском словаре был помещен и краткий очерк русской грамматики на румынском языке при сохранении русских терминов и иллюстративного материала на русском и румынском языках.

В развитии румынской филологии в конце XIX – начале XX века сыграл значительную роль Эмануил Григоровитца, известный румынский писатель, переводчик, германист и славист, автор двуязычных (русско-румынских и румыно-русских) словарей и практического курса русского языка – *Curs practic de limba rusească alcătuit pe baza conferințelor făcute la Școala superioară de războiu* («Практический курс русского языка, составленный на основе лекций, прочитанных в Высшем военном училище»), изданного в 1891 г. в Бухаресте на румынском языке. Описание грамматического строя русского языка дается им и в *Русско-румынском словаре (Dicționarul*

rus-român însoțit de un studiu introductiv asupra gramaticii limbii ruse). Центральное место в очерке занимает, по мнению автора, глагол как наиболее важная для акта коммуникации часть речи.

Важное место в истории румынской грамматической мысли занимают грамматики румынского языка, адресованные русскоязычному читателю и учащемуся. В числе первых грамматик румынского языка следует назвать вышедшую в 1840 г. в Петербурге работу Якова Гинкулова *Начертание правил валахо-молдавской грамматики*, в котором помещен и русско-румынский словарик грамматических терминов.

В 1865 г. в Кишиневе Иоанн Дончев издал «Начальный курс румынского языка для начальных школ и гимназий» (*Cursul primitiv de limba română compus pentru școlile elementare și pentru clasele gimnasiale*). В предисловии, написанном на русском языке, автор обращается к бессарабскому читателю, кратко знакомя его с историей румынской письменности. Далее материал излагается поурочно на румынском языке в левой колонке и на русском – в правой. Большая часть работы посвящена морфологии, далее даются краткие сведения по синтаксису, в конце дается румыно-русский словарик.

В начале XX века издаются русско-румынские разговорники, грамматики русского языка, учебники и курсы по русскому языку, грамматические очерки в двуязычных словарях и т.д. Уже в самом начале века была издана К. Арбуре *Gramatica limbii ruse. Etimologie* («Грамматика русского языка. Этимология») и его же собрание диалогов на трех языках *Dialoguri ruso-bulgare-românești* («Русско-болгаро-румынские диалоги»). Грамматика написана на румынском языке, делаются и экскурсы в историю русского языка. Двуязычный учебник русского языка *Помощник молдованъ при первоначальномъ изученіи русскаго языка*, составленный учителем – священником Михаилом Чакиром, выдержал три издания – 1902, 1903 и 1914 гг., последнее издание было дополнено сведениями по синтаксису.

Важный вклад в развитие румынской русистики внес преподаватель русского языка в военных училищах Штефан Берекет, создавший на румынском языке в 1919 г. в Бухаресте *Gramatica limbii ruse pentru elevii școlilor militare de infanterie, artilerie și cavalerie* («Грамматика русского языка для учеников военных училищ»).

Период 1920-1940 гг. ознаменовался своего рода застоем в развитии румынской русистики, закончившийся в последующие десятилетия. В начале 40-х годов выходят в свет работы по русской грамматике, как например: Д.И. Николау, *Manual și dicționar pentru cunoașterea cu ușurință a limbii ruse* («Учебник и словарь русского языка для легкого ознакомления с русским языком», 1942, Питешть), анонимный *Manual de limbă rusă. Curs pregătitor pentru adulți*

(«Учебник русского языка. Подготовительный курс для взрослых») и другие. Это, в основном, самоучители, адресованные различным возрастным группам, желающим изучать русский язык.

Значительным событием в развитии румынской русистики явились работы акад. Эмиля Петровича и проф. Аурела Кандря. Выдающийся румынский славист Эмиль Петрович опубликовал в 1944 г. практический курс русского языка *Texte rusești ușoare pentru începători urmate de un glosar cu transcrierea fonetică și indicația accentului* («Легкие русские тексты на русском языке для начинающих, сопровождаемые словарем с фонетической транскрипцией и постановкой ударения»). Это небольшое пособие, в 71 печатную страницу, сопровождается предисловием, несколькими сведениями о фонетической транскрипции, включает тексты и русско-румынский словарик. В организации материала и его интерпретации чувствуется авторское «я» ученого-слависта.

Известный румынский лингвист Ион Аурел Кандря опубликовал в 1945 г., в популярной серии учебников по иностранным языкам (французскому, английскому) названной им *Așa se vorbește...* («Так говорят...») и *Așa se vorbește... rusește. Conversații, gramatică, vocabular* («Так говорят... по-русски. Разговоры, грамматика, лексика»). Этот практический курс русского языка составлен с учётом научных критериев описания его грамматического строя и словаря.

ABSTRACT

From the History of Russian Philology in Romania

As an integral part of Romanian Slavic Philology, the Russian Philology has old tradition in teaching Russian and also in releasing grammar books, dictionaries, text-books dedicated to the process of teaching.

The authors of the present work underline the contribution of different Romanian linguists and remarkable professors who laid the foundation of Russian language teaching by creating the didactic material, or through their didactic activity.

О СИММЕТРИИ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ И ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ В МЕТАЯЗЫКЕ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Галина ГВОЗДОВИЧ
Минск, Беларусь
hvazdovich@mail.ru

Ключевые слова: *терминология, язык, асимметрия, омонимия, полисемия*

Терминологическая лексика постоянно находится в центре внимания исследователей, причем не только специалистов в конкретной области знания, но и лингвистов. Интерес к проблемам термина основывается, во-первых, на чисто прагматических целях – необходимости осмысления и передачи научных идей при помощи языковых реалий. Во-вторых, в терминоведении, как относительно молодом и еще формирующемся разделе языкознания, обозначился целый комплекс проблем, связанных с формально-грамматическими, семантико-понятийными и когнитивными свойствами терминов.

Язык является основным средством получения, сохранения и передачи знания. В связи с этим его роль в истории человечества всегда была велика, но особенно возросла она в наше время. Владение двумя, а то и несколькими языками становится нормой для образованного человека. В условиях Беларуси, где в 1990г. был принят Закон о языках, закрепивший государственный статус двух языков – белорусского и русского, наблюдается активный билингвизм. Изучение белорусского и русского языков обязательно для всех школьников. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости координации и хотя бы в самых общих чертах унификации русских и белорусских лингвистических номинаций, что в определенной мере будет способствовать успешному овладению языками. «Как известно, результативность общения и понимания обусловлена в первую очередь осознанием сущности языка, его

грамматического строя, которые находят свое выражение в термине»¹⁵⁵.

Говоря о становлении языкознания, Ф. де Соссюр отметил три «последовательные фазы» развития данной науки о языке: 1) грамматика, цель которой – нормирование языковых форм и составление конкретных правил; впервые появилась у греков и была основана на логике; 2) филология, существовавшая уже в Александрии и ставящая перед собой задачу установления, толкования и комментирования текстов; 3) сравнительная филология, или сравнительная грамматика, недостатком которой, по мнению Ф. де Соссюра, было то, что, сравнивая языки, исследователи упускали из виду исторический аспект. Пробел этот был восстановлен школой «младogramматиков», включивших результаты сравнительного анализа в историческую перспективу.¹⁵⁶ Сравнительно-историческое изучение различных языковых уровней, в том числе и терминологических разработок, не утратило своей актуальности до сегодняшнего дня.

Становление русской и белорусской лингвистической терминологии – это длительный исторический процесс, в котором нашли отражение внутренние закономерности развития русского и белорусского языков, их специфические слово- и терминообразовательные черты, а также экстралингвистические факторы. Сходства и различия русских и белорусских лингвистических терминосистем характеризуются разнообразием составляющих их терминов в морфемном, синтаксическом и семантическом отношениях. Близкое родство русского и белорусского языков обусловило во многих случаях системную соотносительность значений и структурную общность многих специальных номинаций. В целом состав русской и белорусской лингвистической терминологии неоднороден: термины первых рукописных грамматик соседствуют с терминами, появившимися в последнее время, национальные номинативные единицы употребляются параллельно с наименованиями греко-

¹⁵⁵ Гвоздович Г., *Грамматическая терминология русского и белорусского языков: истоки, структура, функционирование*/ Г.А.Гвоздович; науч. ред. В.И.Ивченков, Минск:БГУ, 2008. с.15.

¹⁵⁶ Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию*/Перевод с франц.// *Введение в языковедение: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов*/Сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П.Мурат, Г.И.Рапова. М.: Аспект Пресс, 2001. С.5-9.

латинского происхождения и другими заимствованиями и интернационализмами.

Большинство исследователей научной терминологии как кодифицированной системы науки считают, что она (терминология) включается в многослойный языковой континуум общелитературного языка. Так, Н.З.Котелова отмечает, что терминам, как и словам общеупотребительного фонда в равной степени свойственны синонимия, антонимия, полисемия и омонимия. Им также свойственны все виды развития значения, все типы сочетаемости и сочетаний. Достаточно условной является и их однозначность.¹⁵⁷

По нашему мнению, с такими утверждениями можно согласиться лишь частично. Действительно, термину как единице лексического фонда языка свойственны те же самые характеристики, что и общеупотребительному слову, но только тогда, когда он выходит за пределы терминологии. Если же он (термин) находится в составе определенной терминологической системы, тогда к нему предъявляются иные требования и то, что для общеупотребительной лексики может быть положительным, для специальной (научной) номинативной системы представляется как недостаток или вообще как недопустимое явление.

На процесс создания терминологии влияют онтологические (гносеологические), психологические, социолингвистические и языковые факторы. Термины всегда проходят сложный путь проверки и уточнения в исследовательской практике. Как справедливо заметил М.М. Бахтин, «ни одно научное направление... не сохранялось в своей первоначальной и неизменной форме»¹⁵⁸.

Это влечет за собой изменения в терминологической системе в целом и в понятийной структуре термина в частности. Изменения носят естественный и закономерный характер, как в любой развивающейся системе. Динамика терминосистем основывается на идее о невозможности человеком полностью и истинно отражать в слове окружающую действительность: изменяется как сама действительность, так и наши представления (знания) о ней. Поэтому нередко даже базовые для той или иной науки терминологические номинации «получают различные значения и даже различную предметную и понятийную отнесенность. Так, в настоящее время не все лингвисты одинаково «понимают» одни и те же термины: язык,

¹⁵⁷ Котелова, Н. З., *К вопросу о специфике термина* / Н. З. Котелова // *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии*. М. : Наука, 1970. С. 122 и след.

¹⁵⁸ Бахтин М.Н., *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Худ. Литература, 1972. С.6.

речь, текст, категория, предложение, модальность, высказывание и пр.».¹⁵⁹

Тем не менее, содержательная характеристика термина (интенционал), отражающая познавательный опыт данного сообщества людей, позволяет человеку конвенционально ориентироваться в мире, в том числе и в научной сфере. Интенционал термина приобретает в этой связи, с одной стороны, фиксированную функцию средства познания; с другой стороны, фиксация содержания не является стабильной, раз и навсегда закрепленной за определенной формой (экстенционалом). Будучи категорией исторической, термины как продукт процесса научного познания отличаются подвижностью, динамизмом интенционала.

Содержательная подвижность термина может базироваться на свойственной языковым знакам асимметрии (отсутствию взаимоднозначного соответствия между формой и содержанием – интенционалом / экстенционалом). С.О. Карцевский указывал, что «обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными (accouplés), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации»¹⁶⁰.

Дихотомия терминов, то есть их субъективно-объективный характер, предопределила появление в лингвистике различных взглядов на сущностную природу термина, его место в языковой системе, способы образования и особенности функционирования.

Применительно к проблематике, рассматриваемой в работе, асимметрия термина проявляется в его омонимии и многозначности (полисемии). Относительно нашего объекта исследования – русской и белорусской лингвистической терминологии – следует заметить, что здесь в понятийном поле расхождений практически не наблюдается, но есть заметные

¹⁵⁹ Головин, Б. Н., *Лингвистические основы учения о терминах*: учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. М. : Высш. шк., 1987. С. 8.

¹⁶⁰ Карцевский С.О., *Об асимметричном дуализме лингвистического знака// Введение в языковедение: Хрестоматия*: Учебное пособие для вузов/Сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П.Мурат, Г.И.Рапова. М.: Аспект Пресс, 2001. С.81.

отличия в формальном выражении внутреннего содержания терминов (например: *имя существительное* – *назоўнік*, *имя прилагательное* – *прыметнік*, *имя числительное* – *лічэбнік*, *подлежащее* – *дзеінік*, *сказуемое* – *выказнік*, *предложение* – *сказ* и т.п.). Границы же такого явления, как омонимия, весьма условны. Чаще всего речь идет о межнаучной омонимии: например термин *морфология* функционирует в лингвистической, медицинской и сельскохозяйственной системах научных понятий; *корень* – в лингвистической, математической, биологической и т.д.

Что же касается внутрilingвистической омонимии, то это явление, по сравнению с другими видами асимметрии знака – лингвистического термина, в русской и белорусской системах терминов представлено весьма ограниченно: *апекс* – а) кончик языка; б) знак острого ударения в латинской графике; *аффективный* – а) эмоциональный; б) относящийся к переходным глаголам; *варваризм* – а) неправильное, то есть не по образцу, образование в языке; б) иноязычное слово; *включение* – а) включение предложений при последовательном подчинении; б) фигура речи, состоящая в повторении (включении) одного и того же слова и некоторые другие.

Характерно, что порою термин, являющийся омонимичным в русской системе терминов, в белорусском языке к таковому не относится. Например, *наречие*: 1) часть речи ...; 2) крупное подразделение языка ...¹⁶¹ В белорусском языке в первом значении употребляется термин *прыслоўе*, во втором – целый синонимический ряд: *дыялект, гаворка, мова*.

В значении «*часть речи*» этот термин зафиксирован в первой рукописной грамматике «Осьмь чести слова, елико глаголемь и пишемь» (традиционно ее автором считается Иоанн Дамаскин), составленной, по-видимому, в Сербии в XIУ веке (дошла до нашего времени в списках XV – XVІІ вв.): «Суть же убо слова чести осмь...: име, речь (глагол), причестие, различіе, место-имене, предлог, наречіе, сьузъ».¹⁶²

Как видим, интенционал термина *наречие* восходит к термину *речь* (соврем. *глагол*).

В XV веке Дмитрием Герасимовым были сделаны переводы сочинений латинского грамматиста Доната «Книга глаголемая

¹⁶¹ Ахманова, О. С., *Словарь лингвистических терминов*. / О.С.Ахманова. 2-е изд., стер. М., 2004. с. 251 -252.

¹⁶² *Осьмь чести слова, елико глаголемь и пишемь // Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / Ягич И. В. // Исследования по русскому языку. Спб., 1885–1895. Т. 1. С. 329.*

Донатусъ меньшей...», где наречие как часть речи именуется сочетанием «предлог слову», т.е. глаголу. В последующих грамматиках этот термин не зафиксирован, закрепился же и функционирует в современной русской лингвистической системе термин *наречие*. Часть речи, которая в современном русском языке называется глаголом, в «Донатусе» обозначается терминами *речь* и *слово* (чаще вторым). Это *слово* (в значении глагол), скорее всего и стало основой для образования белорусского термина *прыслоўе* – наречие поясняет чаще всего глагол, то есть стоит при слове (глаголе).¹⁶³

Наречие во втором значении – *язык, диалект* (местный или социальный), *говор* – зафиксирован И.С.Срезневским в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам»: «А так как народный (древнерусский язык) уже делился на наречия, то и этот новый книжный язык не мог быть везде один и тот же»¹⁶⁴.

То, что термином *наречие* называли и *язык*, и *диалект*, подтверждают и слова П.Аксакова: «Язык церковнославянский и язык русский, в которых выразилось это разделение слога, были два разные наречия, если называть так языки одной ветви»¹⁶⁵. В данном случае в основу понятия термина *наречие* легло одно из многих (словарь русского языка XI-XII вв., вып.22 дает 17 значений) термина *речь*, а именно: 1. Язык; речь; право говорить.

Нами не обнаружено среди лингвистических терминов-омонимов случаев, смежных с омонимией: омографов, омоформ, омофонов.

В целом же на успешную научную коммуникацию в области лингвистики омонимия существенного влияния не оказывает, во-первых, в силу своей нераспространенности, во-вторых, в силу распознаваемости в контексте. К тому же, с течением времени один из омонимичных терминов, как правило, заменяется другой номинацией. Так произошло, например, с терминами *речь*, *слово* (в современном русском языке часть речи, ими обозначавшаяся, именуется глаголом), термин *наречие* в значении *язык, диалект* постепенно уходит из употребления и заменяется номинациями *диалект* или *говор*.

Более широко распространена в метаязыке русской и белорусской лингвистики полисемия, или многозначность.

¹⁶³ Донат. Книга глаголемая Донатусъ меньшей в ней же беседует о осми частех вещания.../ Донат; в пер. Дм. Герасимова // Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке/ И. В. Ягич // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895. Т. 1. С. 821.

¹⁶⁴ Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. М. Срезневский. Петербург, Т. 2. 1903. С. 68.

¹⁶⁵ Аксаков, К. С. О грамматике вообще / К. С. Аксаков // Полн. собр. соч.: в 3 т. М.: Унив. тип., 1875. Т. 2. Ч. I. С. 138.

Большинство исследователей (в частности Д.С.Лотте, Б.Мейлах, А.А.Реформатский, Б.Н.Головин, Р.Ю.Кобрин) негативно относятся к функционированию в пределах одного и того же терминологического пространства полисемантических единиц. И основная причина этому: полисемия создает неточность системы, что может приводить к трудностям в понимании излагаемого материала, усложнять научную коммуникацию. Одним словом, под влиянием полисемии происходит нарушение одного из основных требований к термину – требования однозначности (моносемантичности) в пределах одной системы.

Кодекс однозначности термина, по нашему мнению, определенным образом связан с этимологией самого термина *термин*. Как свидетельствует «Мифологический словарь»,¹⁶⁶ *термином* древние римляне называли бога границ и пограничных знаков – столбов, камней и т.д. Нарушение границ строго каралось. Существовал даже культ единого Термина. Камень, в котором был олицетворен образ этого бога, находился на Капитолийском холме в храме Юпитера. Царь Наум Помпилий установил праздник в честь Термина – терминалии.

Итак, *terminus* – межа, граница. Первоначально она представлялась как вещественная, а затем и самоопределение мышления начало называться термином. Исходя из этого можно сказать, что ограничение, заложенное в номинации термин, символизирует собою отграничение, разъединение как в области специальных знаний и среди участников научной коммуникации, так и соответствующих языковых средств, необходимых для оптимизации научного общения.

Как в русской, так и в белорусской системе лингвистических терминов полисемантическими являются чаще всего номинации, которые называют языковой уровень и изучающий его раздел языкознания. Это так называемая категориальная полисемия. В ее основе лежит понятийная смежность, возникает она на основе метонимии. Например, *грамматика, морфология, синтаксис, фразеология, терминология* и др. Показательным является термин *лексикология*: в обеих рассматриваемых нами терминосистемах его полисемантичность развилась как частный случай метонимии – синекдохи. Лексика (от греч. *Lexikos* – словарный):

¹⁶⁶ Ботвинник М.Н., Коган Б.М., Рабинович М.Б., Селецкий Б.П. *Мифологический словарь*. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Просвещение, 1985. С. 138.

1) лексический состав языка; 2) совокупность слов, характерных для определенной сферы использования...; 3) совокупность слов, близких по происхождению...; 4) совокупность слов, объединенных общей стилистической приметой...; 5) совокупность слов, характерных для определенного литературного направления, художественного произведения или автора...¹⁶⁷

Нередко полисемантическими являются термины, которые своим происхождением связаны с общеупотребительными словами, являющимися многозначными. Например, слово *связь* имеет в русском языке 7 значений: 1. Отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-нибудь... 2. Тесное общение между кем-чем-нибудь... 3. Любовные отношения, сожитительство... 4. Близкое знакомство с кем-нибудь, обеспечивающее поддержку, покровительство, выгоду... 5. Общение с кем-чем-нибудь, а также средства, дающие возможность сноситься, сообщаться... 6. Совокупность учреждений, обслуживающих техническими средствами общение на расстоянии (почта, телеграф, телефон, радио)... 7. Часть строительной конструкции, соединяющая основные элементы конструкции (спец.)...¹⁶⁸. В белорусском языке слово *связь* (белор. *сувязь*) имеет 6 значений: 1. Отношения взаимозависимости, обусловленности, общности между чем-нибудь... 2. Тесные отношения между кем-нибудь... 3. Любовные связи, сожитительство... 4. Близкое знакомство с кем-нибудь, которое дает возможность иметь поддержку, выгоду в чем-нибудь... 5. Общение с кем-нибудь, чем-нибудь, возможность таких отношений, а также средства, при помощи которых осуществляется прием и передача информации... 6. Совокупность учреждений, которые обеспечивают техническими средствами отношения на расстоянии (почта, телеграф, телефон, радио)...¹⁶⁹

В качестве лингвистического термина в русском и белорусском языках номинация *связь* (белор. *сувязь*) употребляется в четырех значениях: 1. Различные виды

¹⁶⁷ Сцяцко, П. У. *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў* / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк; пад рэд. М. В. Бірылы, П. У. Сцяцко. Мінск : Вышэйш. шк., 1990. С. 74.

¹⁶⁸ Ожегов С.И. *Словарь русского языка* / Под ред Н.Ю.Шведовой. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984. С. 649.

¹⁶⁹ *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы* Пад рэд. М.Р.Судніка, М.Н.Крыўко. Мн.: БелЭн. 1996. С. 635.

взаимоотношения элементов речи, обуславливаемые правилами построения, лексическим значением сочетающихся слов и т.п.... 2. Основные виды и способы синтаксического соединения элементов... 3. Способы введения в предложение его членов, различимые по характеру синтаксического содержания отношений... 4. Семантико-синтаксические отношения, возникающие между частями сложного синтаксического целого (сложносочиненного и сложноподчиненного предложения)...¹⁷⁰

Такие термины конкретизируют свое значение в контексте, поэтому смысл высказывания, как правило, воспринимается однозначно. Однако за пределами научного текста определить, какое содержание вкладывается в подобные термины, невозможно.

Причиной полисемии в системе русской и белорусской лингвистической терминологии могут послужить: а) метафора: сравн. *язык* (белор. *мова*) как «важнейшее средство общений людей» и как «совокупность телодвижений, звуков и т.п., используемых животными в общении друг с другом»¹⁷¹; б) различие в научных взглядах лингвистических школ (например, Б.Н.Головин и Р.Ю.Кобрин доказали, что термином *фонема* ленинградская и московская фонологические школы обозначают именно «разные объекты»)¹⁷², хотя в словарях этот термин подается как однозначный; в) несформированность понятия (поэтому, в частности, термин *концепт* в зависимости от авторской позиции исследователя соотносится то со *словом*, то с *понятием*, то представляется как *смысл*, *интерпретатор смысла* и т.д.).

Таким образом, существование полисемантических терминов в какой-то мере оправдано развитием науки. По мере того, как будут нивелироваться взгляды на тот или иной предмет исследования, полисемантическую терминологическую номинацию может исчезать, хотя это и не обязательно по отношению к каждой номинативной единице.

Несмотря на то, что явления асимметрии специального знака в лингвистической терминологии русского и белорусского языков естественны, как естественны изменения в любой

¹⁷⁰ Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов*. / О.С.Ахманова. 2-е изд., стер. М., 2004. С. 397-399.

¹⁷¹ Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов*. / О.С.Ахманова. 2-е изд., стер. М., 2004. С. 533.

¹⁷² Головин, Б. Н. *Лингвистические основы учения о терминах*: учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. М. : Высш. шк., 1987. С.51.

развивающейся системе, в целях усовершенствования терминологической системы, оптимизации процесса научного общения, по нашему мнению, исследователям необходимо стремиться к минимизации асимметричности термина. В целом асимметрия лингвистического термина, в основе которой лежат различные внешне- и внутриязыковые факторы, – явление динамичное, непостоянное, преходящее, поскольку терминологическая система, призванная точно и моносемантически выражать то или иное научное понятие, стремится к симметрии знака.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аксаков, К. С. *О грамматике вообще* / К. С. Аксаков // Полн. собр. соч.: в 3 т. М. : Унив. тип., 1875. Т. 2. Ч. I. 661 с.

Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов*. / О.С.Ахманова. 2-е изд., стер. М., 2004. 607 с.

Бахтин М.Н. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Худ. Литература, 1972. 470с.

Ботвинник М.Н., Коган Б.М., Рабинович М.Б., Селецкий Б.П. *Мифологический словарь*. 4-е зд., испр. и перераб. М.: Просвещение, 1985. 179с.

Гвоздович Г.А. *Грамматическая терминология русского и белорусского языков: истоки, структура, функционирование* / Г. А. Гвоздович; науч. Ред. В. И. Ивченков. Минск: БГУ, 2008. 167 с.

Головин, Б. Н. *Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов* / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. М. : Высш. шк., 1987. 104 с.

Донат. Книга глаголемая Донатусъ меньшей в ней же беседует о осми частех вещаниа.../ Донат; в пер. Дм. Герасимова // Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / И. В. Ягич // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895. Т. 1. С. 816–873.

Карцевский С.О. *Об асимметричном дуализме лингвистического знака// Введение в языковедение: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов/Сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П.Мурат, Г.И.Рапова. М.: Аспект Пресс, 2001. С.76 - 81.*

Котелова, Н. З. *К вопросу о специфике термина* / Н. З. Котелова // *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии*. М. : Наука, 1970. С. 122 – 126.

Ожегов С.И. *Словарь русского языка* /Под ред Н.Ю.Шведовой. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. , 1984. 816с.

Осьмь честии слова, елико глаголемь и пишемь // Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / Ягич И. В. // Исследования по русскому языку. Спб., 1885–1895. Т. 1. С. 328–334.

Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию/Перевод с франц. // Введение в языковедение: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов/Сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П.Мурат, Г.И.Рапова. М.: Аспект Пресс, 2001. С.5-55.*

Срезневский, И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* / И. М. Срезневский. Петербург, 1893. Т. 1. 1895; Т. 2. 1903; Т. 3; переизд. в 1958 г.

Сцяцко, П. У. *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў* / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, А. А. Антанюк; пад рэд. М. В. Бірылы, П. У. Сцяцко. Мінск : Вышэйш. шк., 1990. 222 с.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, Пад рэд. М.Р.Судніка, М.Н.Крыўко. Мн.: БелЭн. 1996. 784с.

ABSTRACT

On the Problem of Symmetry of Intentional and Extensional Meaning in the Metalanguage of Russian and Belarusian Linguistics

A problem of asymmetry of intentional and extensional meaning of terminological units in the metalanguage of Russian and Belarusian linguistics is investigated in the article. It is noted that comparative study of Russian and Belarusian terminology has practical sense. Belarusian and Russian are state languages in the Republic of Belarus.

Asymmetry of the linguistic terms in the Russian and Belarusian languages has its expression in such phenomena as ambiguity and polysemy. Common and specific features in both languages can be found.

Asymmetry of linguistic terms can be caused by various extra linguistic and intra linguistic reasons. Asymmetry is not transient, because the terminological system, which has to express a notion precisely and monosemantically, aspire to the symmetry of the sign.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

Симион ЮРАК
Бухарест, Румыния
simion_iurac@yahoo.com

Ключевые слова: художественный/нехудожественный текст, художественность, экспрессивность, языковые уровни

В научной литературе существует большое число определений текста, в зависимости от области науки, в рамках которой рассматривается данное понятие.

В общелингвистическом плане текст представляет собой сложное произведение словесности и феномен употребления языка. Более широкое определение текста приводит И.Р.Гальперин в одной из своих работ: "Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку"¹⁷³.

А. И. Горшков, соглашаясь с мнением Л.В.Щербы, который считает, что и устная форма текста является вполне допустимой и естественной¹⁷⁴, дополняет определение текста, сформулированное И.Р.Гальпериным, уточняя, что текст может проявляться не только в письменной форме, но и в устной. В результате А. И. Горшков представляет следующее определение текста: "Текст – это (1) выраженное в письменной или устной форме (2) упорядоченное и (3) завершённое словесное целое, (4) заключающее в себе определённое содержание, (5) соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, (6) отграниченное от других подобных целых и (7) в случае необходимости воспроизводимое в том же виде"¹⁷⁵. Такое определение включает все основные признаки

¹⁷³ Гальперин И.Р., *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва, 1981, с.18.

¹⁷⁴ Щерба Л.В., *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград, 1974, с. 26.

¹⁷⁵ Горшков А.И., *Русская стилистика*, Москва, Издательство "Астрель. АСТ", 2001, с. 65.

текста, отмеченные и М.Ю.Лотманом, а именно: выраженность, отграниченность и структурность¹⁷⁶.

Представленные выше определения текста относятся ко всем типам текстов: нехудожественных (официально-деловых, научных, газетно-публицистических и т.д.) и художественных.

Если же рассматривать художественный текст, то основные его свойства более ярко выступают на первый план тогда, когда данный тип текста сопоставляется с нехудожественным. Во-первых, в художественном тексте обязательно присутствует эстетическая функция. Эта функция и является самой важной для данного вида текста и ей подчинены все остальные элементы как плана содержания, так и плана выражения текста. В нехудожественном тексте такая функция отсутствует. Во-вторых, художественный текст строится по законам ассоциативно-образного мышления, в то время как нехудожественные тексты – как правило, по законам логического мышления. В-третьих, благодаря именно этим двум признакам, художественный текст предполагает неоднозначность восприятия, а нехудожественный предполагает однозначность его восприятия. В-четвёртых, если говорить о воздействии на адресата, на читателя или слушателя, то необходимо подчеркнуть, что художественный текст оказывает воздействие на эмоциональную сферу человеческой личности, а нехудожественный – обращается главным образом к интеллектуальной сфере человека и т.д.

Литературное произведение как произведение искусства характеризуется, если можно так выразиться, художественностью. Художественность, как известно, представляет собой крайне сложный комплекс внутренних, структурных, выразительных свойств произведения, которые являются воплощённостью творческого замысла писателя или автора, предназначенной как для выражения своих субъективных представлений об окружающей действительности, так и для воздействия на читателя, слушателя или зрителя. В связи с этим Ф.М.Достоевский писал: "Художественность, например, хотя бы в романисте, есть способность до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимает её, создавая своё произведение. Следовательно, попросту: художественность в писателе есть способность писать хорошо"¹⁷⁷.

Вторая половина XX-ого века и начало текущего XXI-ого столетия знаменуют особый интерес к проблематике всестороннего изучения текстов вообще и текстов художественной литературы, в

¹⁷⁶ Лотман М.Ю., *Структура художественного текста*, Москва, 1970, с. 67-69.

¹⁷⁷ Достоевский Ф. М., *Об искусстве*, 1973, с. 68-69. Цитата приводится по *Литературному энциклопедическому словарю*, Москва, "Советская энциклопедия", 1987, с. 489.

частности. В указанный период появилось большое число работ по общей теории текста, по стилистике, по языку художественной литературы и т.д. Незначительная часть этих работ представлена в библиографическом списке, в конце настоящей статьи. Такой высокий интерес к области исследования текстов художественной литературы вызван и тем, что художественная литература как явление искусства представляет собой понятие особой сложности и, как уже отмечалось выше, характеризуется рядом специфических черт. Поэтому, чтобы раскрыть весь круг вопросов, связанных с ним, нельзя ограничить его изучение лишь деятельностью литературоведов и историков литературы. В изучение художественного текста в указанный выше период более активное участие стали принимать и лингвисты, а также специалисты других филологических и гуманитарных наук в целом. И это вызвано тем, что предмет комплексного, всестороннего исследования текстов художественной литературы находится на границе пересечения языкознания, литературоведения, семиотики, теории искусства, истории, философии и других наук.

Текст художественной литературы – явление особого порядка как о точки зрения своей структуры, формы, так и содержания. В художественной литературе как бы объединяются все функциональные стили языка, выполняющие специфическую функцию, которая определяется спецификой художественного изображения и выражения. Таким образом, "в художественном произведении язык разносторонне выявляет свои реальные и потенциальные возможности. Здесь явственнее взаимодействуют коммуникативная и эстетическая функции языка. Художественное произведение не только сообщает, несет в себе определенную информацию, но и сообщает об этом в определенной эмоционально-экспрессивной форме, создавая художественные образы путем отбора языковых средств"⁶.

В конкретном художественном произведении, в художественном тексте вообще, более наглядно, чем в других сферах функционирования языка, в других функциональных стилях, выступает на первый план субъективный фактор, печать творческой индивидуальности его автора, а также умение отбирать и комбинировать языковые выразительные средства, создавать так называемые индивидуально авторские неологизмы на различных уровнях языка, вскрыть и использовать ресурсы языка в качестве эстетического средства.

Интересны в этом отношении идеи М. Бахтина: "Художник, – отмечает М.Бахтин, – освобождается от языка в его лингвистической определённости не через отрицание, а путем имманентного

⁶ Fodor, Ecaterina, *Elemente de stilistică a limbii ruse*, București 1980, с. 13.

усовершенствования его: художник как бы побеждает язык, усовершенствуя его лингвистически"⁷.

Отсюда вытекает вывод, что для достижения намеченных целей, для осуществления своего замысла, авторы художественных текстов могут и отступать от принятых норм литературного языка. Русский лингвист Л. В. Щерба писал по этому поводу: "Авторов, вовсе не отступающих от нормы, не существует – они были бы невыносимо скучны. Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее у разных хороших писателей (я говорю "обоснованных" потому, что у многих плохих авторов они бывают часто недостаточно мотивированы внутренним содержанием – потому-то эти авторы и считаются плохими)"⁸.

И В.В. Виноградов, один из видных русских исследователей языка художественной литературы, также писал по поводу отклонений от общелитературных языковых норм в художественном тексте: "Язык художественной литературы со свойственной ему установкой на "выражение" имеет законное право на деформацию, на нарушение общелитературных норм"⁹.

Однако и в художественных текстах должен быть определённый предел для отклонений от общепризнанных языковых норм. Они допускаются лишь тогда, когда такие отступления художественно оправданы.

Показательным в плане отклонения от принятых норм русского языка является, например, использование словообразовательных элементов у поэта Е. Евтушенко. В одном из своих стихотворений сатирического содержания Е. Евтушенко часто использует полифункциональный суффикс *-чик*. В общелитературном языке этот суффикс встречается обычно в словах с оценочным значением, с уменьшительно-ласкательным (например, *трамвайчик, попугайчик, зайчик*). В стихотворении *Инфантилизм* Е. Евтушенко использует большое число слов, образованных при помощи суффикса *-чик*, как нейтральных (*мальчик, пальчик*), так и индивидуальных неологизмов, очень экспрессивных, отступающих от норм русского словообразования: *лгальчик, спальчик (с кем попало), выпивальчик, жральчик, продавальчик, надувальчик, кричальчик, пробивальчик, убивальчик, сверхнахальчик, непонимальчик* и др. Многократное употребление этого суффикса создаёт, в указанном стихотворении, своеобразное звуковое и семантическое поле.

Известно, что функции языка и текста многообразны. Помимо выполнения своей основной функции средства общения или

⁷ Бахтин М., *Вопросы литературы и эстетики*, Москва, 1975, с. 40.

⁸ Щерба Л.В., *Спорные вопросы русской грамматики*, РЯШ, 1939, 1, с. 10.

⁹ Виноградов В.В., *Литературный язык и язык художественной литературы*, ВЯ, 1955, 4, с. 4.

сообщения и орудия оформления мышления, при помощи языка выражаются различные чувства (эмоции) говорящего или пишущего. Выражение чувств (эмоций) в языковом плане является экспрессивным, т.к. говорящий (пишущий) стремится сделать это определенным образом, используя соответствующие языковые средства, чтобы воздействовать на воспринимающего текст. Эта задача как раз и решается при помощи набора экспрессивных средств, имеющихся в любом языке. Следовательно, экспрессивность – также один из основных признаков художественного текста.

Необходимо отметить, что понятия эмоции и экспрессии являются близкими, но не совпадают. Эмоции – это различного характера чувства, а экспрессия определяется как способность языка и его отдельных уровней усиливать проявление эмоций говорящих или пишущих при помощи специфических языковых средств. Чем интенсивнее чувства, тем экспрессивнее их выражение в языковом плане.

Язык художественной литературы представляет собой высшую степень, наиболее полное проявление общенационального языка. Ни в одном из функциональных стилей языка не представлены так широко и всеобъемлюще все уровни языка: словарный состав во всём богатстве и разнообразии его семантики, со всеми прямыми и переносными значениями слов, грамматический строй, особенно синтаксис со сложнейшей и разветвлённой системой типов предложения, стилистическая структура языка, включающая буквально все средства, от самых "низких" до самых "высоких", но и целые фрагменты функциональных стилей¹⁰.

Экспрессивность языка в художественном тексте реализуется на всех его уровнях при помощи соответствующих приёмов и средств. Например, на фонетическом или звуковом уровне – интонация и различные сочетания и чередования звуков (ассонанс, диссонанс, аллитерация, звуковая анафора и т.д.), в словообразовании – различные аффиксы, в лексике – особые разряды слов, в синтаксисе – порядок слов, повторы, особые конструкции и т.д.

Имея в виду его многоплановый характер, понятие экспрессивности, в том числе в художественном тексте, трактуется по-разному в научной литературе по данному вопросу. Подходы к этому понятию отличаются друг от друга разным представлением об его объёме. В более узком понимании понятие экспрессивности часто отождествляется с оценочными свойствами речи¹¹, дополнительными смысловыми оттенками, которые примешиваются к основным значениям¹² и др. В широком понимании

¹⁰ Барлас А.Г., *Русский язык. Стилистика*, Москва, 1978, с. 119.

¹¹ Ефимов А.И., *Стилистика художественной речи*, Москва, 1961, с. 104.

¹² Васильев Л.М., *К вопросу об экспрессивности и экспрессивных средствах*, в книге: *Славянский филологический сборник*, Уфа, 1962, с. 108.

экспрессивность определяется как особая категория речи, содержанием которой являются эмоциональная, оценочная, образная, поэтично-эстетическая, динамическая и стилистически окрашенная ее разновидности¹³.

Огромный потенциал выразительных или образных средств языка проявляется, ярко выступает на первый план в периоды "крутых поворотов" в развитии художественной литературы или тогда, когда имеем дело с писателями, которые как бы выходят из общего потока литературного процесса. Таким периодом в истории русской литературы можно считать первые десятилетия XX-ого века, когда, как известно, существовало множество литературных школ и группировок. В подобных обстоятельствах появляются и определённые "крайности" в создании художественных текстов.

В этом смысле, чрезвычайно оригинальным образом использовали в своих текстах языковые (звуковые) средства русские футуристы, кубофутуристы и представители орнаментальной прозы. Общеизвестно, что футуристы хотели создать т.н. заумный язык, заумь, своего рода язык будущего, общий язык для разных народов и культур. В.Хлебников пытался обнаружить какие-то общие законы прямой взаимосвязи звучания и смысла. Именно поэтому особую роль в своих текстах они уделяли звукоподряжаниям и ритмически организованным звукам для изображения того или иного явления. В качестве примеров можно привести много образцов из произведений В.Хлебникова, А.Кручёных, В.Каменского, Б.Пильняка и многих других русских писателей указанного выше периода, в которых они применяли эксперименты, связанные с выразительными возможностями звукового уровня языка. Например, в стихотворении *Жонглёр* В.Каменский передаёт быстроту, ловкость, смену и даже шум разнообразных ритмических движений, совершаемых жонглёрами:

*"Згара – амба
Згара – амба
Згара – амба
Амб
Шар, шор, шур, шир
Чин, драх, там, дззз."*¹⁴

Однако следует подчеркнуть, что все экспрессивные возможности языка проявляются в полной мере только на синтаксическом уровне текста. И звуковая ритмика из приведённого стихотворения В. Каменского реализуется на этом уровне. К. А. Тимофеев справедливо

¹³ Сковородников А.П., *Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка*, Томск, 1981, с. 12.

¹⁴ См.: *Краткая литературная энциклопедия*, том 2, Москва, 1964, с. 1000.

считает, что "экспрессивные средства языка всех уровней синтаксичны. Все они реализуются в предложении"¹⁵. На синтаксическом уровне экспрессивность может выражаться двояким способом: при помощи средств языка, не связанных с определенными материальными показателями (имеем в виду здесь интонацию, словопорядок, номинативные предложения, эллипсис и др.), и при помощи специальных экспрессивных синтаксических конструкций, имеющих материальное оформление (сюда относятся парцеллированные и сегментированные конструкции, повтор, рифма и др.).

В отличие от других уровней, синтаксический уровень языка предоставляет писателю самые широкие возможности для выбора конструкций, способных передать нужное содержание. Именно синтаксис предоставляет ясность, связность, целостный характер любому тексту, в том числе художественному. При помощи синтаксических конструкций легко выражаются вкусы писателя, его эстетическое воззрение, влияние литературной школы и многое другое. Синтаксическая организация текста, в отличие от других уровней языка, оказывает таким образом более сильное воздействие на читателя или слушателя, то есть на воспринимающего текст.

Необходимо также отметить, что синтаксическая структура текста – очень сложная организация, включающая единицы разного порядка – от словосочетания до сложного синтаксического целого или даже самого текста¹⁶. Таким образом, при лингвостилистическом анализе любого типа текста нельзя органичиваться "традиционными" синтаксическими единицами (словосочетанием и предложением), а необходимо учитывать связность текста в целом, имея в виду единицы крупнее, чем предложение¹⁷.

В специальной литературе экспрессивные синтаксические явления вообще исследованы неравномерно, изолированно, иногда вне связи друг с другом, часто только с точки зрения их структурной организации, а не в стилистически-экспрессивном аспекте. В работах последних нескольких десятилетий, посвященных этому вопросу, экспрессивные синтаксические конструкции представлены в виде явлений, не составляющих какой-либо системы, или включаются в описание языковых признаков отдельных функциональных стилей¹⁸.

¹⁵ Тимофеев К.А., *Об экспрессивных средствах синтаксиса русского языка*, в сб. *Экспрессивность на разных уровнях языка. Межвузовский сборник научных трудов*, Новосибирск, 1984, с. 3.

¹⁶ Мазилова А.Ю., *Лингвистический анализ художественного текста*, Ярославль, 1988, с. 56.

¹⁷ Солганик, Г.Я., *Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое)*, Москва, 1973, с.12-20.

¹⁸ Панфилов, А.Е., *Лекции по стилистике русского языка*, Москва, 1972, с. 104.

В монографии *Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка* А.П.Сковородников сделал попытку представить ряд экспрессивных синтаксических явлений (эллипсис, усечение, повтор, парцелляцию и др.) и "в их структурно-функциональной противопоставленности и целостности, т.е. с позиции системного подхода"¹⁹. Автор указанной монографии считает, что экспрессивные синтаксические конструкции могут быть выделены в "особую микросистему синтактико-стилистического подуровня, представляющую собой одно из слагаемых указанного подуровня и обладающую своей специфической структурой"²⁰. Перечисленные синтаксические конструкции используются преимущественно в художественных текстах, но встречаются и в текстах газетно-публицистического стиля.

В книге *Очерк функционального синтаксиса русского языка* Г.А.Золотова считает, что синтаксические единицы обладают "своим типовым значением" и в то же время выполняют "дополнительные речевые функции", включающие экспрессивно-оценочные (факультативные), речевые особенности которых могут быть и "окказиональными, индивидуальными"²¹. Именно такой окказиональный и индивидуальный характер использования языковых единиц проявляется главным образом в художественных текстах.

Другими словами, экспрессивные синтаксические конструкции служат в художественном тексте для выражения индивидуальной субъективной авторской оценки в отношении описываемого. Для этого писатели используют всё обилие выразительных средств на синтаксическом уровне, имеющиеся в современном русском литературном языке.

В письменную русскую речь, особенно в художественные тексты широко проникают конструкции разговорной речи, чаще всего в несколько переработанном виде. Под влиянием разговорной речи увеличивается продуктивность в письменных жанрах примыкающих конструкций, характеризующихся известной фрагментарностью.

Под воздействием устно-разговорной стихии начала XX-го века начинают широко употребляться в письменной речи так называемые парцеллированные конструкции, ведущие к сегментации высказывания. Тенденция к употреблению подобных конструкций продолжается до наших дней в художественной литературе и, главным образом, в публицистике.

¹⁹ Сковородников А.П., *Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка*, с. 5.

²⁰ Там же, с.8

²¹ Золотова Г.А., *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва, 1973, с. 331-332.

Другая тенденция в развитии экспрессивного синтаксиса русского языка проявляется в активизации конструкций с именительным темой. Если при парцелляции художественный текст, высказывание можно расчленить на сколько угодно частей, то при сегментации высказывания он расчленяется на две противостоящие друг другу части, между которыми устанавливается тесная взаимная связь. Например: "Слово! Язык! Об этом нужно писать не короткие статьи, а страстные воззвания к писателям, обширные монографии, тончайшие исследования" (К.Паустовский, *Поэзия прозы*). Подобные конструкции широко употребляются как в авторской речи произведений художественной литературы, так и в публицистике, в жанрах научно-популярной литературы, находящихся на границе между художественным и нехудожественным видами текста.

Происходит расширение сферы применения номинативных предложений. Они также широко используются в художественной прозе, причем в очень большом количестве, что также придает тексту характер разорванности; они используются также в большом количестве в жанре киносценария с целью создания зрительно осязаемой картины. Использование номинативных предложений, а также необычных сочетаний слов, опирающихся не только на реальную связь предметов, но и на ассоциативную связь, которая устанавливается между ними, является характерным признаком для русской орнаментальной прозы первых десятилетий XX-го века²².

В итоге следует ещё раз подчеркнуть тот факт, что все перечисленные синтаксические конструкции характеризуются высокой степенью экспрессивности. Их назначение – передать слушателю (адресату) ту или иную информацию в её основной сущности и в наглядной непосредственности. Эта функция выполняется путём лаконизации высказывания. Отсюда – тесное взаимодействие этих конструкций, их скрещивание, совмещение в одном и том же контексте²³. Активизация подобных конструкций в первые и последующие десятилетия XX-го века в художественных текстах, вызванная "потребностями языковой экспрессии, – признак уже, очевидно, определившейся в нашем языке тенденции к переходу их из разряда периферийных синтаксических построений в разряд конструкций, представляющих синтаксическую систему современного русского литературного языка"²⁴.

²² Кожевникова Н.А., *Из истории языка советской литературы (Язык орнаментальной прозы)*, в кн.: *Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния*, Москва, 1978, с. 136.

²³ Подробнее о некоторых экспрессивных синтаксических явлениях в художественном тексте см. также: Iurac S., *Probleme de teoria și practica textului (Очерки по теории и практике текста)*, EUB, 2000.

²⁴ *Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*, под ред. М.В.Панова, 1968, с. 343.

В настоящей статье были представлены, в сжатом виде, лишь самые общие специфические признаки художественного текста, отличающие его от других типов текста. Исследование экспрессивных средств текста, их воплощения в языковом плане позволяет выявить более скрытые на первый взгляд стороны замысла писателя, лучше понять не только его творческую манеру, но и литературный процесс соответствующего периода в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин М., *Вопросы литературы и эстетики*. Москва 1975.
- Бахтин М., *Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве*, в книге: Бахтин М., *Литературно-критические статьи*, Москва, 1986.
- Барлас А.Г., *Русский язык. Стилистика*, Москва, 1978.
- Валгина Н.С., *Теория текста*, Москва, "Логос", 2003.
- Васильев А.М., *К вопросу об экспрессивности и экспрессивных средствах*, в кн.: *Славянский филологический сборник*, Уфа, 1962.
- Виноградов В.В., *Литературный язык и язык художественной литературы*, ВЯ, 1955, 4, с. 4.
- Гальперин И.Р., *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва, 1981.
- Горшков А.И., *Русская стилистика*, Москва, 2001.
- Ефимов А.И., *Стилистика художественной речи*, Москва, 1961.
- Золотова Г.А., *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва, 1973.
- Исследования по теории текста. Реферативный сборник*, Москва, 1979.
- Кожевникова Н.А., *Из истории языка советской литературы (Язык орнаментальной прозы)*, в книге *Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния*, Москва, 1978.
- Лотман Ю.М., *Структура художественного текста*, Москва, 1970.
- Мазилова А.Ю., *Лингвистический анализ художественного текста*, Ярославль, 1988.
- Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*, под ред. М.В.Панова, Москва, 1968.
- Панфилов А.Е., *Лекции по стилистике русского языка*, Москва, 1972.
- Семантические и коммуникативные категории текста. (Типология и функционирование). Тезисы докладов всесоюзной научной конференции*. Ереван, 19-21 ноября 1990г.
- Сковородников А.П., *Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка*, Томск, 1981.
- Солганик Г.Я., *Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое)*, Москва, 1973.
- Тимофеев К.А., *Об экспрессивных средствах синтаксиса русского языка*, в сб. *Экспрессивность на разных уровнях языка. Межвузовский сб. научных трудов.*, Новосибирск, 1984.
- Щерба Л.В., *Спорные вопросы русской грамматики*, РЯШ, 1939, 1, с. 10.

Щерба Л.В., *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград, 1974.

Cornea, Paul, *Introducere în teoria lecturii*, Editura Minerva, București, 1988.

Fodor, Ecaterina, *Elemente de stilistică a limbii ruse (Очерки по русской стилистике)*, București, 1980.

Irimia, Dumitru, *Structura stilistică a limbii române contemporane*, București, 1986.

Iurac Simion, *Probleme de teoria și practica textului (Очерки по теории и практике текста)*, EUB, 2000.

Pentru o teorie a textului, Editura "Univers", București, 1980.

Vasiliu, Emanuel, *Introducere în teoria textului*, Editura Științifică, București, 1990.

ABSTRACT

Artistic Text – The Supreme Form of Language Functionality

The present work analyzes a series of theoretical problems regarding the artistic text and its main characteristics. As a supreme form of manifestation of the national language, the artistic text represents a sort of “alloy” that consists of linguistic units belonging to all the functional styles of a language, since it can practically make use of any element of these styles. Besides, in order to fulfill his purpose, the author of an artistic text uses a large scale of means of expression, specific to all the levels of a language (the phonetic, lexical, morphologic and mainly syntactical levels). Also, the artistic text allows deviations from the linguistic norms, but only when these deviations are justified by their aesthetical function.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Йоланта ХОМКО
Белосток, Польша
Jchomko@interia.pl

Ключевые слова: *неологизмы, метафора*

Язык как сложная динамическая система находится в постоянном движении и совершенствовании. Именно поэтому один из центральных вопросов в лингвистической литературе – это вопрос о языковой изменчивости, представляющей собой постоянное качество языка. Наиболее ярким свидетельством динамического характера языка является его способность непрерывно обогащать свой номинативный фонд новыми единицами. Этот процесс определяет развитие языка и, прежде всего, эволюцию его лексико-семантической системы. Естественно, что именно в лексико-семантической системе особенно заметно отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Появление в языке новых слов, значений и сочетаний связано с производственной и общественной деятельностью человека, работой человеческого сознания, бесконечным познавательным процессом. Возникновение новых номинаций, отмечает Н.З. Котелова¹⁷⁸, как ответ на социальный запрос, как результат познавательно-прогрессивного мира – главная движущая сила неологизации во всех языках и на всех этапах его развития. Таким образом, развитие лексико-семантической системы языка во многом определяется экстралингвистическими факторами – внеязыковой действительностью, социальными потребностями, «даже сознательным научным воздействием, психологической установкой, воспитанием»¹⁷⁹.

Наиболее продуктивным способом появления семантических новообразований является внутрисловная семантическая деривация (или лексико-семантическое словообразование, вторичная номинация), состоящая в переосмыслении слов, использовании уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. Особенностью данного словообразовательного типа является наличие обязательных иерархических отношений между новым и исторически предшествующим значением слова, выступающим в качестве прототипа, мотивирующей основы

¹⁷⁸ Котелова Н.З., *Предисловие*, (в:) *Словарь новых слов русского языка* (сер. 50-х – сер. 80-х годов), Санкт-Петербург 1995, с. 4.

¹⁷⁹ Костомаров В.Г., *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, Москва 1994, с. 217.

семантической инновации. Связи между новым и исторически предшествующим значением основываются на семантической мотивированности, выводимости одного (нового) из другого (исходного) и «в системе языка оказываются повторяющимися, типичными, закономерными»¹⁸⁰. Именно осознание типичности, повторяемости, пропорциональности связей значений создаёт эффективность и продуктивность семантической деривации.

Наиболее продуктивным типом лексико-семантического словообразования неологизмов является метафора. Семантические неологизмы, возникшие в результате метафоризации, по своей функциональной значимости неоднородны. Среди них выделяются две разновидности: 1) новые значения, обусловленные необходимостью номинации новых реалий и понятий, возникших в объективной действительности, или потребностью переименования уже существующих объектов реального мира и 2) новые значения, обусловленные потребностью эмоционально-экспрессивного обновления лексики. В связи с подобным функциональным различием можно выделить два вида метафорически возникших новых значений – номинативно-когнитивную метафору и экспрессивную метафору.

Объектом исследования в настоящей работе является номинативно-когнитивная метафора, которая проходит через стадию образа. Как любой тип метафоры, она создаётся на ассоциативно-образной основе и во время своего возникновения и первоначального функционирования осознаётся как семантически двуплановое образование. В ней присутствует как внутренняя форма семантический компонент (или компоненты) исходного значения. При этом создание образности не является главной целью номинативно-когнитивной метафоры. «Образ, который она даёт языку (...) в сущности не нужен. Слово стремится от него освободиться»¹⁸¹. В процессе функционирования метафоры в языке её образ угасает, она освобождается от семантической двойственности. Функция номинации, направленная на отражение мира как объективного данного, не совмещается с субъективно ориентированным восприятием действительности. С этим связана, как правило, экспрессивная нейтральность данного вида метафорического значения.

Метафорический перенос может быть основан на сходстве внешнего вида, размеров, величины предметов и явлений. Значительный ряд семантических дериватов, относящихся к этой группе слов, представляет собой названия фасонов и моделей одежды, сумок, а также видов каких-либо явлений и предметов.

¹⁸⁰ Смирницкий А.И., *Лексикология английского языка*, Москва 1956, с. 162.

¹⁸¹ Арутюнова Н.Д., *Функциональные типы языковой метафоры*, (в:) Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., т. 37, 1978, № 4, с. 333.

Самым продуктивным мотивирующим значением, на базе которого образовалось пять семантических неологизмов, является существительное **банан**¹⁸² – 1. Юбка, нередко сшитая из разноцветных клиньев и напоминающая банан; 2. (мн. ч.) Брюки, имеющие мягкие складки у талии и суживающиеся к низу; 3. Модель небольшой женской сумки, удлинённой формы; 4. Модель слегка согнутого, удлиненного зажима для волос; 5. Тип шеста (спортивного снаряда), имеющий изгиб для прыжков в высоту.

Все перечисленные новые значения лексемы возникли в результате метафоризации существительного **банан** в значении – продолговатый мучнистый ароматный плод с толстой кожурой (БАС, т. 1, с. 264). Перенос основан на сходстве внешней формы („продолговатый”, „изогнутый”, „удлинённый”), а при образовании значения **банан** – юбка сходство внешней формы сопровождается сходством цвета (ср.: жёлтый плод – разноцветные яркие клинья).

Внешнее подобие лежит в основе возникновения новых значений у лексических единиц **морковка** – 1. Модель брюк, свободных в верхней части и зауженных внизу; 2. Модель утолщенного каблука, суживающегося в нижней части, и **вермишель** – мыло в форме тонких нитей, напоминающих вермишель.

В результате внешнего сходства формы, а также размеров предметов формируются метафорические значения у существительных **таблетка** – модель женской шляпки (круглой формы, невысокой), **баул** – модель продолговатой, округлой, небольшой женской сумки.

Следующая группа семантических инноваций рассматриваемого типа метафорического переноса функционирует преимущественно в профессиональной речи. Каждая из перечисленных ниже лексем – результат метафоризации общеупотребительного слова на основе внешнего сходства предметов и явлений, употребляющихся в быту, с одной стороны, и относящихся к какой-либо специальной области деятельности, с другой стороны. Часто это сходство носит условный характер, и метафорический перенос происходит на основе общего внешнего впечатления: **полотенце** – полотно из листовой стали, используемое для поддержки труб при укладке, **карандаш** – внутренняя часть бревна, оставшаяся после лущения (срезания слоя древесины в виде непрерывной ленты с вращающегося отрезка ствола дерева), **чулок** – длинная труба, изготовленная из эластичной

¹⁸² Неолексемы для анализа были извлечены из следующих источников: *Большой толковый словарь русского языка*, под ред. С.А. Кузнецова, Санкт-Петербург 2000; *Краткий словарь современных понятий и терминов*, под ред. В.А. Макаренко, Москва 1993; *Новое в русской лексике. Словарные материалы* – 80 (81, 82, 83, 84), под ред. Н.З. Котеловой, Москва 1984-1989; *Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов)*, под ред. Н.З. Котеловой, Санкт-Петербург 1995; В.И. Максимов и др., *Словарь перестройки* (1985-1992), Санкт-Петербург 1992.

синтетической ткани, предназначенная для эвакуации людей с верхних этажей при пожаре, **свеча** – о выделяющейся, самой высокой части архитектурного комплекса, **карман** – участок дороги, представляющий собой расширение вправо её проезжей части и предназначенный для остановок, стоянки транспортных средств, **коридор** – участок железной дороги, по которому возможно движение лишь в основном направлении, без маневренности по обходным путям, **груша** – вздутие на защитной оболочке кабеля, **бочка** – временка для строителей, по форме напоминающая бочку.

Метафорический перенос может быть основан на сходстве функций. К неолексемам этого типа принадлежит слово **пираты** (обычно мн. ч.) – лица, занимающиеся незаконным использованием интеллектуальной собственности с целью извлечения прибыли (в издательском деле, выпуске пластинок, кассет и т.п.). Процессу актуализации в исходном значении существительного при метафорическом процессе подвергаются дифференциальные семы „ограбление”, „присвоение чужой собственности”, которые в трансформированном виде сохраняются в новом значении. Вероятно, в момент своего возникновения и первоначального употребления данное метафорическое значение обладало яркой экспрессией за счёт наглядности, образности его внутренней формы. Однако, возникнув сравнительно недавно, к настоящему времени лексема, утратив свою образность, функционирует в языке в качестве экспрессивно нейтральной номинации явления, имеющего место в жизни общества.

К неолексемам этого типа относится также существительное **челнок** – 1. Космический корабль, совершающий рейсы в двух направлениях; 2. Название человека, занимающегося коммерческим туризмом. В качестве прототипа первого значения можно рассматривать два исторически предшествующих значения существительного челнок – 1. Небольшой челн (лёгкая лодка-одноднёвка), лодка вообще; 2. Деталь в швейной машине (или ткацком станке) с двуниточным швом, подающая нижнюю нить (БАС, т. 17, с. 819). Метафорический перенос основан на актуализации в любом из двух исходных значений коннотативных сем „многократное, регулярное движение”, „движение в двух направлениях туда – обратно”. В новом значении происходит замена архисемы (лодка → космический корабль, равновероятно механизм машины → космический корабль) и трансформация актуализированных коннотативных сем в дифференциальные семы нового значения. Второе новое значение можно рассматривать как результат метафорического переноса, аналогичного переносу при образовании предшествующего значения от одного из двух прототипов. Возможно также появление второго нового значения на базе первого (челнок – космический корабль). В таком случае в

качестве внутренней формы следует рассматривать дифференциальный компонент „многократно совершающий рейсы в двух направлениях”.

В результате метафорического переноса, основанного на сходстве функций, образовались также следующие инновации: **предшественник** – о предыдущем варианте, старой модели чего-либо, **спутник** – о филиале промышленного предприятия, **мост** – о звуковой связи двух далеко удалённых друг от друга объектов, **болванка** – заготовленный заранее шаблонный текст, используемый в разных случаях.

Основой метафорического переноса может быть сходство принципа внутреннего устройства. На этой основе образовалось новое значение существительного **горизонталь** – взаимосвязь, производственные отношения между предприятиями (организациями, учреждениями), непосредственно подчинённые одному ведомству. Исходное значение лексемы **горизонталь** – линия, соединяющая на карте, плане точки местности, лежащие на одной высоте (БАС, т. 3, с. 292). В качестве внутренней формы нового значения выступает актуализированный дифференциальный компонент „находящийся на одной высоте”, т.е. „равноправные между собой” (ср. „подчинённые одному ведомству” в новом значении).

Метафорический перенос может основываться на сходстве принципа внутреннего устройства и функций. Примером, возникшим в результате такого процесса, является неолоксема **парашют** – устройство для спуска в колодец с целью его специального обследования. Исходное значение существительного **парашют** – аппарат в виде раскрывающегося в воздухе большого зонта для прыжка или спуска груза с самолёта (БАС, т.9, с. 180). Метафорический перенос основан на сходстве принципа устройства двух предметов („сплетение, сцепление ремней”) и сходстве их функционального предназначения („устройство для спуска”).

Приведённый выше анализ позволяет сделать вывод, что метафорические неологизмы занимают важное место в обогащении современного русского языка. Они касаются многих сфер жизни и употребляются не только для называния предметов и явлений повседневной жизни, но выступают также в качестве специальных терминов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арутюнова Н.Д., *Функциональные типы языковой метафоры*, (в:) Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., т. 37, 1978, № 4, с. 333-334.

БАС – *Словарь современного русского литературного языка*, в 17-ти т., Москва-Ленинград, 1950-1966.

Большой толковый словарь русского языка, под ред. С.А. Кузнецова, Санкт-Петербург, 2000;

Костомаров В.Г., *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, Москва, 1994.

Котелова Н.З., *Предисловие*, (в:) *Словарь новых слов русского языка* (сер. 50-х – сер. 80-х годов), Санкт-Петербург, 1995, с. 4-13.

Краткий словарь современных понятий и терминов, под ред. В.А. Макаренко, Москва, 1993;

Максимов В.И. и др., *Словарь перестройки (1985-1992)*, Санкт-Петербург, 1992.

Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80 (81, 82, 83, 84), под ред. Н.З. Котеловой, Москва, 1984-1989;

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов), под ред. Н.З. Котеловой, Санкт-Петербург, 1995;

Смирницкий А.И., *Лексикология английского языка*, Москва, 1956.

ABSTRACT

Metaphorical Neologisms in Modern Russian

Metaphorical neologisms play a crucial role in the process of modern Russian lexicon enrichment. They refer to many aspects of life, serve to name objects and phenomena connected with everyday life, and are used as terms.

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПОРОЖДЕНИЯ БЕЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Елена ГВОЗДОВИЧ
Минск, Беларусь
anadiomena@inbox.ru

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, способы перевода, суффиксальное словообразование, теория перевода

В нашей статье мы рассмотрим отдельную группу английских безэквивалентных лексических единиц по отношению к русскому языку, на возникновение которой повлияло несовпадение суффиксальных словообразовательных процессов в исходном языке и языке перевода. В большинстве случаев английские суффиксы имеют эквивалентные суффиксы в русском языке, с помощью которых образуется русское однословное соответствие английской лексической единице. Однако подобное наблюдается не всегда. Данное явление может объясняться валентностными характеристиками русских и английских суффиксов.

Некоторые лексические единицы не фиксируются переводными словарями, что вызывает трудности при их переводе. В нашем исследовании был использован Новый англо-русский словарь Мюллера В.К. М., 2002, а также Dictionary of Contemporary English. / редкол.: Della Summers (гл.редактор) [и др.]. – 3-е изд. – Barcelona: Longman Dictionaries, 1995.

1. Английский суффикс **-less** имеет значение 'without'¹⁸³, с его помощью от существительных образуются прилагательные со значением 'лишенный, не имеющий чего-либо'. В русском языке возможно образование прилагательных, эквивалентных английским прилагательным с суффиксом **-less**, однако русские эквиваленты будут уже с приставками **без-**, **не-**: hairless – безволосый, doubtless – несомненный. К тому же, это возможно не всегда. Имеют место случаи, когда у английского существительного есть однословный эквивалент в русском языке, а производное от него английское прилагательное с суффиксом **-less** безэквивалентно:

*She smiled through her **rimless** spectacles¹⁸⁴. – Из-под очков **безоправы** смотрели улыбающиеся глаза¹⁸⁵.*

¹⁸³ Учебный словарь современного английского языка / под ред. Хорнби. – М.: АСГ, 2001. – с. 1557.

¹⁸⁴ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – с. 13.

Rim – the outside edge of something circular, **rimless** – adj..

Rim – ободок, край; оправа.

Rimless – не имеющий обода или оправы.

Автор перевода передает значение английского прилагательного *rimless* существительным с предлогом. В переводном словаре рассматриваемой лексической единице соответствует описание.

2. Суффикс **-ful** в английском языке имеет два значения: 1- 'full of, having the quality of'; 2 – 'amount that fills'¹⁸⁶, т.е. 1 – 'полный чего-либо, имеющий качество чего-либо'; 2 – 'количество, которое вмещается во что-либо'. Английские лексические единицы с суффиксом **-ful**, употребленном в любом из значений, могут не иметь однословного эквивалента в русском языке и в словаре передаваться при помощи описания. Встречая подобные слова в тексте, переводчик может прибегнуть к трансформациям.

1) Опускание английской лексической единицы:

a. *Patrick slowly came round and looked at the **roomful** of people in a dazed way*¹⁸⁷. – Он медленно приходил в себя, блуждая отрешенным взглядом по лицам гостей¹⁸⁸.

Room – a part of the inside of a building that has its own walls, floor and ceiling.

Room – комната.

Roomful – a large number of things or people that are all together in one room.

Roomful – полная комната (людей, гостей и т.п.).

b. *Alice took her **mouthful** of omelette at slow motion to denote reflectiveness, although she knew the answer*¹⁸⁹. – Медленным движением, обозначавшим задумчивость, Эллис принялась за омлет; ответ, впрочем, был у нее наготове¹⁹⁰.

Mouthful – an amount of food or drink that you put into your mouth at one time.

Mouthful – полный рот (чего-л.).

2) Опускание части лексического развертывания, данного в переводном словаре:

*Freda then collapsed with a thud on the floor, where she continued her sobbing, her legs moving as in **remorseful** pain*¹⁹¹. – Фрида

¹⁸⁵ Спарк, М. Холостяки / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992. – с. 109.

¹⁸⁶ Учебный словарь современного английского языка / под ред. Хорнби. – М.: АСГ, 2001. – с. 1555

¹⁸⁷ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – с. 40.

¹⁸⁸ Спарк, М. Холостяки / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992. – с. 133.

¹⁸⁹ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – с. 24.

¹⁹⁰ Спарк, М. Холостяки / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992. – с. 119.

¹⁹¹ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – с. 40.

грохнулась об пол и там, продолжая всхлипывать, словно в судорогах **раскаяния**, сучила ногами¹⁹².

Remorse – a strong feeling of being sorry that you have done something very bad.

Remorse – раскаяние.

Remorseful – feeling or expressing remorse.

Remorseful – полный раскаяния, сожаления.

В приведенном примере переводчик опускает прилагательное **полный**, которое в словосочетании **полный раскаяния** соответствует английскому суффиксу **-ful**.

3. Английский суффикс -ship имеет значение 'state of being, status, office'¹⁹³ (состояние существования, положения, должности). Существительного **mediumship** (как и некоторых других, например, *musicianship*) нет в англо-русских словарях, однако при сопоставлении перевода лексических единиц *professorship* – профессорство, *presidentship* – президентство, обозначающих должность, род деятельности, можем сделать вывод, что английский суффикс **ship** соответствует русскому **-ство**, который присоединяется не ко всем существительным со значением профессии. По этой причине однословно перевести английское **mediumship** на русский язык не представляется возможным и в тексте используется русский эквивалент английского существительного без суффикса:

These messages from your late husband through the **mediumship** of Seton contained practical advice?¹⁹⁴ – В сообщениях, которые **медиум** Сетон передавал вам от вашего покойного мужа, содержались какие-либо практические советы?¹⁹⁵

Medium – someone who claims to have the power to receive messages from the spirits of the dead.

Medium – медиум (у спиритов).

4. При помощи суффикса -er в английском языке образуются отглагольные существительные, обозначающие 'person who carries out the action of the verb'¹⁹⁶ (человека, выполняющего действие, выраженное глаголом). Таким существительным не всегда находится однословный эквивалент в русском языке и в словаре они обычно передаются при помощи экспликации.

¹⁹² Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – СПб., 1992. – с.134.

¹⁹³ Учебный словарь современного английского языка / под ред. Хорнби. – М.: АСГ, 2001. – с. 1559.

¹⁹⁴ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – с. 192.

¹⁹⁵ Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – СПб., 1992. – с.274.

¹⁹⁶ Учебный словарь современного английского языка / под ред. Хорнби. – М.: АСГ, 2001. – с. 1555.

В тексте переводчик может использовать такие трансформации, как, например, целостное переосмысление высказывания:

She's a great **saver**, is Dixie¹⁹⁷. – Она над каждой копеечкой трясется, Дикси-то¹⁹⁸.

Save – to use less money, time energy etc so that you do not waste any.

Save – откладывать, копить.

Saver – someone who saves money in a bank.

Saver – бережливый человек.

Несмотря на то, что в англо-русском словаре существительному *saver* дается описательный перевод, автор перевода текста его избегает, так как оно не вписывается по стилю в данный контекст. Семантику, выраженную английским существительным, он передает стилистически сниженной, однако подходящей в данном случае по смыслу, развернутой фразой.

5. Английские сложные слова с суффиксом –er:

Freda Flower has been a **trouble maker**¹⁹⁹. – Вечно из-за нее всякие неприятности ²⁰⁰.

Troublemaker – someone who deliberately causes problems, especially by complaining or making people argue with each other.

Troublemaker – нарушитель спокойствия, порядка; смутьян.

Русское смутьян не является полноценным эквивалентом английского *troublemaker*, так как не полностью совпадает с ним семантически (смутьян – разг., неодобр. – тот, кто вносит смуту, раздоры²⁰¹) и относится к разговорному стилю речи, тогда как английская лексическая единица обозначает 'тот, кто намеренно доставляет проблемы, особенно жалуясь и ссоря людей' и относится к нейтральному стилю речи.

В тексте автор перевода использует целостное переосмысление высказывания.

6. Имеют место случаи, когда русская лексическая единица, соответствующая английской с суффиксом –er возникла по аналогии с другими словами, однако не все словари ее фиксируют:

Any relation to Fergie Dougal **the golfer**²⁰² – Состоите в каком-нибудь родстве с Ферджи Дугалом, **игроком в гольф**²⁰³

¹⁹⁷ Spark, M. *The Ballad of Peckham Rye*. / M. Spark. – Penguin Books, 1963, с. 49.

¹⁹⁸ Спарк, М. *Баллада о предместье* / М. Спарк // *На публику*. – М., 1971. – с. 57.

¹⁹⁹ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – с. 149.

²⁰⁰ Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992. – с.232.

²⁰¹ Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. – 15-е изд., стереотип. – М.: «Русский язык», 1984, с. 655.

²⁰² Spark, M. *The Ballad of Peckham Rye*. / M. Spark. – Penguin Books, 1963, с. 68.

Golf – a game in which the players hit a small white ball into the holes in the ground with a set of golf clubs using as few hits as possible, **golfer** – n.

Golf – гольф, играть в гольф.

Golfer – игрок в гольф.

Русское однословное соответствие гольфист английскому golfer нами было найдено лишь в Русском орфографическом словаре под редакцией В.В.Лопатина. Более распространенным является словосочетание игрок в гольф.

7. Английский суффикс **-ness** образует существительное, обычно присоединяется к прилагательному или наречию, имеет значение 'a quality, state, character'²⁰⁴ (качество, состояние, характеристика) и чаще всего соответствует русскому суффиксу **-ость**. По каким-то причинам иногда в русском языке невозможно образовать однословный эквивалент английской лексической единицы с суффиксом **-ness**. Подобные слова не всегда фиксируются переводными словарями и в этом случае их можно найти только в толковых словарях английского языка. По этой причине автор перевода текста может изменить всю конструкцию предложения для передачи семантики слов рассматриваемого типа, то есть использовать прием целостного переосмысления высказывания:

a. One expected **worldliness** from Mr Fergusson²⁰⁵. – Многие полагают, что люди типа Фергюссона поглощены лишь земными заботами²⁰⁶.

Worldly – connected with ordinary daily life rather than spiritual or religious ideas. – **worldliness** n..

Worldly – мирской, земной.

b. Twice within fourteen years he was arrested for **drunkenness** while staggering along the streets towards a chemist's shop²⁰⁷. – За последние четырнадцать лет его дважды арестовывали за **появление в пьяном виде**, когда он, шатаясь, брел к аптеке²⁰⁸.

Drunken – drunk or showing that that you are drunk – **drunkenness** n.

Drunken – пьяный.

²⁰³ Спарк, М. Баллада о предместье / М. Спарк // На публику. – М., 1971, с. 75.

²⁰⁴ Учебный словарь современного английского языка / под ред. Хорнби. – М.: АСГ, 2001, с. 1558.

²⁰⁵ Спарк, М. *The Bachelors* / М. Спарк. – Penguin Books, 1963. – с. 57.

²⁰⁶ Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992. – с.149.

²⁰⁷ Спарк, М. *The Bachelors* / М. Спарк. – Penguin Books, 1963. – с. 16.

²⁰⁸ Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992. – с.113.

Перевести данное существительное русским однокоренным пьянство нельзя, так как у английской лексической единицы другое значение, оно должно быть производным от прилагательного, а существительное пьянство переводится как inebriety, inebriation, intoxication.

8. Английский суффикс **-ist** – многозначен. Для нас наибольший интерес представляет лишь одно из его значений: ‘person concerned with a specific activity or thing’. Его русским соответствием является суффикс **-ист-**. Когда в русском языке невозможно образовать существительное с этим суффиксом, прибегают к описательному переводу: tobacconist – торговец табачными изделиями. При переводе художественного текста для передачи существительного с суффиксом **-ist-** описание, данное в переводном словаре для этой лексической единицы, может быть разбито и использоваться не компактно, а в разных частях предложения или в разных предложениях:

Patrick spoke to the **receptionist** from the telephone kiosk with a courteous smile, as if she could see him²⁰⁹. – Из телефонной будки Патрик позвонил в **приемную доктора**. Он так учтиво улыбался, разговаривая с его **секретаршей**, словно та могла его видеть²¹⁰.

Reception – the desk or office where visitors arriving in a hotel or large organization go first; the area around or in front of this desk or office.

Reception – прием.

Receptionist – someone whose job is to welcome and deal with people arriving in a hotel or office building, visiting a doctor etc.

Receptionist – секретарь в приемной (у врача, фотографа и т.д.).

В англо-русских переводных словарях, которыми мы пользовались, не дается лексической единицы ресепшен в качестве перевода комбинированным способом транскрипции и транслитерации английского слова reception, хотя в одном из значений английской лексической единицы это было бы уместно: «reception – стол или офис, куда посетители, приезжающие в гостиницу или большую организацию идут в первую очередь». Неологизм ресепшен не зафиксирован большинством словарей, однако широко используется в средствах массовой информации и в речи. Что касается лексической единицы receptionist, то ее перевод лучше осуществлять описательным способом.

9. Английский суффикс **-ridden** имеет два значения: ‘1. feeling too much or of strong emotion; 2. too full of something’. В переводном

²⁰⁹ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – с. 60.

²¹⁰ Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992, с. 151.

словаре дается только одно значение ‘-ridden – в сложных словах означает во власти (чего-л.); одержимый (чем-л.)’. Согласно английскому толковому словарю, у этого суффикса есть еще значение ‘слишком полон чего-либо’. При помощи суффикса **-ridden** от существительных образуются прилагательные, безэквивалентные в русском языке. В переводном словаре оно передается описательно, а в тексте происходит замена глаголом, имеющим схожий смысл с английской лексической единицей, то есть используется приблизительный перевод:

*Your mother will be **bedridden** before long...*²¹¹ – *Вот **сляжет** скоро твоя мать...*²¹²

Bedridden – unable to leave your bed, especially because you are old or ill.

Bedridden – прикованный к постели болезнью.

Таким образом, одной из причин существования английских безэквивалентных слов может быть несоответствие словообразовательных процессов английского и русского языка, а также различие в валентностных характеристиках суффиксов обоих языков. Способы перевода безэквивалентных лексических единиц рассматриваемого типа могут отличаться в переводном словаре и художественном тексте. В переводном словаре используется экспликация, либо лексическая единица вовсе отсутствует. В тексте переводчик может передавать данные безэквивалентные слова при помощи экспликации, целостного переосмысления высказывания, опущения, замены части речи, замены эквивалентом лексической единицы без суффикса.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мюллер, В.К. *Новый англо-русский словарь* / В.К. Мюллер. – 9-е изд. – М.: Издательство «Русский язык», 2002. – 880 с.

Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. – 15-е изд., стереотип. – М.: «Русский язык», 1984. – 816 с.

Спарк, М. *Баллада о предместье* / М. Спарк // *На публику*. – М., 1971. – С. 19–142.

Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992. – С. 103 – 296.

Учебный словарь современного английского языка / под ред. Хорнби. – М.: АСГ, 2001. – 1580 с.

Dictionary of Contemporary English / редкол.: Della Summers (гл. редактор) [и др.]. – 3-е изд. – Barcelona: Longman Dictionaries, 1995. – 1690 с.

Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – 215 с.

²¹¹ Spark, M. *The Bachelors* / M. Spark. – Penguin Books, 1963, с. 60.

²¹² Спарк, М. *Холостяки* / М. Спарк // *Девушки со скромными средствами*. – Спб., 1992, с. 221.

Spark, M. *The Ballad of Peckham Rye*. / M. Spark. – Penguin Books, 1963. – 143 c.

ABSTRACT

Suffix word formation as a factor of existence of non-equivalency

A group of non-equivalent English words which exist because of non correspondence of suffix word formation in the English and Russian languages is investigated in the article. In most cases English suffixes have equivalent suffixes in the Russian language with the help of which Russian one word equivalent is formed. But it can happen only sometimes. Such phenomenon can be explained by valence characteristics of English and Russian suffixes. Ways of translation of non-equivalent words of the type described can differ in the English-Russian Dictionary and in the text. The word can be either omitted in the dictionary or description can be used. Interpreter can render these non-equivalent words with the help of description, total change of the expression, omission, substitution by another part of speech, substitution by the equivalent of the word without suffix.

ЯВЛЕНИЕ ПАРОНИМИИ В СФЕРЕ РУССКО-ВЕНГЕРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Золтан ДЬЁРКЕ
Сзегед, Венгрия
gyorkez@jgytf.u-szeged.hu

Ключевые слова: *фразеологическая паронимия, лексический состав, паронимический корпус, соматические фразеологизмы*

Наличие в языке семантических оппозиций *моносемия – полисемия – энантиосемия, синонимия – антонимия* является одним из доказательств системной организации лексико-фразеологического состава языка. Антонимия (и гетеронимия) является не только лингвистической, но и логической, понятийной категорией.

Явление омонимии и паронимии – понятия, относящиеся к означающей, а не к означаемой стороне языкового знака, и поэтому паронимию в единой лексико-фразеологической системе языка нельзя считать одним из признаков проявления системности в языке, а лишь языковыми образованиями, возникшими в процессе развития языка в результате случайного частичного совпадения формы и звучания, но отличающимися друг от друга по своей семантике.

Разностороннему изучению языковой природы лексических паронимов в рамках лексикологии, лексической семантики и стилистики в русском и венгерском языкознании уделялось большое внимание (ср.: Фомина 1990: 107-126; Голуб 1986: 59-65; Pete 1989: 48-49; Lendvai 1998: 153-160).

Однако проблеме изучения *фразеологической паронимии* в обоих языках до сих пор уделялось недостаточное внимание. На наличие фразеологических паронимов в русском языке впервые было обращено внимание языковедов профессором В.М. Мокиенко в одной из своих ранних работ (Мокиенко 1975: 33-34). О.В. Вишнякова в предисловии к своему словарю русских паронимов указывает на наличие паронимов и в сфере фразеологии и в качестве примеров приводит ряд фразеологических паронимов (Вишнякова 1981 а: 5-60).

Махать рукой кому = Integet; a kezével integet (M-O:I/1098)
'подавать знак рукой, делая взмахи, движения по воздуху' (О: 314)

Махнуть рукой на кого, что = 1. **Csak legyint (egyet) vkire, vmire; figyelem nélkül hagy vkit, vmit; nem vesz komolyan vkit, vmit** (К: p-170)
'Перестать обращать внимание; перестать заниматься кем-либо или делать что-либо' (ФСРЯ:239)
2. **Leveszi a kezét vkiről;**

Приложить руку (руки) к чему (неодобр) (только СВ) 'Быть причастным к чему-либо, обычно предосудительному, принять участие в чем-либо предосудительном, плохом' (ФРЯ: 356).

Приложить руки к кому-чему-либо 'Основательно, серьёзно заняться кем-либо или чем-либо' (ФСРЯ:355).

Язык проглотил; Проглотить язык; Как (будто словно, точно) язык проглотил 'Замолчать, перестать говорить, болтать и тд.' (ФСРЯ:361)

Язык проглотить 'Очень вкусный' (ФСРЯ:362).

nem törődik vkivel, vmivel (G-U:247)

= (rosszalló) (csak befejezett) **benne van a keze vmiben; az ő keze is benne van a dologban** (ONG:k-946); részese vminek

= Törődik vkivel, vmivel; gondozza, neveli; **rajta tartja a kezét vkin, vmin**

= **Egy árva szót sem szól; hallgat, mint a csuka; mintha megnémult volna** (К:я-20)

= **Olyan finom vmi, hogy mind a tíz ujját megnyalja utána** (К:я-19)

В специальной литературе по фразеологии внимание венгерских лингвистов до сих пор ещё не привлекала проблема фразеологических паронимов. В монографиях и учебниках по фразеологии, также как и во фразеологических словарях не упоминается о наличии и в венгерской фразеологии т.н. *фразеологических паронимов*. А между тем в процессе проведенного нами анализа на материале венгерских соматических фразеологизмов было выявлено ряд венгерских фразеологических паронимов. Для иллюстрации приведём лишь несколько примеров на наличие различных структурно-семантических типов венгерских фразеологических паронимов:

leveszi a fejét vkinek= 'szégyent hoz vkire'; 'szégyent hoz vkinek a fejére'

fejét veszi vkinek= 'kegyetlenül megbünteti'; 'megöli' (a szótárok nem közlik)

szúrja a szemét vkinek vmi = 'feltűnik neki, és nem hagyja nyugton, ingerli, bántja, bosszantja' (ONG: sz-645)

szemet szúr vkinek vmi = 'szokatlan v. helytelen volta miatt feltűnik, rosszallást kelt' (ONG: sz-642)

kiszúrja vkinek a szemét vmivel = 'aránytalanul kevés ellenszolgáltatással, fizetéssel v. jelentéktelen engedménnyel elégít ki vkit' (ONG: sz-635)

majd kiszúrja a szemét = 'ott van közvetlenül a szeme előtt (, és mégsem látja)' (ONG: sz-637)

félvállról kezel vmit = 'közönyösen, érdeklődés nélkül'(M-O: I/755)

félvállról vesz vmit = 'hanyagul, nemtörődöm módon viszonyul vmihez' (M-O: I/755)

félvállról beszél vkivel = 'lekicsinylően, hanyag leereszkedéssel' (ÉKsz: 396)

torkán (van) a kés vkinek = 'hamarosan halállal, pusztulással v. Csúfos bukással lakol vmiért' (ONG: t-582)

torkára teszi a kést vkinek = 'előkészíti vkinek a vesztét, ill. vkinek a pusztulását, bukását okozza' (ritka)' (ONG: t-585)

vállat von vmire = <közönye, beletörődése, visszautasítása jeléül> 'vállát

felhúzza, megrándítja' (ÉKsz:1519)

vállat vonogatja vmire = a) 'a vállunk felhúzása és leeresztése annak jeléül, hogy nem tehetünk vmiről'; b) 'közönyösek vagyunk vmi iránt' (ÉKsz:1461).

С анализом явления межъязыковой фразеологической паронимии в области русского, английского и немецкого языков, а также ряда славянских языков мы встречаемся в работах русских лингвистов Е.М. Солодухо и Ю.П. Сологуба и П. Дюрчо. Особое внимание заслуживает работа словацкого лингвиста П. Дюрчо, который на материале русского и словацкого языков подвергает анализу паронимические фразеологизмы русского и словацкого языков (Солодухо 1982:93-102; Сологуб 1985:103-106; Дюрчо 1989:135-143).

Как это явствует из выше приведенных примеров, фразеологическими паронимами в лингвистике принято называть ФЕ, близкие по своему лексическому составу и грамматической структуре, но отличающиеся по значению. Сходство лексического состава и грамматической структуры при полном расхождении значения фразеологических паронимов является причиной множества ошибок и их изучение требует особого внимания со стороны лексикографов, лингвистов, переводчиков и преподавателей.

На материале анализа корпуса собранного нами русских паронимических ФЕ, насчитывающего около 200 ФЕ, мы поставили своей целью выявить:

1) основные структурные типы паронимических ФЕ и разграничение их от смежных с ними структурно-семантических групп ФЕ;

2) Семантические типы паронимических ФЕ;

3) Сущность различных типов паронимических связей между ФЕ и механизмы (процессы) их возникновения.

1. Структурные особенности русских фразеологических паронимов.

1.1. По своей структуре русские паронимические ФЕ между собой могут вступать в привативную или эквивалентную оппозицию. Паронимические ФЕ могут отличаться друг от друга в различной степени: между ними наблюдаются качественные и количественные расхождения.

На анализе собранного нами корпуса русских фразеологических паронимов можно сделать вывод, что внутри группы фразеологических паронимов можно различать т.н. *ядро* и *периферию*. Ядро фразеологических паронимов образуют ФЕ, отличающиеся друг от друга по своему лексическому составу или грамматической (морфологической) оформленности – то есть так называемые лексические и морфологические фразеологические паронимы. К периферии фразеологических паронимов относятся т.н. валентностные фразеологические паронимы, отличающиеся друг от друга по своим валентностным возможностям, и т.н. синтаксические фразеологические паронимы, различающиеся по своей синтаксической структуре.

Так, например, к лексическим фразеологическим паронимам относятся следующие ФЕ:

И помин простыл (устар)
(ФСРЯ:339) 'совершенно, бесследно исчез'

И след простыл (пропал)
(ФСРЯ:430)

1. 'Кого, чей. Удрал, сбежал, скрылся.'

2. 'Чего. Совсем потерян, утерян, утрачен. О пропаже чего-л.'

Выживать/выжить из ума
(ФСРЯ: 93) 'Глупеть, терять способность здраво мыслить, рассуждать и т.п. от старости'.

Выживать/выжить из памяти (ФСРЯ: 93) 'Становиться забывчивым из памяти'

Воспарять/воспарить духом (душою, мысляю) (устар)
(ФСРЯ:79) 'воодушевляться, вдохновляться'

Воспрянуть духом (ФСРЯ:79)
'обрести хорошее настроение,

Nyomtalanul eltűnt; **eltűnt, mint a kámfor; kámfort játszik; eltűnt, mint szürke szamár a ködben**

1. Eltűnt, elfutott, elrejtőzött; **bottal ütheti a nyomát** (Λ-3:110); **hült helyét találták; hült helye marad; túl van árkon-bokron; híre-hamva sincs; nyoma sem maradt; nyoma veszett** (K: c-156)

2. **Lába kelt vminek;** nyomtalanul eltűnik, elvész vmi; **hült helye van vminek**

(Vénségére) **elveszti a józan eszét; (vénségére) agyalágyult lesz; a hamut is mamunak mondja;** szenilissé válik (K: п-44)

Öregségére feledékennyé válik vki; **rövid az emlékezete;** mindent elfelejt (K: y-63)

Fellelkesedik; **szárnyal a lelke**

Felélénkül; **(új) erőre kap; vmi, vki lelket önt vkibe;** lelkiileg

бодрость; оживиться, преодолев чувство подавленности, уныния'

Кровь бросилась в голову кому (ФСРЯ:213) 'Кто-л. пришел в исступление, сильное возбуждение и т.п.'

Кровь бросилась в лицо чьё, кому (ФСРЯ:213) 'Кто-л. покраснел от смущения, стыда, досады и т.п.'

1.2. Морфологические фразеологические паронимы:

Другой структурный тип фразеологических паронимов представляют собой ФЕ, которые при полном тождестве своего лексического состава и синтаксической структуры различаются друг от друга грамматической (морфологической) формой того или другого компонента.

Такие фразеологические паронимы создают ложное представление, будто мы имеем дело с морфологическими вариантами одной и той же фразеологической единицы с тождественным значением. Эти факторы, как и в случае лексических паронимов, приводят к неправильному употреблению фразеологических паронимов и их ошибочному толкованию во фразеологических словарях.

Из анализируемых нами паронимических ФЕ в качестве иллюстрации мы приведем лишь несколько примеров на морфологические фразеологические паронимы:

Дать жизнь кому-л (О-III: 194) 'родить'	=	Megszül; életet ad vkinek; világra hoz vkit
Дать жизни кому (прост) (ФСРЯ:124)	=	Móresre tanít vkit; ráncba szed vkit; alaposan összeszid vkit; szidja, mint a bokrot; leszedi, leveszi vkiről a keresztvizet

1. 'сильно ругать, бранить кого-л.'

felfrissül, felüdül, felélénkül, felvidul (K: д-283; Л-3:53)

1. <vki felháborodásában, haragjában:> elpirul, elvörösödik; **haragra gerjed (lobban); elborítja arcát a pír; vérvörös lesz az arca; lángol az arca**

2. <dühroham, dühkitörés eredményeként:> **(dühbe) méregbe gurul; elfogja a düh (méreg); vkinek a fejébe (arcába) száll (szökik, tolul) a vér; előnti az agyát a vér; elsötétül a szeme (tekintete); elsötétül szeme előtt a világ; felmegy (felszökik) a pumpája vkinek (szleng); elveszti önuralmát; dührohamot kap; felforr a vére** (MSZ:251; K: к-362)

<zavarában, szégyenében v. a bosszúságtól:> vki elpirul, elvörösödik; **eldönti (elborítja) az arcát a pír; vérvörös lesz az arca; lángol az arca**

2. 'расправляться с кем-л., с ожесточением побить кого-л.'

Сбиться с ног (ФСРЯ:409)
'сильно устать, измотаться, изнемогать от хлопот, суеты, беготни'

Сбиться с ноги (К: н-226)
'начать идти не в ногу' (О-Ш: 698).

= <alaposan> ellátja a baját vkinek; megtanít vkit kesztyűbe dudálni; letöri a derekát vkinek; összetöri a csontjait vkinek; elver, eltángál vkit
(Majd) leesik a lábáról; holtfáradt; majd összeroskad; kidől (К: н-222)

= <menetelés közben> eltéveszti a lépést (elvéti a lépést) (ritk) (К: н-226)

1.3. Квантитативные фразеологические паронимы:

Третий структурный тип русских фразеологических паронимов образуют ФЕ, отличающиеся друг от друга количеством составляющих их компонентов. Одна из пар ФЕ, относящейся к этому структурному типу паронимических ФЕ, существует в языке в своей редуцированной, сокращенной форме и поэтому во фразеологической литературе их называют термином «редуцированные фразеологические паронимы».

К редуцированным (квантитативным) фразеологическим паронимам относятся, например, следующие ФЕ:

Голова на плечах у кого
(ФСРЯ:112) 'Кто-л. умен, сообразителен и т.п.'

= **Van magához való esze; helyén van az esze** (К: г-170); **nem esett a feje lágyára; okos, megfontolt.**

Своя голова на плечах
(ФСРЯ:151) 'Кто-л. сам достаточно умен, сообразителен'

= **A maga fejével gondolkodik;** nem hagyja magát befolyásolni; önállóan gondolkodik.

До костей (ФСРЯ:209)
'очень сильно, совсем, насквозь (промокнуть, промерзнуть, озябнуть)'

= <промокнуть> **bőrig ázik;** csuromvizes lesz;
<промерзнуть> **csontig <teljesen> átfagy; velőig hasít (hatol) a hideg** (К: к-298)
<озябнуть, продрогнуть>
<teljesen> átjárja a hideg; csontjáig hatol a hideg; **megveszi az Isten hidege; minden porcikájában reszket a hidegtől**

До мозга костей (ФСРЯ:251)	=	<кто> ízig-vérig vki (pl. orvos); minden ízében; egész valójában (lényegében) <áthatja vmi, pl. vmilyen eszme>
1. 'всем своим существом, целиком, полностью, во всем (быть кем-л. или каким-л.)'		<какой> a velejégig <romlott>; az utolsó porcikájáig vmilyen;
2. 'Основательно, по-настоящему'		

1.4. Валентностные фразеологические паронимы:

Четвертый структурный тип фразеологических паронимов представляют собой ФЕ, которые кроме расхождений в лексическом составе и грамматической структуре отличаются друг от друга и своей валентностью. К этому структурному типу паронимических ФЕ мы относим еще и ФЕ, дистрибутивные возможности которых не ограничиваются тем или другим грамматическим классом слов (словами, относящимися к определенной части речи), а также и ФЕ, валентностные возможности которых ограничены определенным словом (словами), представляющими собой обязательное окружение ФЕ.

Поставить точку над чем 'заканчивать что-л., останавливаться на чем-л.'	=	Pontot tesz vminek a végére; befejez vki vmit
Поставить точку на (над) и (ФСРЯ: 452) 'окончательно выяснить, уточнить все подробности, не оставлять ничего недосказанным; доводить что-л. до логического конца'	=	Felteszi a pontot az i-re

Фразеологические паронимы, имеющие тождественный лексический состав и грамматическую структуру, но обладающие различной валентностью, словацкий лингвист Петер Дюрчо называет паронимическими фразеологическими омонимами:

вбивать в голову кому, что: 'частым повторением заставлять усвоить, запомнить что-л.'; 'внушать что-л., убеждать в чем-л.';
вбивать в голову себе: 'укрепляться в каком-л. мнении, убеждении, намерении, упрямо держаться его'.

вбивать в голову кому, что (ФСРЯ:56) = 1. **a fejébe ver vkinek vmit** <pl. tudást> (K: r-202)

2. **telebeszéli vkinek a fejét vmivel;** elhítt vkivel vmit себе (ФСРЯ:56) = **fejébe vesz vmit; nem lehet kiverni a fejéből;** makacsul kitart vmi mellett (K: r-203); nagyon makacs, önfejű;
nem lehet jobb belátásra bírni / szándékától eltéríteni / meggyőzni.

В случае валентностных фразеологических паронимов можно проследить процесс перехода полисемичных ФЕ в паронимические или омонимические ФЕ.

1.5. Синтаксические фразеологические паронимы:

К пятой структурной группе фразеологических паронимов мы относим ФЕ, в структуре которых на уровне синтагм или предложений наблюдаются определенные синтагматические или синтаксические расхождения:

волком выть (ФСРЯ:98) 'горько жаловаться, сетовать и т.п. на что-л., страдая от чего-л.'	=	<i>keservesen panaszkodik vmire, zúgolódik vmi ellen, ami szenvedéseit okozza;</i> torkaszakadtából (farkasként) üvölt v. bög (O-M: I/259)
хоть волком вой (ФСРЯ:75) 'выражение отчаяния, невозможности что-л. предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения'	=	<nehéz, elviselhetetlen helyzetről> az embernek szinte üvölteni volna kedve; az ember nem tudja, hova legyen elkeseredésében (K: В-175); verheti a falba a fejét

Фразеологические паронимы, как и фразеологические синонимы, могут образовать паронимические ряды. Паронимический ряд составляют два или больше ФЕ, полностью различающиеся по своей семантике и частично совпадающие в своем лексическом составе, грамматической структуре и валентности:

Брать в руки кого (ФСРЯ:44) 1. 'подчинять себе, заставлять повиноваться (в поступках, действиях)'; 2. 'воздействовать, влиять на кого-л.'	=	Ellenőrzés alá von; hatalmába kerít; megraboláz; megszelídít; úgy táncol, ahogyan más füttyül Hat vkire; hatással van vkire
Брать себя в руки (ФСРЯ:47) 'перебарывая порывы своих чувств, настроений и т.п., добиваться полного самообладания'	=	Erőt vesz magán; összeszedi magát (erejét); leküzdi idegességét, félelmét
Забрать в <свой> руки (ФСРЯ:159) 'захватывать что-л., завладеть чем-л.'	=	Ráteszi a kezét vmire; kezébe kaparint vmit; megszerez, megkaparint vmit

2. Семантические особенности паронимических ФЕ:

Анализ семантических особенностей паронимических ФЕ имеет большое значение в разграничении их, с одной стороны, от фразеологических вариантов, с другой стороны, от фразеологических

синонимов, а также в определении степени паронимичности между паронимическими ФЕ.

В результате логического анализа паронимических семантических отношений между ФЕ выявляется два типа фразеологических паронимов:

1) ФЕ, в значении которых обнаруживается ряд общих семантических компонентов;

2) ФЕ, семантически полностью различающиеся друг от друга;

Между паронимическими ФЕ, в значении которых имеются определенные семантические тождества, обнаруживается эквиполентная семантическая оппозиция, а между ФЕ, семантически полностью отличающиеся друг от друга, имеется дисъюнктивная (взаимоисключающая друг друга) семантическая оппозиция.

2.1. Паронимические ФЕ, имеющих ряд общих семантических компонентов, называются еще идеографическими или тематическими фразеологическими паронимами. Семантическая близость идеографических (тематических) синонимов объясняется аналогичной мотивированностью паронимических ФЕ, т.е. в том, что ключевые слова (стречневые компоненты) ФЕ обладают тождественным или аналогичным метафорическим-метонимическим потенциалом.

Так, например, общим семантическим компонентом в значении паронимических ФЕ **на склоне лет** 'в глубокой старости' (ФСРЯ: 428) = **élete alkonyán** и **на старости лет** 'в преклонных годах, в преклонном возрасте' (ФСРЯ: 454) = **idős (öreg/vén) fejjel; öreg éveire; idős (öreg) korára; vénségére** является 'старый, пожилой' (= 'idős korú; hajlott korú; öreg'), а различающимся, дифференцирующимся семантическим компонентом будет 'перед смертью' ('halála előtt'), или в случае второй ФЕ, 'в старости' (= 'öreg korára', 'idős korára', 'hajlott korára').

Таким же образом в случае семантики паронимических ФЕ **ставить/поставить точку на чем** 'заканчивать что-л., останавливаться на чем-л.' (ФСРЯ: 452) = **pontot tesz vminek a végére; befejez vmilyen munkát; végez vmivel; pontot tesz vmire; kimondja az áment vmire** (К: т-50) и **ставить/поставить точку на (над)** и 'окончательно выяснять, уточнять все подробности, не оставлять ничего недосказанным; доводить что-л. до логического конца' (ФСРЯ: 452) = **felteszi a pontot az i-re** общим семантическим компонентом является 'заканчивать что-л.' (= 'befejez vmit'), а дифференцирующим семантическим компонентом в случае первой ФЕ можно считать 'остановление на каком-л. этапе' (= 'befejez vmilyen munkát, vagy vmilyen munkának egy részét; végez vmivel'), а в случае второй ФЕ - 'окончательное логическое завершение с выяснением всех подробностей' (= 'vmit logikusan végigvisz; tisztába tesz vmit') (К: т-51/с).

Русские паронимические ФЕ **в нос** 'гнусяво, с носовым призвуком (говорить, петь, произносить' (ФСРЯ: 285) = **az orrából beszél; orrhangon beszél** и **под нос (прост.)** 'очень тихо, невнятно (бормотать, бубнить, бурчать и т.п.)' = **az orra alatt; dűnnyögve; érthetetlenül mond vmit** имеют обязательное окружение глаголы-речи, обозначающие совершенно различного характера речевую деятельность.

2.2. Паронимические ФЕ, между которыми имеется дисъюнктивная семантическая оппозиция, можно назвать квазипаронимами (Lendvai 1998: 225).

Для иллюстрации приведем несколько примеров на квазипаронимы:

Дать волю кулакам (ФСРЯ:123) 'драться, бить, избивать кого-л.'	=	Könnyen eljár a keze; hamar leken (behúz) egyet, könnyen verekszik; ököllet nekiesik vkinek
Дать волю сердцу (ФСРЯ:123) (устар.) 'позволять себе расчувствоваться'	=	Szabadjára engedi érzelmeit; szabad folyást ad (enged) érzelmeinek; utat enged érzelmeinek
Дать волю языку (ФСРЯ:123) 'позволять себе говорить лишнее'	=	Szabadjára engedi a nyelvét (O-M: II/1002); nem tartja féken a nyelvét

Степень паронимичности, количество дифференцирующих семем в семантике фразеологизмов-паронимов зависит от степени и характера мотивированности значения ФЕ составляющими их компонентами.

2.3. С точки зрения семантических особенностей паронимических ФЕ, периферию фразеологических паронимов составляют следующие переходные группы ФЕ:

2.3.1. Антонимические фразеологические паронимы:

Лить слёзы (ФСРЯ:227) 'плакать; горько плакать'.	=	Könnyeit hullatja; sír-rí; eltörök a mécses (tréf)
Лить крокодиловы слёзы (ФСРЯ:430) 'лицемерно жаловаться, притворно, неискренне сожалеть'.	=	Krokodilkönnyeket hullat; 'képmutatóan, őszintétlenül sopánkodik'

2.3.2. Омонимические фразеологические паронимы:

Знать цену кому-л., чему-л. (ФСРЯ:175) 'правильно, по достоинству оценивать кого-л. или что-л.; дорожить кем-л. или чем-л.'	=	Tisztában van vminek az értékével;

Знать цену себе = Tisztában van önmaga
(ФСРЯ:175) 'правильно értékeivel (lehetőségeivel); ismeri
оценивать свои возможности, önmaga értékeit (lehetőségeit)
достоинства'.

2.3.3. *Синонимические фразеологические паронимы:*

Держать себя в руках = **Uralkodik magán; türtózteti**
(ФСРЯ:134) 'сдерживать порывы (mérsékeli) magát (K: p-194);
своих чувств, подчиняя их своей féken tartja magát; nem mutatja
воле; сохранять самообладание'. ki igazi érzelmeit, szándékát (D-
K:120)

Держать себя в узде = **Féken/kordában tart vkit,**
(ФСРЯ:137) 'сдерживать порывы vmit; kordában tartja önmagát
своих чувств, подчиняя их своей (K: y-26)
воле'.

Держать себя на вожжах = **Féken tatja magát;**
(ФСРЯ:137) (прост.) 'уметь uralkodik magán; képes (tud)
управлять собой' uralkodni magán

2.3.4. *Между контаминационными вариантами многозначной ФЕ могут возникнуть паронимические оппозиции:*

Валять (ломать, корчить) дурака (ваньку) – 'дурачиться'
(ФСРЯ: 55) = **bolondnak (ostobának) tetteti magát; adja a bolondot**
(ostobát), и валять дурака (ваньку) – 'бездельничать' (= henyél,
lustálkodik, lorja a napot)

'Притворяться глупым, непонимающим' = Adja a bolondot (ostobát); bolondnak (ostobának) tetteti magát	ломать дурака – валять дурака	'Праздно проводить время, бездельничать' = Henyél, lustálkodik, lorja a napot
	корчить дурака – валять дурака	
	ломать ваньку – валять ваньку	
	корчить ваньку – валять ваньку	
	валять дурака – валять ваньку	

3. *Причины возникновения паронимических семантических оппозиций среди фразеологизмов:*

Можно различать следующие главные причины возникновения фразеологических паронимов:

3.1. *Различной мотивированностью семантики близких по лексической и грамматической структуре ФЕ:*

В случае семантики ФЕ **Кровь бросилась в лицо** кому-л. 'кто-л. покраснел от смущения, стыда, досады и т.п.' (ФСРЯ: 213) = vki

<zavarában, szégyenében v. a bosszúságtól>; elpirul, elvörösödik; vkinek **előnti (elborítja) arcát a pír; lángol az arca**) выражается внешнее, физическое проявление психического состояния человека. Этот факт подтверждается и лексическим вариантом данной ФЕ, в котором лексема **кровь** заменяется лексемой **краска: кровь (краска) бросилась в лицо кому-л.**

А в случае мотивированности семантики ФЕ **кровь бросилась в голову кому-л.** 'кто-л. пришел в исступление, сильное возбуждение и т.п.' (ФСРЯ: 213) (= 1. vki <felháborodásában, dühében, haragjában> elpirul, elvörösödik; **haragra gerjed (lobban); vérvörös lesz az arca; lángol az arca**; 2. <dühroham, dühkitörés eredményeképpen:> **méregbe (dühbe) gurul; pulykavörös lesz; vkinek a fejébe (arcába) száll (szökik, tolul) a vér; előnti az agyát a vér**) проявляется внешняя, физическая реакция человеческого организма, вызванная психическим состоянием человека.

В структуре данного фразеологизма варьируются глагольные компоненты **бросилась** и **ударилась: Кровь бросилась (ударилась) в голову кому-л.** (= **a fejébe száll (szökik, tolul) a vér**).

3.2. Второй причиной образования (возникновения) фразеологических паронимов можно считать различную символику, выражаемую компонентами ФЕ:

Дать волю чему-л. (во 2. знач.)(ФСРЯ: 123)(=nem fog vissza vmit; **szabadjára enged vmit; ált.: érzéseit**)

Дать волю – кулакам (a verekedés szimbóluma)(символ драки)
– **сердцу**(érzelmek szimbóluma)(символ чувств)
– **языку**(a beszéd szimbóluma)(символ речи)

3.3. Третья причина возникновения паронимических ФЕ заключается в расхождении валентных связей ФЕ:

Держать в узде кого-л. 'строго обращаться с кем-л., притеснять кого-л.' (ФСРЯ: 491) (= **Kordában tart vkit**)

Держать в узде себя 'сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле' (ФСРЯ: 137) (= **uralkodik magán; fékezi magát**)

3.4. Возникновение фразеологических паронимов зависит также от семантических связей ФЕ:

Грудь в грудь 'вплотную' (ФСРЯ: 121)= **szemtől szembe**; közvetlen közel <áll, megy stb.>.

Грудь на грудь 'непосредственно один на другого (в бою, битве)' (ФСРЯ: 122) = **szemtől szembe; egymás ellen; öltre megy vkivel**.

Грудь с грудью 'вплотную друг с другом: сходиться, схватываться и т.п.' (ФСРЯ: 122) = **szemtől szembe; test test ellen; ember ember ellen** (harcol, küzd, összecsap).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть важность изучения явления фразеологической паронимии, установления

паронимического корпуса во фразеологии каждого языка в отдельности, их различной классификации, лексикографической разработки и сопоставительного изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Розенталь, Д. Е., *Практическая стилистика русского языка*. Учебник для вузов. – Москва: Высшая школа, 1987.

Голуб, И. Б., *Стилистика современного русского языка. Лексика. Фоника*. – Москва: Высшая школа, 1976.

Fábián, P., Szathmári, I., Terestyéni, T., *A magyar stílisztika vázlatá*. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1977.

Шмелёв, Д. Н., *Современный русский язык. Лексика*. – Москва: Просвещение, 1977.

Фомина, М. И., *Современный русский язык. Лексикология*. – Москва: Высшая школа, 1990.

Вишнякова, О. В., *Паронимы в русском языке*. – Москва: Высшая школа, 1974.

Вишнякова, О. В., *Паронимы современного русского языка*. – Москва: Русский язык, 1981.

Вишнякова, О. В., *Паронимы в системе преподавания русского языка нерусским*. В: *Паронимы современного русского языка* – Москва: Русский язык, 5-60, 1981.

Дюрчо, П., *Фразеологические паронимы*. In: *Československa rusistika*. XXXIV., 1989/3., 135-143.

Лендвай, Э., *Лексическая семантика русского языка*. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1998.

Мокиенко, В. М., *Искажение фразеологического образа и семантическая динамика фразем*. – В: *Проблемы русской фразеологии* (Республиканский сборник). – Тула: Изд. Тулгоспединститута, 1975.

Солодухо, Э. М., *Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, романской и германской групп)*. – Казань: Изд. Казанского университета, 1982.

Сологуб, Ю. П., *Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица)*. – Москва: МГПИЯ им. В. И. Ленина, 1985.

Караулов, Ю. Н., *Структура лексико-семантического поля*. – В: *Филологические науки*. 1972, № 1.

Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*. 4-ое изд., дополненное. изд. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Москва: Азбуковник, 1997.

Федоров, А.И., *Фразеологический словарь русского литературного языка* тт. I-II. ВО «Наука», Новосибирск.

Keszthelyi Ernő, *Russicizmusok. 5000 orosz szólás és kifejezés* – Terra, Budapest, 1961.

ABSTRACT

***The Phenomenon of Paronymy in the Russian and Hungarian
Idiomatic Sphere***

The present article signals the deficit of studying the patronymic idiomatic expressions in Russian and Hungarian languages and demonstrates the importance of this process through a thorough analysis on various linguistic levels of a given set of idiomatic paronyms, established by the author himself.

ЗНАЧЕНИЯ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ

Мария ОСИАК
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: *винительный падеж, значение, сходство/различие, предложный/беспредложный, русский язык, румынский язык*

В русском и в румынском языках для имён существительных **в винительном падеже без предлога** центральным является **объектное** значение, как при переходном глаголе: *танцевать вальс – a dansa un vals, завоевать доверие – a cuceri încrederea, будить ребенка – a trezi copilul*, так и в контекстах, в которых объект обозначен самой формой винительного падежа в отсутствии глагола: *Врача! (позовите) – Un medic! (chetați!), Ваши документы! (предъявите) – Actele dumneavoastră! (prezentăți).*

Винительный падеж имеет, также, в обоих языках, **обстоятельственные** значения, например, временные: *учиться всю жизнь – a învăța toată viața, спать час – a dormi o oră* или пространственные (сопровождаемые качественными определениями с оттенком значения меры): *пройти версту – a merge, a parcurge o verstă, пробежать километр – a alerga un kilometru*. В рамках количественной характеристики – помимо промежутка времени или расстояния – винительный падеж может выражать также цену, вес, повторяемость: *стоит рубль – a costa o rublă, весит килограмм – a cântări un kilogram, повторять третий раз – a repeta a treia oară.*

В тех случаях, когда употребляются с обстоятельственными значениями, имена существительные в винительном падеже иногда проявляют, в обоих языках, тенденцию сближения с наречиями: *капельку устали, крошечку обиделся* или, в румынском языке, *a dormi tun/buștean, scump foc, îndrăgostit lulea*. Учитывая то, что существительные, выступающие в данных контекстах, скорее всего ведут себя подобно наречиям, некоторые специалисты выделяют тут не винительный, а «прямой падеж»²¹³, «средний падеж»²¹⁴ или «общий падеж»²¹⁵.

²¹³ Hořejší, Vl., *Cazul direct și sintaxa lui în limba română*, в „Studii și cercetări lingvistice”, 3, 1960, с. 496.

Миюара Аврам выделяет также в румынском языке для некоторых имён существительных в винительном беспредложном и **определяющее** значение, которое реализуется довольно редко: *renunțarea, o vreme, la distracții*²¹⁶.

Русским именам существительным в винительном падеже присуще и значение **субъектное**, которое реализуется в таких контекстах как: *Девочку знобит – Fetița are frisoane, Женщину тошнит – Femeii îi e greață, Андрея охватила грусть – Pe Andrei l-a cuprins tristețea, Зрителей восхитил концерт – Pe spectatori i-a entuziasmat concertul*. Отмечаем, что в последних двух примерах то же субъектное значение реализуется в румынском языке лишь при условии использования пассивного оборота: *Andrei a fost cuprins de tristețe, Spectatorii au fost entuziasmați de concert*. В тех же примерах данное субъектное значение обусловлено топикой и оно и изменяется в зависимости от места имени существительного перед или же после переходного глагола: *Грусть охватила Андрея – Tristețea l-a cuprins pe Andrei, Концерт восхитил зрителей – Concertul i-a entuziasmat pe spectatori*. Следовательно, для существительных *Андрея, зрителей* можно выделить двойное значение имени существительного, а именно **субъектно-объектное**. Именам существительным в винительном падеже в русском языке соответствуют, в румынском, либо имена существительные в именительном падеже: *fetița*, либо в дательном: *femeii*, либо в винительном или именительном падеже: *pe Andrei/ Andrei, pe spectatori/ spectatorii*.

В русском языке субъектно-объектное значение имён существительных в винительном падеже реализуется и в предложениях с предикативными словами типа *видно, заметно, слышно*: *Звезду видно – Se vede o stea, Шелест слышно – Se aude un foșnet* (именам существительным в винительном падеже в русском языке соответствуют, в румынском, существительные в именительном падеже). То же значение встречается в контекстах типа: *Музей открыли* (т.е. *Музей был открыт/ открылся*) – *Muzeul s-a deschis* (субъектное значение) или *(Они) открыли музей* – *Au deschis (S-a deschis) muzeul* (объектное значение); *Олень застрелили* (т.е. *Олень был застрелен*) – *Cerbul a fost împușcat* или *(Они) Застрелили оленя* – *Au împușcat cerbul*.

Для русских имён существительных в винительном падеже литература по специальности²¹⁷ выделяет также **предикативное**

²¹⁴ Paula Diaconescu, *Le système casuel du roumain*, в „Cahiers de linguistique théorique et appliquée”, 1, 1962, с. 32.

²¹⁵ Grigore Brâncuș, Manuela Saramandu, *Morfologia limbii române*, Universitatea din București, 2006, с. 15.

²¹⁶ Mioara Avram, *Gramatica pentru toți*, București, 1986, с. 97.

²¹⁷ *Русская грамматика*, под ред. Н.Ю. Шведовой, т. II, Москва, 1980, с. 432.

значение: *Лекция – час. – Lecția durează (ține) o oră; Вся операция – одну минуту. – Întreaga operație durează un minut.* Данное предикативное значение сопровождается здесь обстоятельством-временным значением. Русским существительным в винительном падеже соответствует в румынском языке та же падежная форма, но только с обстоятельственным значением.

Различия между двумя языками имеются и внутри центрального, объектного значения падежа. Так, в русском языке винительный падеж без предлога употребляется в тех случаях, когда при глаголе выступает одушевленное существительное, обозначающее либо лицо, либо собственное имя: *поздравлять бабушку – a o felicita pe bunica, заметить Мурку – a o zări pe Murka.* В румынском же языке для таких случаев употребляется, как правило, винительный падеж с предлогом *pe*.

Другое различие между двумя языками, проявляемое в рамках объектного значения, состоит в том, что в русском языке винительный падеж употребляется только тогда, когда действие, выражаемое переходным глаголом, переходит полностью на объект. В случаях, в которых действие, выражаемое переходным глаголом, переходит на объект лишь частично (когда объект выражен, как правило, вещественным существительным), в русском языке употребляется родительный падеж: *Они принесли молока – Ei au adus (niște) lapte* (в румынском языке имя существительное употребляется без артикля или с неопределённым артиклем), но *Они принесли молоко – Ei au adus laptele* (в румынском – с определённым артиклем).

В рамках того же объектного значения проявляется другое различие между русским и румынским языками, а именно: в русском языке – если речь идёт о случае употребления переходных глаголов в отрицательной форме – используется родительный падеж, в то время как в румынском языке, как в отрицательной, так и в положительной форме переходного глагола, имя существительное употребляется в винительном падеже: *Старик не слышал шума – Bătrânul n-a auzit zgomotul.*

В обоих языках внутри объектного значения встречаются и конструкции с различными стилистическими оттенками, в которых имя существительное лишь дублирует глагол, не передавая при этом никакой информации о реальном объекте действия. Речь идёт о сочетаниях типа: *шутки шутить, жизнь прожить*, которые в русской разговорной и народной речи встречаются относительно часто, в то время как в румынском языке подобные конструкции довольно редкие: *a-și trăi traiul, a lupta luptă dreaptă.*

Имеются также русские переходные глаголы, которым в румынском языке соответствуют непереходные глаголы: *благодарить друзей – a le mulțumi prietenilor* (русскому винительному соответствует, в румынском языке, дательный падеж), но и румынские переходные

глаголы, которым, в русском, соответствуют непереходные глаголы: *аплодировать актеру* – *a-l aplauda pe actor*, *дирижировать оркестром* – *a dirija o orchestră*.

В рамках обстоятельственного значения времени нужно отметить тот факт, что русским именам существительным в винительном беспредложном соответствуют в румынском языке существительные с предлогом: *каждую секунду* – *în fiecare secundă*, *каждый вечер* – *în fiecare seară*, *каждый месяц* – *în fiecare lună*.

В русском языке **винительный падеж** употребляется **с предлогами** *в (во), на, за, под, по, сквозь, спустя, о, про, с*.

Что касается румынского языка, то число предлогов, которые употребляются с винительным падежом, намного больше: это простые предлоги *a, către, cu, de, fără, în, între, la, lângă, până, pe, peste, pentru, spre, sub* или составные предлоги *de către, de după, de la, de pe, despre, dinspre, dintre, fără de, pe la, până la, până în, până între, până pe, până pe la, până prin, până printre*.

Через использование винительного падежа с предлогами передается практически вся гамма значений падежей. Это объясняется, с одной стороны, большим количеством предлогов и предложных речений, которые употребляются с этим падежом, а с другой стороны – многозначностью предлогов в обоих языках, которые могут передавать самые различные отношения.

Сходства при выражении тех же значений через винительный падеж с предлогами в обоих языках многочисленны.

В случае употребления винительного падежа с предлогами **объектное** значение передается в русском языке, как правило, с помощью предлогов *за, на, в, про, о*.

В русском языке конструкции с предлогом *за*, выражающие объектное значение, встречаются часто: *бороться за медаль* – *a lupta pentru o medalie*, *голосовать за кандидата* – *a vota pentru candidat*, *приняться за работу* – *a se apuca de lucru*. В румынском же языке такие структуры передаются с помощью предлогов *pentru, de* и т.п., которые требуют того же винительного падежа.

При выражении объектного значения, русским именам существительным с предлогом *на* соответствуют, в румынском языке, конструкции с предлогами *pentru, pe, la* и т.п.: *работать на семью* – *a munci pentru familie*, *сердиться на соседа* – *a se supăra pe vecin*, *надеяться на успех* – *a se aștepta la succes*. Иногда бывают случаи, когда русский винительный падеж с предлогом *на* передается на румынский язык, как с предлогом, так и без предлога: *смотреть на прохожих* – *a se uita la trecători, a privi trecătorii*. Русским конструкциям с предлогом *в* соответствуют в румынском языке конструкции с предлогами *de, în* и т.п.: *влюбиться в москвича* – *a se îndrăgosti de un moscovit*, *вернуться в простыню* – *a se înfășura în cearșaf*.

Имена существительные в винительном падеже с предлогом *про* выступают преимущественно в разговорной речи: *говорить про сына – a vorbi despre fiu, слышать про фильм – a auzi de film*. Нужно отметить, что то же самое объектное значение, выражаемое в румынском языке с помощью винительного падежа с предлогами *de, despre*, передается на русский язык также через предложный падеж с предлогом *о*: *говорить о сыне, слышать о фильме*.

Объектное значение имен существительных в винительном падеже реализуется иногда и с помощью предлога *о*: *разбиться о скалы – a se izbi de stânci*, или реже *по*: *купить по три сувениры – a cumpăra câte trei suvenire*.

Определительное значение винительного падежа существительных с предлогами осуществляется различными способами.

Винительный падеж с предлогом *за* в определительном значении передается на румынский язык винительным же падежом с предлогами *pentru, pe, de* и т.п.: *борьба за мир – lupta pentru pace, зарплата за месяц – salariul pe o lună, плата за провоз – taxă de transport*. То же значение выражается через использование существительных с предлогом *на*, передаваемым на румынский язык по-разному: *билет на спектакль – bilet la spectacol, шерсть на юбку – stofă pentru fustă, отпуск на неделю – concediul de (pe) o săptămână*. Существительные в винительном падеже с предлогом *в* выражают то же определительное значение в структурах типа: *блузка в клетку – bluză în carouri, платье в горошек – rochie cu buline, дверь в комнату – ușa de la cameră*. Их передача на румынский язык осуществляется винительным же падежом с предлогами *în, cu, de la* и т.п. Именам существительным с предлогом *про* в определительном значении соответствуют, в румынском языке, конструкции с предлогами *de, despre* + винительный падеж: *консервы про запас – conserve de rezervă, роман про Петра I – un roman despre Petru I*. То же самое значение выражается и с помощью предлога *под*: *банка под мед – borcan pentru (de) miere, грядки под огурцы – răzoare cu (de) castraveți*. Румынскими эквивалентными этого предлога являются предлоги *pentru, de, cu*.

Определительное значение выражается и с помощью предлогов *через, по, с*: *мост через Дунай – podul de peste Dunăre, пшеница по колосу – grâu rână la genunchi, бутылка с литром – sticlă de vreun litru*. Для передачи на румынский язык таких конструкций используется винительный падеж существительных с предлогами *de pe/ peste, rână la, de*, с дополнительным включением таких наречий, как *vreun, cam, aproximativ*.

В обоих языках определительное значение, передаваемое винительным с предлогами, сопровождается и другими значениями, как, например, объектным: *книга про молодежь – carte despre tineret*

или обстоятельственным, имеющие, в свою очередь, разные оттенки: пространственные: *дорога в горы – drumul spre (în, către) munți*, временные: *запас на зиму – rezerva, provizia pentru iarnă*, целевые: *сражение за покорение крепости – lupta pentru cucerirea cetății* и др.

Большое разнообразие в обоих языках отмечается при выражении **обстоятельственных** значений.

Пространственное значение винительного падежа наиболее частотно передаётся именами существительными с предлогами *в* и *на*, которые употребляются для выражения направления при глаголах движения: *ходить в парк – a merge în parc*, *улетать в теплые страны – a-și lua zborul în (spre) țările calde*, но *лететь на юг – a zbura spre (în) sud*, *ходить на почту – a merge la poștă* или с позиционными глаголами: *положить документы в портфель – a pune actele în geantă*, *повесить картину на стену – a pune tabloul pe perete*, *ставить на место – a pune la loc*.

Винительный с предлогом *в* передаётся на румынский язык, как правило, винительным же падежом с одним из предлогов *în, la, pe, pe la*, а винительный с предлогом *на* выражается тем же падежом с одним из предлогов *pe, la, în, spre*. Румынские эквиваленты предлогов *в* и *на* в структурах с винительным падежом в принципе одни и те же для обоих предлогов, в то время как в русском языке их употребление обусловлено либо речевой нормой, либо факторами семантического характера.

Для передачи пространственного значения употребляются и существительные с предлогом *за*, в конструкциях типа: *уехать за границу – a pleca peste graniță*, *сесть за стол – a se așeza la masă*, которым, в румынском языке соответствует винительный с предлогами *peste, la* и т.п. В том же значении выступают также конструкции с предлогом *под*, который передаётся на румынский язык предлогом *la*: *ехать под гору – a merge la vale*, предлогом *în*: *отдать под суд – a da în judecată*.

Пространственное значение могут выражать и существительные с предлогом *через*: *пройти через лес – a trece prin pădure*, *бросить мяч через сетку – a arunca mingea peste plasă*, *прыгнуть через забор – a sări peste gard (a sări gardul)*. Их румынскими эквивалентами являются существительные с предлогами *prin, peste* + винительный предложный или же винительный беспредложный. Очень сходным по значению с предлогом *через* является предлог *сквозь*: *лечь сквозь крышу – a surge prin acoperiș*. Иногда конструкции с этими предлогами синонимичны: *видеть сквозь (через) туман – a vedea prin ceață*. Редко это значение передаётся и с помощью предлога *по*: *стоять по пояс в воде – a sta în apă până la brâu*.

Наиболее частотным способом выражения временного значения являются конструкции с предлогом *в*: *в час, в полдень, в месяц, во время войны, в среду*. В румынских эквивалентах то же самое

значение передаётся винительным же падежом с предлогами *la, în, pe* или же без предлога: *la (ora) unu, la amiază, într-o lună, în (pe) timpul războiului, miercuri*. Называем тут и конструкции, в которых предлог *e* сочетается с существительными, обозначающими природные явления: *в дождь, в мороз, в жару*. В румынском языке им соответствуют конструкции с винительным падежом типа *pe (timp de) ploaie, ger, arşiţă*.

То же самое значение выражается и с помощью предлога *na*, для обозначения промежутка времени: *остановиться на полчаса, приехать на 3 дня, опоздать на час*. В румынском языке им соответствует винительный с предлогом: *a se opri pentru o jumătate de oră, a sosi pentru trei zile* или же без предлога: *a întârzia (cu) o oră*.

Указываем также на сочетания типа: *записаться в первый день, но на второй, на третий, на ... день*. Русским конструкциям с предлогом *na* могут соответствовать в румынском языке либо существительные с предлогами *după* или *peste* (*o zi, două, trei zile*), либо беспредложные конструкции: *a se înscrie a doua zi, a treia zi*.

Имена существительные с предлогом *za* обозначают обычно отрезок времени, который является сроком выполнения действия: *написать статью за один вечер, то же самое, что и написать статью в один вечер*. Их румынские эквиваленты передаются винительным падежом с предлогом *în (într-)*: *a scrie articolul într-o seară*. Бывают случаи, когда предлогу *za* соответствует в румынском языке простые предлоги, например: *приехать за день до экзамена – a sosi cu o zi înainte de examen* или же составные предлоги: *продолжать концерт за полночь – a continua concertul până după miezul nopţii*.

Сочетания с предлогами *через* и *спустя*, которые выражают промежуток времени после которого произойдёт действие, имеют в румынском языке эквиваленты в конструкциях с предлогами *peste, după*: *через (спустя) минуту/ год – peste (după) un minut/un an*.

Предлог *под* употребляется в временных сочетаниях с именами существительными в винительном падеже типа *под конец, под вечер, под зрелость*. Эти конструкции синонимичны с конструкциями в дательном падеже с предлогом *к*: *кончить под вечер = кончить к вечеру – a termina pe (spre) seară*. Конец срока (как правило, его точная дата) для совершения определённого действия, который в русском языке обозначается предлогом *по* с винительным падежом, передаётся на румынский язык именами существительными в том же падеже, но с составными предлогами *până la, până pe*: *получить отпуск по 10-ое сентября – a primi concediu până la (până pe) 10 septembrie*.

И модальные значения, в свою очередь, выражаются в русском языке именами существительными в винительном падеже с предлогами. Предлог *на* употребляется в сочетаниях типа *содержать девочку на собственные деньги, принять лекарство на голодный*

желудок, делить детей на группы. Передача подобных конструкций на румынский язык осуществляется с помощью предлогов *din, pe, în*, употребляющихся с тем же винительным падежом: *a întreține fetița din propriii bani, a lua medicamentul pe stomacul gol, a împărți copiii pe (în) grupe*. Румынские эквиваленты модальных конструкций с предлогом *в* – это тоже винительно-предложные конструкции: *сесть в кружок – a se așeza în cerc, брать в кредит – a lua pe credit*. Данное значение осуществляется также именами существительными с предлогами *через* или *сквозь*: *говорить сквозь зубы – a vorbi printre dinți, разговаривать через знакомого – a comunica printr-o cunoștință/ prin intermediul unei cunoștințe*. В последнем примере, румынский корреспондент выражен не только винительным падежом, но и родительным.

Способ совершения действия может передаваться также с помощью предлога *под*, которому в румынском языке соответствуют конструкции с винительным предложным: *писать под диктовку – a scrie după dictare, ссудить деньги под залог – a împrumuta bani cu amanet*. Бывают случаи, когда для полной передачи на румынский язык русских контекстов с модальным значением, строящихся с помощью предлога *под*, необходимо использовать в румынском языке дополнительные лексические средства, например: *петь под скрипку – a cânta cu acompaniament de vioară* или *acompaniat la (de) vioară*.

Причинное значение, которое в русском языке выражается при помощи предлога *за*, передается на румынский язык двумя различными способами: предлогом *pentru* + винительный падеж или же предложным речением *din cauza* + родительный падеж: *ценить его за храбрость – a-l aprecia pentru curaj, наказать за плохое поведение – a pedepsi pentru (din cauza) comportamentul(ui) urât*.

В обоих языках имена существительные в винительном падеже могут иметь и целевые значения: *закрывать магазин на ремонт – a închide magazinul pentru renovare, выступить за установление мира – a milita pentru instaurarea păcii*, которые сопровождаются иногда другими оттенками (объектным, во втором примере).

Предикативное значение винительного предложного осуществляется как в русском, так и в румынском языке, в контекстах типа: *У нас рожь – по колено. – La noi secara este până la genunchi; Игра – в теннис. – Jocul este de tenis*.

Реже встречается **субъектное** значение имён существительных в винительном падеже с предлогами. Речь идёт о таких контекстах как, например: *Прошло с час; Продано с тысячу самоваров*, которым в румынском языке соответствуют конструкции с именительным падежом (здесь русский предлог передаётся на румынский язык через наречия типа *cam, aproximativ, ca, circa*: *A trecut cam o oră; S-au vândut aproximativ o mie de samovare*).

Грамматика русского языка выделяет также, для имён существительных в винительном падеже с предлогами, значения **объектно-субъектные**: *На детей получены путевки – S-au primit bilete (de odihnă) pentru copii* и значения **субъектно-обстоятельственные**: *В тридцать лет трудно учиться! – La treizeci de ani e greu să te mai apuci să-nveți!*

В современном румынском языке винительный падеж с предлогами имеет субъектное значение в конструкциях с количественными значениями: *Au venit la vizitatori!*, а также в контекстах с сочинительными подлежащими, связанными между собой через *cu, împreună cu, și cu*: *Regizorul împreună cu actorii s-au bucurat de un răsunător succes*²¹⁸. Русский язык употребляет в таких контекстах либо родительный падеж: *Приехало много посетителей* или *Посетителей!*, либо творительный: *Режиссер вместе с актерами пользовались шумным успехом.*

Различия между двумя языками выявляются иногда и в рамках объектного значения. Русскому винительному падежу с предлогом соответствует иногда в румынском языке тот же падеж, но без предлога: *напасть на овец – a ataca oile, ступить через порог – a trece pragul.*

Осуществляемое русским именем существительным в винительном падеже **определяющее** значение имеет в румынском языке другие эквиваленты: *жалоба на водителя – reclamație împotriva șoferului* (румынский эквивалент выражен родительным с предлогом), *стрижка под мальчика – tunsoare băiețească*, но и *tunsoare ca de băiat* (румынский эквивалент выражен или именем прилагательным или же винительным падежом с составным предлогом).

Многочисленны и несоответствия, выделяемые внутри **обстоятельного** значения.

Иногда русским обстоятельным конструкциям, выраженным винительным предложным, соответствует в румынском языке тот же падеж, но без предлога: *дать концерт в воскресенье – a da un concert duminică, встретиться на другой день – a se întâlni a doua zi*. Более часто встречаются русские конструкции с винительным падежом, которым в румынском языке соответствует родительный: *приехать под праздник – a sosi în ajunul sărbătorii, рисовать под Серова – a picta în maniera lui Serov, беспокоиться за мальчишку – a se neliniști din cauza băiețelului*. Винительный предложный с обстоятельным значением передаётся иногда через наречие + имя существительное в винительном падеже: *прожить в палатке с неделю – a locui în cort vreo săptămână*.

Большое количество значений, закрепленных за существительными в винительном предложном, объясняется большим

²¹⁸ Avram, Mioara, *Указ. соч.*, с. 97.

разнообразием и количеством предлогов и предложных речений, с помощью которых образуются эти конструкции, особенно в румынском языке.

В русском языке употребляются исключительно с винительным падежом лишь предлоги *через*, *сквозь* и *спустя*. Что касается предлогов *в*, *на*, *о*, то они используются также с предложным падежом, в то время как предлоги *за* и *под* используются и с творительным, *по* и с дательным и предложным, *с* – с родительным и творительным.

Один и тот же предлог может использоваться в различных контекстах, выражающих различные значения, объектное: *перейти через улицу – a traversa strada*, определительное: *мост через Дунай – podul de peste Dunăre*, обстоятельственное: *через час, пройти через лес*, предикативное: *Письмо – через две строки. – Scrisul este la două rânduri*.

Отмечаем то, что и в румынском языке существительные с одним и тем же предлогом могут иметь в различных контекстах самые различные значения. Например, предлог *la* образует все пять значений винительного падежа: *Văd la oameni!* – объектное, *Se-aud la zgomete!* – субъектное, *Scrisul este la mașină.* – предикативное, *Mersul pe bicicletă este sănătos.* – определительное, *Vin la Universitate/la amiază* – обстоятельственное.

Русскому винительному падежу с предлогом или же без предлога свойственны все пять значений: объектное, субъектное, предикативное, определительное, обстоятельственное, но и такие комбинированные значения, как: субъектно-объектные, субъектно-обстоятельственные, определительно-объектные, определительно-обстоятельственные, объектно-обстоятельственные.

Что касается румынского языка, существительные в винительном беспредложном не могут осуществлять субъектного и предикативного значений, которые передаются через винительный предложный. Румынские эквиваленты русского винительного падежа – это чаще всего существительные в том же падеже. Реже бывают случаи, когда румынские эквиваленты русского винительного – это либо существительные в именительном/ родительном/ дательном падеже, либо наречия, либо прилагательные, либо конструкции, состоящие из наречия или же из причастия и имени существительного.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бондарко, А.В., *Теория грамматических категории*, Ленинград, 1976.
Милославский, И.Г., *Морфологические категории современного русского языка*, Москва, 1981.
Русская грамматика, под ред. Н.Ю. Шведовой, т. I-II, Москва, 1980.
Русская грамматика, под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина, Москва, 1990.
Avram, Mioara, *Gramatica pentru toți*, București, 1986.
Brâncuș, Grigore; Manuela Saramandu, *Morfologia limbii române*, Universitatea din București, 2006.
Gramatica limbii române, vol. I-II, Editura Academiei Române, București, 2005.
Osiac, Maria, *Categoriile gramaticale ale substantivului în limbile rusă și română*, București, 2003.

RESUMEN

Valores del caso acusativo en los sustantivos en ruso y rumano

En el presente estudio nos proponemos presentar los valores del caso acusativo de los sustantivos – acompañados o no por preposiciones – en ruso y rumano, y subrayar tanto las similitudes como, sobre todo, las diferencias existentes entre los dos idiomas que pertenecen a familias de lenguas diferentes.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ИНОСТРАННЫХ НАЗВАНИЯХ ЧАСОВ, СУЩЕСТВУЮЩИХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Божена БОЛЕСТА-ВРОНА
Белосток, Польша
bozena.bolesta-wrona@wp.pl

Ключевые слова: *названия, часы, заимствования*

Названия часов выполняют в языке номинативную функцию, прямо называя денотаты (изделия), позволяя отличить один денотат (часы) от другого, напр. сделанного на другом заводе или в другой стране. Нередко названия часов – это слова иностранного происхождения.

В настоящее время каждый язык обогащается за счёт других языков, заимствуя слова, в том числе названия часов. В русский язык включаются названия изобретённые в любой стране мира, а происходят они из различных языков. У названий часов разноязычная природа, они иносистемные для русского языка. Искусственность построения этих названий ставит их в оппозицию к другим текстам, в которые они включаются. Названия часов, как языковые средства, используются в коммерческих целях, а заимствование происходит и при живом общении, и письменным путём, через интернет и мобильные телефоны.

Причины заимствования слов в разные исторические периоды формирования лексики русского языка, которые становятся названиями часов или при помощи которых эти названия формируются, могут быть собственно языковыми и внеязыковыми. К языковым причинам относится стремление носителей языка углубить и пополнить представление о предмете. К неязыковым причинам заимствования русским языком иностранных слов мы можем причислить вступление русского народа в разные исторические периоды в культурные, политические и экономические связи с другими народами.

Названиями часов, которые существуют в русском языке, часто являются слова, происходящие из лексического фонда других языков, например, в 1826 г. Г. Мозер (швейцар) создал в Санкт-Петербурге часовую мастерскую, а потом открыл торговое представительство в Москве. Часы, которые выпускались и продавались этой фирмой, именованные *Moser & Cie*, были известны дворянству России. Название этих часов происходило от фамилии основателя предприятия – Г. Мозера, который немного изменил звучание своего

имени на английскую манеру и все свои изделия называет *Moser & Cia*. Часы *Moser & Cia* производились в России до 1917 г., потом предприятие перенеслось в Швейцарию и изменило названия часов. С 2005 г. мануфактура *Moser & Cia* возрождается в Швейцарии и выпускает комфортные часы, которые появились теперь также в России. На основании выше указанного примера, мы можем доказать, что названия часов, происходящие из других языков, могут быть эфемерными, они существуют в языке пока существует денотат (часы), они появляются и исчезают из речи вместе с называемым предметом. Слова, получающие сразу широкое распространение, вливаются в состав активной лексики, в отличие от них, инновации, не до конца освоенные языком, сохраняют оттенок необычности. Освоение языком новых слов происходит по-разному: одни из них очень быстро получают признание, другие проходят проверку времени и закрепляются в языке не сразу, а иногда и совсем не приживаются.

Некоторые иноязычные слова вошли в русскую лексику в результате заимствования для обозначения денотатов (часов), которые стали известными для носителей русского языка. Эти слова появились в русском языке вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова, напр. название часов *TISSOT* вошло в русский язык в конце XIX в. *Tissot* – это фамилия основателя часового предприятия, которое находится в Швейцарии. С 1866 г. фирма *TISSOT* была официальным поставщиком часов для Российского Императорского двора. С 1891 г. часы *TISSOT* являются первыми в истории, сделанными для офицеров Русской Императорской армии. Здесь денотат (часы) является естественным следствием установления экономических связей со швейцарами. Вместе с изделиями (часами) в русский язык вошли обозначающие их слова. Заимствования происходили двумя путями: устным, через разговорное общение в условиях контакта с рабочими и владельцами производства, как и письменным – через официальные документы, торговые договоры.

Можем доказать, что название часов *TISSOT* существовало и существует в русском языке до сих пор, россияне всё время пользуются часами *TISSOT*, а предприятие изготавливает верные оригиналу копии „Часов царского полка”, а также новые модели хронометров. Наиболее известные коллекционерам экземпляры находятся сегодня в музеях.

В XX в. в России развивается точная механика, часовая промышленность. В это время часы получают названия, придуманные россиянами, так как это и собственно русские изделия. Эти названия часто происходят от слов, раньше вошедших в русский язык из других языков. В эту группу мы

можем включить названия часов, которые происходят от прямых заимствований, от выражений, проникших в русский язык непосредственно из других языков, не через третий язык.

Наиболее ранними заимствованиями из скандинавских языков были собственные имена, напр. **Ольга** – имя *Ольга* заимствовалось русским языком из скандинавских языков. (*Helga* из *heila* святая; англ. *Ologa* (*Ольга*), швед. *Helge* (*Хельге*), нем. *Helga*, *Helge* (*Хельга*, *Хельге*); рус. сокр. *Оля*, *Лёля*). (СРЛИ)

Из французского языка заимствовалось, слово *атташе*, название часов **Атташе** – (франц. *Attache*, букв. ‘прикреплённый’), дипломатический ранг (СЭС).

В русский язык входили тоже тюркские слова, в числе которых помещается лексика разных народов, они вошли в русский язык устным путем (во время татарской неволи) и благодаря торговым и военным отношениям в разные исторические периоды, напр.: **Буран** – заимств. из тюркских яз., по-видимому, татарск. Татарск. *буран* – суффиксальное образование от *бур-* – ‘крутить, свивать, вертеть’ (КЭСРЯ).

Начиная с XIX в. из английского языка входят в русский язык термины обиходно-бытовой жизни, железнодорожного дела. В это время заимствовалось также слово *спорт*, которое теперь используется россиянами как название часов. *Спорт* – заимств. в XIX в. из английского языка, англ. *sport* возникло путем аббревиатуры от *disport* – ‘игра’ < ст. - франц. *disport* – тж. (КЭСРЯ).

Другим примером, при помощи которого мы можем доказать, что названия русских часов часто происходят от слов, раньше заимствованных из английского языка, это название **Стандард**. *Стандард* – заимствование из английского языка. Англ. *standard* обозначает ‘установленный образец, норма’ (КСИС).

В петровскую эпоху русский язык пополнялся словами из голландского языка. Это было тесно связано с развитием кораблестроения. Примером названия часов, происходящего из голландского языка, является название **Штурманские** – заимствовано в Петровскую эпоху из голландского языка. Голланд. *stuurman* – производное на базе слова *stuur* – ‘руль’ посредством суффиксоида *man* (по значению равного суф. действующего лица и восходящего к *man* – ‘человек, мужчина’). Штурман буквально обозначает ‘рулевой’. (КЭСРЯ)

Среди названий часов можем выделить также группу названий, которые этимологически происходят из древних языков: латыни и греки, а вошли в русский язык при помощи третьего языка. Немало греческих слов вошло в русский язык книжным путём. Многие термины, связанные с богослужением, пришли с принятием христианства через южнославянское посредство, между другими собственными именами, которые теперь являются названиями часов,

напр. *Анжелика* – *Ангелика* из греческого *Agello* 'возвещать, извещать' (СРЛИ).

Некоторые греческие термины, касающиеся науки, культуры и быта, заимствовались через французский язык. Они начали входить в русский язык в петровскую эпоху, когда развивалась в России наука и промышленность. Самое большое их количество появилось в конце XVIII - начале XIX века, когда русское дворянство подражало всему французскому, напр. **Амфибия** – (земноводное) заимств. в XVIII в. из французского языка. Франц. *Amphibie* восходит к греч. *Amphibios*, сложению *amphi* – 'с обеих сторон' и *bios* – 'живущий'. *Амфибия* – буквально 'животное, ведущее двойной образ жизни (т.е. и земное и водное)' (КЭСЗЯ); **Неон** – заимствованно в XX в. из франц. яз. Семантически неологизм химика У. Рамзея на основе греч. *Neon* – 'новое' (КЭСРЯ).

Большое влияние на лексику русского языка оказал также латинский язык. Заимствованные русским языком латинские слова в многих случаях относятся к сферам понятий науки, техники, искусства, общественных и политических отношений. Латинские выражения часто попадали в русский язык не только непосредственно, но и через другие языки, так как латинь была литературным языком всего Запада в течение многих лет. К названиям часов, которые возникли на базе латинского языка можем причислить: **Авiator** – заимствовано в начале XX в. из франц. яз. , франц. *aviation* является суффиксальным образованием от лат. *avis* – 'птица' (КЭСРЯ); **Генеральские** – заимствовано в XVII в. из немецкого языка. Нем. *general* – 'генерал' является заимств. из франц. *general* – тж., сокращения из *capitaine general*, восходящего к лат. *generalis* – 'главный, общий; принадлежащий роду', деривату от *genus* – 'род' (КЭСРЯ); **Престиж** – заимствовано в XIX в. из французского языка. Франц. *prestige* < лат. *praestigium* (КЭСРЯ); **Салют** – заимствовано в Петровскую эпоху из французского языка. Франц. *salut* < лат. *salus* – 'пожелание здоровья, здоровье' (КЭСРЯ).

Названия часов, произведенных в России, часто происходят от слов, заимствованных путём буквального перевода, обычно по частям, это семантические кальки, напр. слово *Восток* заимствовано из старославянского языка, где оно является словообразовательной калькой греческого *anatole*. (КЭСРЯ)

Заимствованные названия часов способствует обогащению словарного состава русского языка. Названия часов, которые являются словами иноязычного происхождения, подчиняются законам фонетики, грамматики и словообразования русского языка.

В конце XX в., в перестроечное и постперестроечное время в России тоже развивается часовая промышленность, но способ именования часов совсем меняется. Происходит активное внедрение в русскую лексику иностранных слов, особенно американизмов.

Русские часы приобретают названия на английском языке, хотя и существуют синонимические термины на русском языке напр. **RED SQUARE** – Красная площадь, **RED SEA** – Красное море, **LUCH**- Луч.

Названиями часов являются не только слова и словосочетания, заимствованные из английской лексики и написанные на английском языке, выступают также сокращения, напр. название часов **SCUBA** состоит из первых звуков слов английского выражения, **Self-Contained Untained Underwater Breathing Apparatus**. Причины этого явления разнообразные, во-первых, это демонстрирует презрение людей к собственному языку, отношение к нему как к непрестижному, устаревшему, третьесортному²¹⁹, во-вторых, английский язык является теперь модным и престижным во всём мире. Это международный язык компьютеров и электронной телефонной связи. Самое главное, молодежь всей Европы говорит на английском языке. Международный обмен названий часов в XX - XXI вв. становится общим достоянием всех людей, пользующихся интернетом. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь всё более невозможными.

Лингвистический анализ названий часов показывает, что в этой группе выступает много 'чужих' слов. Здесь можем определить два типа заимствований, к первому можем причислить названия часов, которыми являются слова раньше заимствованные в русский язык и до сих пор называющие другие предметы и явления. Теперь они входят в русский язык второй раз, в качестве названий часов, напр. **ZENITH** (зенит) – заимствовано в XVIII в. из французского языка. *Zenith* является переоформлением (в результате ошибочного чтения) араб. *semet* – 'дорога > небесная дорога над головой > зенит' (КЭСРЯ); **STYLE** (стиль) – заимствование из греческого языка. Это многозначное слово: 'совокупность признаков, характеризующих литературу', 'Приемы использования средств языка', 'способы летосчисления (старый стиль)' (КСИС); **ATENY** (Афины) – название города, столица Греции (СГН). В большинстве, выше указанные примеры названий часов, это интернациональные выражения. Взаимовлияние языков – это медленный процесс, который ведет к укреплению и расширению лексической системы того или иного конкретного языка, интернациональных форм выражения. Рядом с обиходной бытовой лексикой национальных языков складывается интернациональная терминология в области науки и культуры, в основном общая у всех европейских народов, восходящая, по большей части, к античным (латинскому и греческому) языкам.

Второй тип названий часов, которые включаются в настоящее время в русский язык, это совсем новые слова, не употребляемые до

²¹⁹ Лазаревич В. А., *Язык - весы ума*, в сб. *Журналистика и культура русской речи*, вып. 1., Москва 1996, с. 69-80.

сих пор россиянами. В большинстве случаев источником заимствования является английский язык, напр. **BOLD** – ‘чёткий, разборчивый, отчётливый’; **CODENAME** – сложение английских слов: *code* – ‘код, шифр, замок’ и *name* – ‘имя и фамилия’.

В последнее время русский язык усвоил довольно большое количество слов из других языков, прежде всего, из английского языка. У этих названий разноязычная природа, не все они закрепляются в языке. Их появление свидетельствует об активных процессах, которые происходят в русской лексике.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

KES – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В., Краткий этимологический словарь, Москва 1975.

KSIS – Локшина С.М., Краткий словарь иностранных слов, Москва 1985.

SES – Советский энциклопедический словарь, под ред. А.М. Прохорова, Москва 1982.

БИБЛИОГРАФИЯ

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., *Справочник лингвистических терминов*, Москва 1972.

Суперанская А.В., *Товарные знаки и знаки обслуживания в России*, (w:) *metodologia badań onomastycznych*, Olsztyn 2003, str. 527-541.

Сводный словарь современной русской лексики в двух томах, под ред. Р.П. Рогожниковой, Москва 1991.

ABSTRACT

A Few Remarks about Borrowing Names of Watches Functioning in Russian Language

Names of watches in Russian complete a calling function. They make possible to differentiate homogeneous objects. Nowadays Russian language absorbs a lot of words derive from foreign languages especially from English. Their appearance testifies the active process which is taking place in the lexicon of Russian.

О ВАРЬИРОВАНИИ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ В РУССКОЙ РЕЧИ

В.Т.БОНДАРЕНКО

Москва, Россия

Ключевые слова: *устойчивые фразы, вариативность, преобразование, система языка*

В литературе по фразеологии и синтаксису можно встретить утверждения об употреблении пословиц, поговорок, крылатых выражений и т.п. коммуникативных единиц, названных В.Л. Архангельским устойчивыми фразами (УФ) [Архангельский 1964], в постоянной, фиксированной форме, о их неспособности к трансформациям или, по крайней мере, о слабо выраженной, по сравнению с фразами, вариантности. Утверждения такого рода следует признать несостоятельными.

Дело в том, что варьирование (вариантность, вариативность) как способность одной и той же единицы языка выступать в различных модификациях относится к числу важнейших и непреходящих атрибутов живого языка. Ни одна единица языка не является созданной раз и навсегда. Не представляют исключения в этом плане и УФ, для которых вариативность есть естественное и необходимое свойство, обеспечивающее способ их существования и функционирования в речи.

Как показывают наблюдения, УФ являются единицами очень подвижными и изменчивыми, постоянно готовыми к своему обновлению и переходу от одного состояния в другое. Явление вариативности, понимаемое широко, как любое изменение, претерпеваемое единицей в речевой деятельности, представлено в УФ более заметно и ярко, чем во фразах. При этом изменение УФ может происходить как стихийный акт (непреднамеренное преобразование, возникающее спонтанно в процессе речи и потому не осознаваемое речепроизводителем) или же находиться под контролем говорящего (программируемое изменение, создаваемое осознанно и целенаправленно). Варьирование УФ может иметь как узуальный (языковой), так и окказиональный (индивидуальный, контекстуальный) характер. Жестких границ между стандартными (узualmente) и нестандартными (окказиональными) вариантами нет.

Изменение УФ возможно до тех пор, пока не нарушается коммуникация, что предполагает в качестве обязательного условия допустимости и «законности» варианта сохранение его

соотнесенности с исходной формой УФ как структурно-семантическим образцом (инвариантом).

Заклученная в УФ большая порождающая сила, тяга к динамике и преобразованиям на каждом уровне языковой структуры, а также специфика их речевого варьирования обусловлены лингвистической природой самих фразовых единиц.

По сравнению с фразами УФ обладают более сложным семантическо-грамматическим устройством, определяемым их уровневый положением в системе языка, занимаемой ими иерархической «высотой» [Макаев 1962], и чертами аналитичности. Кроме того, УФ имеют ярко выраженную прагматическую направленность, делающую эти единицы привлекательными для потребителя с точки зрения использования в области речевых действий и воздействий, в качестве удобных заготовок для различных обработок и применений.

Двойная культурная ценность УФ – быть источником хранения накопленных веками готовых сокровищ и источником порождения новых – была зорко подмечена еще Л.В.Щербой. «Сокровищница эта, - писал он, - полна всяких готовых мыслей, готовых шаблонов, фраз, образов и оборотов и охотно снабжает ими своих клиентов, которые в большинстве случаев просто повторяют слышанное. Но она имеет в виде этих самых шаблонов и богатый запас материалов для новотворчества, для выражения новых мыслей и чувств» [Щерба 1957: 134].

Возникающие потребности коммуникации, желание избежать трафаретности, облечь зарождающиеся мысли не в готовые, а в другие формы заставляют говорящего (которому отводится ведущая и активная роль в речепроизводстве) искать и находить соответствующие для этих мыслей средства выражения. Последние и содержатся в системе УФ, но не даны в их исходном виде, а, по Л.В. Щербе, «лишь заложены в виде возможностей и линии речевого поведения» [там же].

Анализ материалов подтверждает сказанное Л.В. Щербой о заложенной в самих УФ линии их поведения. Варьирование УФ в речи происходит не хаотично и произвольно: оно носит, несмотря на фразеологические ограничения, типовой (упорядоченный, моделированный) характер. Это значит, что изменение облика фразовых единиц находится под сильным давлением и регулирующим влиянием системных возможностей языка, подчиняясь действующим в системе языка определенным правилам, нормам и процессам.

Варьированию подвергаются все стороны УФ. Оно бывает «чистым», если затрагивает один какой-либо уровень языка, или же смешанным (сложным), охватывая сразу несколько уровней.

1. Варьирование лексического состава УФ регулируется, как правило, ассоциативно-прагматическими связями в лексико-семантической подсистеме языка. Мена компонентов в составе УФ и формирование вариационных рядов происходит на основе: синонимии – *Мертвых (покойников) с погоста (кладбища) не носят (не таскают)*; тематического ряда – *Цыплят (кур, гусей, овец, ягнят) по осени считают*; метонимии – *Лбом (головой) стену не прошибешь*; эвфемизации – *Отдай жену дяде, а сам ступай к б... (тете)*; антонимии – *Аппетит приходит (уходит) во время еды*; паронимии – *Свежо предание (питание), а верится (варится) с трудом*.

Особый случай лексического варьирования УФ представляет мена именного компонента на основе прямого обозначения актанта ситуации. В результате такой замены образуются открытые и не ограниченные в количественном отношении ряда вариантов УФ. Ср: *Цыплят (медали, награды, очки, мячи, шайбы, курортников, реформы...) по осени считают*. Такие фразовые варианты предназначены для уточнения (конкретизации) содержания УФ и обладают признаками функциональной одноразовости, частичной производимости и тесной зависимости от контекста.

2. В грамматическом аспекте динамические качества УФ проявляются в двух видах варьирования, не затрагивающих ее фразеологического значения и построения (структуры): формообразующем и неформообразующем [см.: Диброва 1979].

В первом случае варианты образуют живые парадигматические формы, обладающие реальным грамматическим значением предикативности (модальности, времени, лица). Ср., например: 1) *Игра не стоит свеч – Игра не стоила свеч – Игра не будет стоить свеч – Игра не стоила бы свеч – Пусть игра не стоит свеч*; 2) *Лезешь в волки, а хвост собачий – Лезет в волки, а хвост собачий*.

Диапазон и регулярность формообразующего варьирования УФ определяются их денотативным статусом. Чем более системное значение УФ приспособлено для выражения конкретных ситуаций (чем меньше степень обобщенности), тем легче и естественнее образуются грамматические формы, и наоборот. Однако не следует забывать, что многообразие коммуникативных потребностей и творческая деятельность самого говорящего постоянно стимулируют образование контекстов, «индивидуализирующая» сила которых берет верх над обобщенностью УФ [см.: Бондаренко 1995].

Во втором случае варианты УФ представляют собой формы с опустошенным грамматическим содержанием, претерпевшие процесс семантической нейтрализации: *Язык до Киева доведет (доводит), Свято место пусто не бывает (не будет)*. При обычном (обобщенном) употреблении эти варианты в отличие от формообразовательных не являются средством выражения

синтаксической связи УФ с единицами контекста и имеют свободную взаимозаменяемость в тексте.

3. Структурное варьирование УФ осуществляется на основе грамматической трансформации – посредством операций, заключающихся в морфолого-словообразовательном преобразовании компонентов, добавлении или опущении структурных элементов, перераспределении синтагматических связей внутри фразы, изменении порядка следования компонентов. Ядерная УФ и ее структурные варианты – трансформы, сохраняя лексическую общность, находятся в отношениях производности, семантической и конструктивной соотносительности. Со структурной точки зрения преобразование УФ бывает трех видов.

При внутримодельном преобразовании структурная схема УФ не изменяется, происходит лишь структурно-семантическая модификация УФ по линии утверждения – отрицания: *Бойтесь данайцев, дары приносящих* → *Не бойтесь данайцев, дары приносящих*; *Яйца курицу не учат* → *Яйца курицу учат*.

При межмодельном преобразовании смена синтаксической формы не приводит к существенным сдвигам в смысловом содержании УФ: *По одежке протягивай ножки* → *По одежке протягивают ножки*, *Видна птица по полету* → *Видно птицу по полету*, *Видать птицу по полету*; *Кто смел, тот два съел* → *Смелый два съел*.

Межуровневый тип преобразования приводит к функциональному изменению УФ при сохранении общности в номинативном значении. Возникающие в процессе транспозиции УФ номинализованные структуры наделяются семантико-грамматическими свойствами субстантивных или глагольных фразем: 1) *Клин клином вышибают* → *вышибание клина клином*, *У семи нянек дитя без глазу* → *дитя без глазу у семи нянек*; 2) *Всякое лыко ложится в строку* → *ложиться лыком (как лыко) в строку*, *Куй железо, пока горячо* → *ковать железо, пока горячо*.

Количественное изменение компонентного состава УФ происходит как в сторону сужения (имплицированное варьирование), так и в сторону расширения числа компонентов (эксплицированное варьирование) и связано, как показал В.М.Мокиенко, с общеязыковыми принципами экономии и избыточности [Мокиенко 1980].

Имплицированные, или эллиптические, варианты УФ бывают двух типов: с интонацией незавершенности и с интонационной законченностью. Образование первых вариантов, сохраняющих начальные фрагменты УФ, вызвано преднамеренной авторской недоговоренностью: *Под лежащий камень вода не течет...* - *Под лежащий камень вода...* - *Под лежащий камень...* В основе образования вторых вариантов лежит освобождение от избыточных и

не существенных в плане содержания элементов: *Нашла коса на камень – Коса на камень; Клин клином вышибают – Клин клином.*

Эксплицированное варьирование УФ отражает стремление носителя языка уйти от стандартности фразеологической семантики, обновить и усилить экспрессивное «звучание» фразы (часто с целью пошутить): *Жизнь бьет ключом + и все по голове; С милым рай и в шалаше + если милый атташе.*

Если оценивать поле варьирования УФ по семантическому результату, по признаку тождества-различия, то в нем обнаруживаются: 1) варианты, сохраняющие тождество УФ и 2) варианты, нарушающие тождество, обращенные к фразообразованию.

Принципиально важную роль в понимании механизма варьирования УФ и их динамических свойств играют противоречия, действующие на уровне языка и речи и служащие внутренним стимулом изменения и развития этих фразеологизмов: устойчивость-неустойчивость, воспроизводимость-производимость, общее-индивидуальное, синхрония-диахрония, имплицитность-эксплицитность и др. Благодаря действию данных антиномий УФ живут и существуют, находясь в состоянии подвижного равновесия, воспринимаясь средством «столь же гибким, как и твердым, столь же индивидуальным, как и универсальным», «и неизменным и всеприспособительным» [Флоренский 1989: 123].

БИБЛИОГРАФИЯ

Архангельский В.А. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов на/Д: Изд. Ростовского ун-та, 1964.

Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. Учеб. пособие. Тула: Изд. Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1995.

Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов на/Д: Изд. Ростовского ун-та, 1979.

Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопр. языкознания. 1962. № 5.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Выс. школа, 1980.

Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957.

Флоренский П.А. Термин // Вопр. языкознания. 1989. № 1

ABSTRACT

Variation of Fixed Phrases in the Russian Speech

Sayings, proverbs, fixed word-combinations in our speech undergo various changes. Variation takes place within the frame of systematic opportunities. It affects the vocabulary, form and structure of the units.

ПОСЕССИВНОСТЬ ПРИ РУССКОМ ДЕЕПРИЧАСТНОМ ОБОРОТЕ

Мицуси КИТАДЗЁ
Киото, Япония
kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Ключевые слова: *субъект русского деепричастия, обладатель, обладаемое, иерархия неотчуждаемости, авторская субъективность*

Деепричастие представляет собой неспрягаемую форму глагола, относящуюся к субъекту действия, выраженного сказуемым. «В русском языке возможность такого подчинения ограничена требованием 'сквозного субъекта': оба действия должны производиться одним и тем же лицом (предметом), которое бывает названо подлежащим финитного глагола или выражено его личными показателями: *Иду, стараясь не наступать на грядки; Не глядя в нашу сторону, Диканов продолжал диктовать текст телеграммы.* Собственной субъектно-подлежащей валентности русские деепричастия не имеют»²²⁰. Употребление деепричастий, не касающихся до основного действия подлежащего, противоречит литературной норме. В связи с тем вспоминается синдром Ярмонкина, происходящего от персонажа в «Жалобной книге» у Антона Чехова:

(1) *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа.* (И. Ярмонкин).

Семантически два деепричастия (подъезжая и глядя) относятся к «меня», а сказуемое (слетела) - к «шляпа». По поводу этого предложения, А. А. Камынина²²¹ отмечает, что нельзя ввести в предложение деепричастие, деятель которого не может быть назван, и при наличии деепричастного оборота подлежащее обязано быть «семантически солидарно» и со сказуемым, и с деепричастием.

Такого рода деепричастный оборот встречается даже в указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1979 года:

(2) *Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1979 года за успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и*

²²⁰ Рябова, А. И. *Условия и способы реализации субъектной валентности деепричастия в простых двусоставных предложениях с глагольным и причастным сказуемым.* Канд. дис. Москва. 1982.

²²¹ Камынина, А. А. «О синтаксической связи деепричастий в современном русском языке». сб.: *Проблемы учебника русского языка для иностранцев*, Москва, 1979, с. 296-305.

культурном строительстве, **отмечая** их большую роль в развитии социалистического соревнования за досрочное выполнение пятилетних планов, в осуществлении индустриализации страны, город Донецк награжден орденом Ленина.

Об указе отзывается М. Гиршман: «Деепричастие и основное сказуемое должны быть связаны одним и тем же действующим субъектом. Но из указа следует, что город Донецк - сам - отмечал большую роль своих трудящихся. Так что в данном случае этот деепричастный оборот включен неграмотно»²²².

Категориальным свойствам форм, которые, согласно традиции, составляют и исчерпывают собой класс русских деепричастий, является отсутствие у них собственной подлежащей валентности. Однако, на самом деле, субъект деепричастия варьирует по отношению к субъекту сказуемого. Подобное отклонение иногда используется в индивидуально-художественном стиле разных писателей:

(3) **Имея** право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках. («Выстрел» А. С. Пушкин)

(4) У меня сердце и заныло, **глядя** на ваши сиротские денежки. («Бедные люди» Ф. М. Достоевский)

(5) **Глядя** на её, сердце разрывалось, бывало. («Бедные люди» Ф. М. Достоевский)

(6) На вас-то **глядя**, у меня сердце надрывается. («Три страны света» Н. А. Некрасов)

(7) **Проезжая** на возвратном пути в первый раз весною знакомую березовую рощу, у меня голова закружилась и забило сердце от смутного сладкого ожидания. («Гамлет Щигровского уезда» И. С. Тургенев)

(8) **Повторя** молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к богу как-то странно сливались в одно чувство. («Детство» Л. Н. Толстой)

(9) **Проснувшись** на другой день, первую мысль моею было приключение с Колпиковым. («Юность» Л. Н. Толстой)

(10) Холодный пот выступил у меня, **слушая** поручика («Виновата ли она?» А. Ф. Писемский)

(11) **Подъезжая** к сией станции и **глядя** на природу в окно, у меня слетела шляпа. (=1) («Жалобная книга» А. П. Чехов)

В современном русском языке нормативным является употребление деепричастий только при подлежащем, обозначающем субъект действия, типа *Читая книгу, он заметил в ней опечатки*²²³. Но не все исключения из этого правила следует считать, как это принято в

²²² Гиршман, Г. Награждая Донецк, у меня слетела шляпа. В газете «Осколки» - Газета «Город», №33 от 5 октября 2000 г.

²²³ Шелякин, М. А. Деепричастие. в кн.: Современный русский язык. Под общей редакцией Л. А. Новикова. Санкт-Петербург, 1999, с.564-571.

школьных грамматиках и методических пособиях, ошибочными. «К сожалению, наши неверные взгляды на литературный и нелитературный язык поддерживаются в основном именно нашими школами; их позиция авторитарна»²²⁴. Объективному взгляду на язык мешают не только наши интуитивные представления о языке и практическое владение им, но и разнообразные социальные и националистические предрассудки, связанные с языком, а также многочисленные широко распространенные заблуждения касательно языка, навязываемые искажёнными вариантами традиционной грамматики, бытующими в школьных учебниках. Освободить свой мозг от груза подобных предрассудков и неправильных представлений действительно очень трудно, но абсолютно необходимо для тех, кто приступает к занятиям лингвистикой. Следует иметь в виду, что никаких абсолютных стандартов чистоты и правильности в языке нет и что эти понятия имеют смысл только относительно некоторого выбранного заранее стандарта.

В естественном языке находят своё отражение любые мыслимые элементы и ситуации действительности — физического и психического мира человека. «Главная задача лингвиста заключается в описании того, как люди говорят и пишут на своём языке, а не в предписывании того, как они должны говорить и писать. Другими словами, лингвистика является в первую очередь наукой описательной, а не нормативной (или предписывающей)»²²⁵. И Л. Блумфилд пишет: «То обстоятельство, что говорящие называют одну речевую форму 'хорошей', или 'правильной', а другую — 'плохой', или 'неправильной', — это лишь какая-то доля имеющихся у лингвиста сведений о данной форме. Само собой разумеется, лингвист не может игнорировать какую-либо часть материала, как не может фальсифицировать свои записи: он наблюдает все языковые формы непредвзято. Одной из его задач является выяснение того, при каких обстоятельствах говорящие характеризуют ту или иную языковую форму так, а не иначе и — применительно к каждой отдельной форме — почему они характеризуют её именно так»²²⁶.

Подлежащее — выразитель субъекта деепричастного действия может выходить за пределы предложения с деепричастной синтаксической единицей. Субъект действия главной части предложения может быть одним из ряда субъектов действия деепричастной синтаксической единицы. Вполне закономерным для современного состояния развития русского языка является употребление деепричастий в связи с такими частями предложения, где существует разница в выражении грамматического, логического и психологического

²²⁴ Блумфилд, Л., *Язык*. Перевод с английского. Благовещенск. 1999. с.549.

²²⁵ Лайонз, Дж., *Введение в теоретическую лингвистику*. Перевод с английского, Благовещенск, 1999, с.60.

²²⁶ Блумфилд, Л. «Язык». Перевод с английского. Благовещенск. 1999. с.36.

субъектов действия главного сказуемого или где совсем не выражен субъект действия. Следовательно, не все предложения, в которых выразитель субъекта действия главного сказуемого не является одновременно выразителем субъекта действия деепричастия, можно расценивать как неправильные. Отклонения от принципа общего подлежащего является в целом ряде случаев закономерным явлением, необходимым на данном этапе развития языка.

«Во всём... объёме вопрос о деепричастных оборотах и о функциях деепричастных конструкций в разных условиях их синтаксического употребления остаётся ещё не исследованным»²²⁷. Отмечая, что подавляющее большинство современных деепричастий синтагматически больше тяготеет к глаголу, нежели к подлежащему, исследователи лексического значения деепричастий всё чаще обращаются к семантико-синтаксическим связям между деепричастием и сказуемым, а не деепричастием и подлежащим²²⁸.

Наша цель состоит в том, чтобы выяснить отношение категории посессивности к субъектам (субъекту деепричастия и субъекту сказуемого) при деепричастном обороте русского языка. До сих пор это мало изучалось в работах о субъекте действия русского деепричастия. В силу антропоцентричности деепричастие обладает более высокой степенью человеческой ориентации (лексической обращённости деепричастия к человеку). В связи с этим интересно рассмотреть субъект деепричастия с учётом принадлежащих человеку предметов.

Категория посессивности как смысловая, логико-семантическая категория широко представлена во всех языках мира. Формальное выражение данной категории зависит от лингвистической характеристики того или другого языка. Способы реализации посессивности в языке варьируются в зависимости от строя языка. «Если обладаемое ассоциируется с обладателем случайно, то оно получает в некоторых языках показатель отчуждаемости (способности быть отнятым), но если оно связано с обладателем необходимым образом, то оно получает показатель неотчуждаемости»²²⁹.

С точки зрения неотчуждаемости, в русском языке мы можем разделить принадлежащие человеку предметы на шесть семантических подгрупп: а) внутренние характеристики человека; б) часть тела человека; в) одежда человека; г) человеческие отношения; д) домашнее животное; е) местонахождение человека. Данные

²²⁷ Виноградов, В. В., *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, М.-Л., 1947. с.387.

²²⁸ См. *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва, 1970, с.511-512. или *Русская грамматика*. Москва, 1980, т. II. с.181-183 или *Грамматика русского языка*, т. II, ч. 1, Москва, 1960, с.570-598, с.650-656.

²²⁹ Лайонз, Дж., *Введение в теоретическую лингвистику*. Перевод с английского, Благовещенск, 1999, с.319.

признаки представляют собой модификацию свойств, употреблённых в концепции «неотъемлемая собственность» (inalienable possession), которую используют Р. Garde²³⁰ и Г. Конфедеракова²³¹ в исследовании посессивных конструкций с дательным падежом в современном русском языке.

В деепричастных оборотах, включающих в себя вышеупомянутые принадлежащие человеку предметы, мы будем рассматривать отношение обладателя (человека) к субъектам деепричастий. В таких случаях обладатель указывает на субъект деепричастия, а обладаемое обозначает субъект сказуемого. В настоящей статье все обладатели выражены местоимением первого лица. Слова, выделенные **жирным шрифтом**, в примерах показывают субъект сказуемого (обладаемое). Оценивая степени приемлемости деепричастного оборота, мы поставили четыре знака: 1) ++ — допустим в высшей степени; 2) + — допустим в незначительной степени; 3) ? — почти недопустим; 4) ?? — совсем не допустим. Решение о степени приемлемости зависит от десяти носителей русского языка.

а) внутренние характеристики человека, обозначающие какое-нибудь проявление человеческой психики или внутренней деятельности (эмоция, душа, мысль, голос, речь и др.):

(12) + Потеряв единственного сына, у меня **душа** разрывается.

(13) + Сдавая экзамен по математике, у меня **настроение** было грустное.

(14) + Приняв хорошее лекарство, у меня усилился **аппетит**.

(15) + Сидя рядом с красивой девушкой на мягком сиденье, мне на ум пришла злая **мысль**.

б) часть тела человека или близкая его собственность (слёзы, улыбка и др.):

(16) ? Слушая его, у меня горели **глаза**.

(17) ? **Глядя на своего ребёнка ласковым взглядом, у меня появилась улыбка.**

(18) ? Слушая его, у меня **слёзы** полились ручьём.

(19) ? Идя по горной дороге, у меня заболели **ноги**.

(20) ? Ужиная с семьёй в ресторане, у меня болел **желудок**.

в) одежда человека, в которую входят платье, костюм, брюки, очки, галстук, шляпа и другие:

(21) ?? Внезапно упав на землю, мои новые **брюки** загрязнились.

(22) ?? Упав на пол, у меня слетели **очки**.

(23) ?? **Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа.**

²³⁰ Garde, P., *О так называемых «симпатических» падежах в современном русском языке*. Russian Linguistics 9, 1985, pp.181-196.

²³¹ Конфедеракова, Г., *Посессивные конструкции с беспредложным дательным падежом (в русском языке в сопоставлении с украинским и словацким языками)*, Slavica Slovaca 22-1, 1987, с. 3-25

г)человеческие отношения (имеются в виду все существительные, обозначающие отношения между людьми, в первую очередь термины родства):

(24) ?? Лечась от проникающей раны в операционной, у меня **сын** громко плакал и кричал в коридоре.

(25) ?? Читая книгу в гостиной, у меня **мать** готовила обед в кухне.

(26) ?? Плавая в бассейне, у меня **отец** играл в теннис.

д)домашнее животное (животное, которое живёт совместно с хозяином).

(27) ?? Исправляя статью, у меня **собака** виляет хвостом.

(28) ?? Сидя за компьютером, у меня **канарейка** пела в саду.

(29) ?? Открыв рыбные консервы ключом, у меня **кошка** замурлыкала.

е)местонахождение человека, обозначающее любой отрезок пространства, в котором может помещаться человек — дом, комната, квартира и др.:

(30) ?? Открыв окно, у меня **дом** сотрясся.

(31) ?? **Изменив обстановку** интерьера, у меня **комната** стала шире.

(32) ?? Забыв погасить огонь в печке, у меня **дача** сгорела

Характер грамматических связей деепричастия с субъектом действия обусловлен соотношением главного и зависимого действий, обозначаемых соответственно глаголами в спрягаемой и деепричастной формах. Сочетание деепричастий в предложении свободно, но, естественно, в пределах смысловых возможностей. Из наших примеров следует, что при деепричастных оборотах, включающих в себя принадлежащие человеку предметы, преобладает незначительная приемлемость обладателя в качестве субъекта деепричастия. Несмотря на это, отчасти допустимы деепричастные обороты групп а) и б), между тем как совсем не приняты остальные группы в), г), д), е).

Душа — это свойство характера, основные черты личности. Другими словами, внутренние характеристики представляют собой сущность и самое главное человека. И *тело* — это человеческий организм в его внешних, физических формах. Утрата души или тела прямо оказывает огромное (смертельное) влияние на само существование человека. Внутренние характеристики и часть тела связаны с обладателем (человеком), имеют высшую степень неотчуждаемости. Тогда как реалии типа *брюки, сын, собака, дом* имеют самостоятельное существование, представляют независимую от индивидов, внеиндивидуальную реальность. «Повреждение», нанесённое одежде, родству, домашнему животному и местонахождению, не оказывает заметного влияния на их обладателей. Они могут быть независимы от своих обладателей и имеют низкую степень зависимости. По поводу степени

неотчуждаемости родства, J. Nichols²³² и J. Haiman²³³ отмечают его высшую степень неотчуждаемости, в то время как L. Hyman²³⁴, M. Durie²³⁵ и, в частности, T. Tsunoda²³⁶ подчеркивают, что степень неотчуждаемости родства ближе к одежде и домашним животным, чем к части тела. Наш результат подтверждает второй вывод.

Таким образом, при деепричастных оборотах, имеющих неотчуждаемые обладаемые, более допустимы в качестве субъекта деепричастия обладатели. Принимая этот факт, мы в дальнейшем обратим внимание на две формы посессивности.

В русском языке встречается параллельное использование притяжательного местоимения и формы у + родительного падежа в конструкциях, показывающих неотчуждаемую посессивность. Г. А. Золотова²³⁷ замечает, что «Форма у-Р включается в предложения с широким значением наличия, статичного явления... при статичной форме имени, обозначающего часть». Например, в следующих предложениях:

(33) **У меня** душа разрывается.

(34) **У меня** горели глаза.

Возможна замена данной конструкции притяжательным местоимением:

(35) **Моя** душа разрывается.

(36) **Мои** глаза горели.

В связи с этим мы рассмотрим степень приемлемости обладателя в качестве субъекта деепричастия.

(37) ?? Потеряв единственного сына, **моя** душа разрывается.

(38) + Потеряв единственного сына, **у меня** душа разрывается. (=12)

(39) ?? Сдавая экзамен по математике, **моё** настроение было грустное.

(40) + Сдавая экзамен по математике, **у меня** настроение было грустное. (=13)

(41) ?? Слушая его, **мои** глаза горели.

(42) ? Слушая его, **у меня** горели глаза. (=16)

(43) ?? Идя по горной дороге, **мои** ноги заболели.

²³² Nichols, J. *On alienable and inalienable possession*, in: William Shipley (ed.). 1988. pp.557-609.

²³³ Haiman, J. *Natural syntax*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985.

²³⁴ Hyman, L. H. *The syntax of body parts*, in: *Haya grammatical structure*. (Southern California Occasional Papers in Linguistics 6). USC. 1977. pp.99-117.

²³⁵ Durie, M. *Grammatical relations in Acehnes*, Studies in language 11. 1987. pp.365-399.

²³⁶ Tsunoda, T. *The possession cline in Japanese and other languages*. in: Hailary Chappell. (ed.): *The grammar of inalienability of typological perspective on body part terms and the part-whole relation*. Mouton de Gruyter. 1996. pp.565-632.

²³⁷ Золотова, Г. А. *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва, 1973, с.310.

(44) ? Идя по горной дороге, **у меня** заболели ноги.(=19)

Из четырёх пар (примеров 37-38, 39-40, 41-42, 43-44) видно, что наблюдается тенденция преимущественной приемлемости обладателя в качестве субъекта деепричастия при деепричастных оборотах с формой *у* + родительного падежа. В посессивной конструкции с притяжательным местоимением (например, «Мои глаза горели.»), речь идёт о состоянии «глаза», тогда как в посессивной конструкции с формой *у* + родительного падежа (напрмер, «У меня горели глаза.»), речь идёт о состоянии «меня». Разумеется, оба варианта обозначает одну и ту же внеязыковую ситуацию, меняется только точка зрения говорящего. Поскольку в эти посессивные конструкции входит и скрытое указание на говорящего, в них тем самым включена модальность предложения. Выбор данных предложно-падежных конструкций (*у* меня глаза, а не мои глаза) придаёт предложениям именно тот оттенок значения, который был назван В. Хаферсом²³⁸ «симпатетическим», т.е. выражающим «интимное участие лица, затронутого глагольным понятием», в отличие от притяжательного местоимения, который просто объективно констатирует отношение принадлежности. При деепричастном обороте, носящем высоконеотчуждаемую посессивность, спаяны обладатель и обладаемое. К тому же если деепричастный оборот включает в себя в высокой степени субъективную форму (т.е. предлог «у» + родительный падеж), можно сказать, что обладатель (особенно в форме местоимения первого лица), выделяющийся с семантико-прагматической точкой зрения, находится в фокусе внимания говорящего. Иначе говоря, субъективный компонент входит в содержание всего, что мы говорим и о чём думаем. Это оказывает влияние на тождество обладателя и субъекта деепричастия. Местоимение первого лица «я», являющееся точкой отсчёта антропоцентризма, означает сознаваемую человеком собственную сущность, самого себя в окружающем мире. Авторская субъективность оказывает влияние на колебание приемлемости субъекта деепричастия. Это подтверждают примеры из художественной литературы:

(45) Имея право выбирать оружие, жизнь его была в **моих** руках.(=3)

(46) У **меня** сердце и заныло, глядя на ваши сиротские денежки. (=4)

(47) Глядя на её, (**у меня** — М.К) сердце разрывалось, бывало. (=5)

(48) На вас-то глядя, у **меня** сердце надрывается. (=6)

(49) Проезжая на возвратном пути в первый раз весною знакомую березовую рощу, у **меня** голова закружилась и забило сердце от смутного сладкого ожидания. (=7)

²³⁸ Havers, W. *Untersuchungen zur Kasussyntax der indogermanischen Sprachen*. Strassburg. 1911. с.2.

(50) Повторя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, (**мои** — М.К) любовь к ней и любовь к богу как-то странно сливались в одно чувство. (=8)

(51) Проснувшись на другой день, первую мыслью **моею** было приключение с Колпиковым. (=9)

(52) Холодный пот выступил у **меня**, слушая поручика. (=10)

(53) Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у **меня** слетела шляпа. (=11)

В выприведённых примерах деепричастие и сказуемое различаются между собой по субъекту и при этом субъект деепричастия выражен местоимением первого лица, указывающим на говорящего. К тому же можно сказать, что пример (54) тоже подчиняется влиянию авторской субъективности, считаясь, что деепричастие «отмечая» относится к пишущему (то есть, президиуму Верховного Совета СССР):

(54) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1979 года за успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, **отмечая** их большую роль в развитии социалистического соревнования за досрочное выполнение пятилетних планов, в осуществлении индустриализации страны, город Донецк награжден орденом Ленина. (=2)

Ещё приведём следующий пример в подтверждение нашего взгляда.

(55) «Энергичные люди», **пользуясь** определением В.Шукшина, умеют подкараулить свою минуту, дожидаться и не упустить своего часа... (Вопр. лит., 1982, №5)

В примере (55) двусмысленности, как можно было бы ожидать, не возникает: не имея возможности истолковать конструкцию как моносубъектную, мы понимаем субъект деепричастия (пользуясь) совершенно однозначно — это говорящий, автор высказывания. Более популярны так называемые «независимые деепричастные обороты», в которых употребляется деепричастие в качестве вводного слова (по наблюдениям Т. В. Шмелёвой²³⁹, особенно употребляются глаголы говорения (говорить, выразаться, перефразировать и т.п.) и глаголы умственной деятельности (полагать, судить, исходить из), не относящиеся к объекту основного действия. Правильность их прочтения гарантируется естественным присутствием в каждом предложении говорящего — субъекта, к которому в первую очередь относятся все недифференцированные указания о действиях говорения и логических операциях.

Кроме того, с точки зрения типологической нам удалось обнаружить, что категория посессивности и субъект деепричастия находятся в

²³⁹ Шмелёва, Т. В. *Деепричастия на службе у модуса. «Синтаксические структуры»*, Издательство Красноярского университета, Красноярск, 1984, с.69.

тесной связи друг с другом. Прежние исследования по русским деепричастиям, не подвергающие сомнению смысловую связь субъекта деепричастного действия с субъектом основного действия, не задерживают своё внимание на их семантических характеристиках. Отношение обладателя к субъекту деепричастия отражает иерархию неотчуждаемости, которая классифицирует значения обладаемых предметов.

ABSTRACT

The Possession Cline in the Russian Converbial Construction

Previous studies could not have elucidated the relation between the converb subject and the subject of the main clause in the Russian converbial construction, regarding “possession cline”. Universally, “possession cline” represents the degree of closeness/attachedness – physical and/or psychological – between the possessor and the possessed, ranging from inalienable possession to alienable possession. The distinction between inalienable and alienable possession is not clear-cut but is a matter of degree. They extend from the high end of the cline towards the low end; the cut-off point varies. The possession cline correlates with the acceptability of the Russian converbial construction, where the converb subject indicates a possessor and the subject of the main clause indicates a possessee. The result of our study shows that the Russian converbial construction is more acceptable when it involves a possessee higher on the cline (inalienable) than when it involves a possessee lower on the cline (alienable).

РАЗВИТИЕ НАУКИ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Мария ДУМИТРЕСКУ
Бухарест, Румыния
enoveanu@gmail.com

Ключевые слова: аббревема; нанометр, Роснано, мнт; предложное поле.

Наука – общее наименование для многих отраслей человеческой деятельности: экономики, техники, гуманитарных исследований, искусства, истории, философии, медицины, космических проблем и пр. Перечень наименований относится к настоящему периоду и каждая отрасль знаний имеет большое количество терминов, связанных как с историей, методами её исследования, материалами и достижениями данной области, так и с развитием до настоящего момента. Часть названных наук обладает и специальным словарем. Наука развивалась постоянно и современный статус каждой области знаний требует глубокое исследование в случае средств для развития с целью обеспечить обществу, её членам, наиболее необходимые решения многочисленных проблем, относящихся к жизни в период, полный загадок, трудностей, успехов, но и неудач.

Возникновение науки (любой отрасли) связано сперва с оформлением круга вопросов, требующих решения. Работа по этой линии не всегда достигала результатов. Кроме этого, на протяжении веков появилась возможность сбора материала, присвоение наименований в зависимости от тех решений, к которым на данный момент так или иначе выдвигались проблемы. Постепенно круг проблем дополнялся в связи с чем появилась и терминология. Последняя оформилась в виде единиц лексики так, что развитие оказалось постоянной заботой для лиц, связанных с кругом проблем отрасли.

Думается, что среди первых терминологий в Европе следует назвать терминологию экономики, *производство* и *обмен* выдвинули множество наименований прежде всего при обработке земли, производстве всего, что имело в виду жизнь людей. Совершенствование результатов, достигнутых в любой области явилось вопросом № 1. В связи с этим совершенствовались и средства передвижения (и здесь терминов достаточно много, см. Словарь...), сохранение продуктов питания, средства для их приобретения – всё это привело к появлению денег (здесь терминология постоянно пополняется: *евро*).

Терминология экономики в наше время пополняется ежесекундно (достаточно упомянуть термины коммерческой отрасли, отношений между производителем и рынком). Последний термин кажется вырос в отношении содержания/семантики так быстро (см. *валюта* и её круг, ёмкости, информатика и дериваты), что словари еле успевают всё собрать и оформить для публики.

Строительство также выдвинуло столь богатую терминологию особенно в последнее время (дом, материалы, методы, решения технологического порядка – всё меняется со дня на день). *Дом*, сущ., которое в последние 20-30 лет получило множество дополнений: сооружение для семьи, если в начале 20-го века люди пользовались наименованием «дом» постоянно и были удовлетворены, если, как у нас говорят, имели «крышу над головой». К середине века многие стали жить в многоэтажном доме с ванной и со своей системой отопления (хотя в Европе до сих пор имеются и бездомные).

Конец 20 века знает дворцы, небоскрёбы, города, где «дом» - это *пройденный этап*. Сейчас идёт гонка (по-мимо вооружений) построения зданий высотой 700 м. (Дубай, Хонг-Конг, Япония). Терминология *дома*, как «место жительства», знает стремительный рост в отношении стройматериалов (предлагается построить дом на дереве), планов размещения членов семьи по роду деятельности, приятелей, гостей хозяина, как декоративности (внутренней и внешней), благоустройства гаража (где по 2-3 авто последней марки), сада, выделения места для животных, иллюминации аллей и пр.

Вторая половина 20 века знает *boom* в области коммуникаций: передвижение на автомобиле выросло после ВОВ и приобретение авто – цель, приоритарная, а его скорость занимает постоянно производителей – повысить и приблизить к скорости поезда, самолета. Новая индустрия по производству ракет (ср. «БрахМос-2» <Брахмапутра+Москва) и шаттлов конкурирует с производством, известным пока только в области *нано*.

Телефон (мобильный множества марок: Nokia, Sony и др., в Румынии 22 мил. их, больше количества граждан в стране), телевидение (с самыми тонкими и одновременно большими экранами с LSD), интернет (со своей особой скоростью трансляции данных) обогатили новыми терминами почти каждого говорящего. Самое интересное однако, предстоит признать скорость, с которой появлялись дериваты (*Интернет*, к примеру *Интернет-среда*, *Интернет-медия*, *интернет-сериал*, *Интернет-словарь*), развитие общества, с её техникой и технологиями, привело к гонке за видеоиграми и желанию потратить неограниченное количество часов за компьютером.

Дериваты данного периода включают массу заимствований²⁴⁰ (из всевозможных зон мира) и аббревиатур (порой сложных)²⁴¹, иногда и их сочетание с цифрами (аэроэкспресс, С-400, 3G, ИЛ-96-400Т)²⁴².

В связи с терминами лингвистики уместно выделить термины: *аббревема, аббревиология, аббронезологизм, аббревиатурный, аккумуляема...*; *предлог*, предложный, -ное поле, -ные единицы*, встречающиеся в последних публикациях XI конгресса МАПРЯЛ в Варне (и на XIV МСС, Ohrid, 2008, М.В. Всеволодова)²⁴³.

В публикациях данного конгресса можно было найти много интересного и по отношению к русскому языку и его терминологии; среди множества терминов нам представляется интересным выделить термин *новояз*, новый язык (особый лингвистический конструкт, проявляющийся и конструируемый в периоды революций, реформ, значительных преобразований, проводимых властью в обществе; *РКИ* русский как иностранный, *НКРЯ* Национальный корпус русского языка, *НИТ* Новые информационные технологии²⁴⁴. Отсюда компонент «ново»...)²⁴⁵, встречающийся в разных периодах развития социума и языка, фактически – это сумма единиц, характеризующих русский язык разных периодов (ср. Петр I, Революция 1917 года, развитие коммунизма, перестройка и современный этап)²⁴⁶.

Наука шагнула вперёд и многие думают о применении достигнутых результатов, в разных отраслях. Среди последних выделяется область *нано* (аббр.) и её дериваты:

Нанометр – одна миллиардная метра и восходит оно приблизительно к середине прошлого века. [nanometru].

Идея создания новых материалов и объектов за счёт компоновки отдельных молекул и атомов восходит к исследованиям американского физика Ричарда Фейнмана (1959 г.). Хотя слово *нанотехнология* впервые использовал в 1974 году японец Норе

²⁴⁰ Афандиева, Ч. *Русский язык в современном мире*. / Мир русского слова и русское слово в мире, т.3. София: HERON PRESS, 2007, с.3-12.

²⁴¹ Баранова, Л. А. *Иноязычные аббревиатуры в современном русском языке: особенности заимствования и освоения*. / Мир русского слова и русское слово в мире, т. 3. София: HERON PRESS, 2007, с.17-25.

²⁴² Гочев, Г. Н. *К вопросу о неологических процессах в современной русской лексике*. / Мир русского слова и русское слово в мире, т.3. София HERON PRESS, 2007, с.59-65.

²⁴³ Dumitrescu, Maria. *Dicționar rus-român de inovații*, vol. IV, 2007-2011 (продолжение, после второго года работы более 1500 единиц). București, 2009.

²⁴⁴ XIV МСС, Ohrid, 2008 (М.В. Всеволодова, сообщение, 16 9 08).

²⁴⁵ Сергеев, Павел. *Боевые нанотехнологии*. Г.ру 17 5 08 (там и библиография).

²⁴⁶ Юрков, Е.Е. Кириченко, С.В. *Новояз: естественная фаза развития языка и/или проявление государственной языковой политики*. / Мир русского слова и русское слово в мире, т.3. София: HERON PRESS, 2007, с.263-275.

Танигуки, который понимал под этим названием любые субмикронные технологии.

В 80-е годы XX века наноидами начали приобретать актуальный вид в результате работ физика Эрика Дрекслера, точнее, после выхода в свет его книги «Машины времени», где был использован термин *молекулярная нанотехнология* (МНТ) или молекулярное производство.

В 1984 году в компании IBM, в швейцарских лабораториях, были изобретены супермощные микроскопы, или так называемые «наноскопы», которые позволили не только наблюдать атомы, но и изменять их построения в молекулах.

В 1991 японский физик Сумио Иидзума создал *нанотрубки* – первый в мире *наноматериал*. *Наноизделия* состояли из 103-106 атомов. В настоящее время Япония считается мировым лидером по созданию наноматериалов 5.

Нанотехнология включает атомную сборку молекул, изучение их качеств, новые методы записи и считывания информации, локальную стимуляцию химических реакций на молекулярном уровне и другое. Нанотехнология 6, с начала 90-х годов XX века, стала развиваться как новая и перспективная отрасль. В её результатах заинтересованы космос, медицина и другие сферы деятельности. Известно, что проблемами развития отрасли заняты учёные США, Великобритании, Китая, Японии, Израиля. В России была создана госкорпорация *Роснанотех**, ставшая *Роснано*, работающий под покровительством правительства:

...В России создана госкорпорация «Роснанотех»... Г. ru 17 5 08; А 21 8 08 [rosnanoteh] corporație (nanotehnologie)

Основными направлениями исследований российских учёных являются создание высокопрочных материалов, мощных энергоисточников, невидимых и меняющих цвет нанообъектов, наноматериалов и др.

В 4 т. *Русско-румынского словаря инноваций* (после второго года работы над материалом - более 1500 единиц) имеются и единицы данной области (в III т. встречаются 10 образований с *нано*). Материал *Приложения* свидетельствует о развитии отрасли и её перспективах, если иметь в виду новую встречу специалистов в Москве в 2009 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А

аббрев'ема ж ы Дериват от аббревиатуры

Тот же путь проходят и русские по происхождению сокращения в процессе семантических преобразований: как факт языка, развитие семантической структуры – появление

про-изводных образований (аббревем) – формирование новых значений. Мир... 3/07 20

[abbrevema] derivat de la o abreviere

аббревиат'урный прил <аббревиатура см. контекст

«... так называемый «аббревиатурный взрыв». Мир 3/07 17
de/al abrevier(ii)e, abreviatuṛă

аббревиол'огия ж. Новая наука, изучающая аббревиатуры (см.

Лексикология)

...в русской аббревиологии выделяется значительный пласт неинициальных образований, аббревиатурные заимствования...
Мир 3/07 18

abreviologie (știința care se ocupă cu studiul abrevierilor)

аббронеолог'изм м ы Заимствованная аббревиатура

...и подтверждается примерами функции аббронеологизмов и их дериватов в Современных словарях новых слов и значений. Мир 3/07 22

abreviere împrumutată (neologism)

аккумуля'ема ж <лат. accumulo накапливать, увеличить

Концепт лингвокультурологии Рг 7 1 08

[acumulēma] <acumulare

Н

н'ано <нанометрия см контекст

Нано в третьем измерении Интернет 08

nano

Nano <Tata Nano Авто (\$ 2,5 тысяч, Индия)

Мы решили назвать его Nano, потому что он сочетает в себе высокие технологии и маленький размер... сказал Tata Nano.

Л 10 1 08 1

(Tata) Nano (auto)

наноактю'атор м ы см контекст

Таким образом, существует возможность создания отдельных проводящих участков костюма, обеспечивающих связь расположенных внутри него сенсоров с управляющей системой и передачу энергии к наноактюаторам экзоскелета.
Г.ru 17 5 08

nanoactuator

наноалм'аз м ы см контекст

Тайванцы научились производить наноалмазы в промышленных масштабах (з) Л 30 4 08 1

nanodiamant

нанобатар'ея ж еи Нанометрическая батарея

Создана солнечная нанобатарея (т) А 20 10 07 1
nanobaterie (solară)

наноб'омба ж ы Бомба в размере нано (см)
Россия заявила о «нанобомбе»... Г.ru 29 8 08
nanobombă

нановолокн'о с 'окна см контекст
Ключевыми материалами для перспективного костюма
военнослужащего будут нановолокна на основе полиуретана, а
также нанополимеры. Г.ru 17 5 08
nanofibră

нанод'ерево с Структура в виде дерева
Развесистое нанодерево... Г.ru 3 07 и Инт-т 08
nano-coras (structură similară unui pom, coras)

нанодиапаз'он м с контекст
... учёные... смогли изучить свойства... полупроводниковых
термопреобразователей за счёт уменьшения размера
единичного термоэлемента до нанодиапазона. Инт-т 21 8 08
nanodiarazon

нанодостиж'ение с я см контекст
В шарике 1,5 мм нано – это нанодостижение... Инт-т 08
nanorealizare

наноёлка ж см контекст
Наноёлка принесет тепло в розетку (з) Инт-т 21 8 08
nanobrad

наноид'ея ж и см контекст
Современный вид наноидеи начали приобретать в 80-ые
годы XX века в результате работ Эрика Дрекслера... Г. ru 17 5
08
nanoiidee

наноизд'елие с я см контекст
Наноизделия состояли из 103-106 атомов. Г. ru 17 5 08
nanoproductus

наноинд'устрия ж Индустрия, использующая
достижения наноме
трии
Правительство приняло программу развития
инфраструктуры наноиндустрии (з) А 13 7 07 5
nanoindustrie

наноит'ог м и см контекст
Наноитог мегапроекта... Инт-т 08
nanobilanț

нано и IT-технологий см контекст
 Правительство образовало отделение нано – и IT-технологий
 РАН... Инт-т 08
 nano și tehnologii IT (secție a Academiei de Științe a Federației Ruse)

нанокерамический прил см контекст
 ...ведутся работы в области создания нанокерамических материалов. Г.RU 17 5 08
 de (material) nanoceramic

наноконвейер м ы
 Сергей Иванов создал наноконвейер. Инт-т 08
 nanosconveier

нанокраска ж и Покрытие
 ...на исследования «нанокраски», которая позволит менять цвет на подобие хамелеона, а также предотвратит коррозию и сможет «затягивать» мелкие повреждения на корпусе машины. Г.ru 17 5 08
 «Нанокраска» действует как фотокаталистический очиститель воздуха способна очистить воздух от вредных для здоровья компонент – таких, как летучие органические химические вещества (VOC Volatil organic chemical). Г. ru 25 8 08
 nanovopsea

нанокрем м ы Инт-т 08 nanocremă

нанокристалл м ы ... 08 nanocristal

наномагистратура ж см контекст
 В МГУ создана наномагистратура... Инт-т 08
 nanomagistratură

нанометр м см контекст
 Нанометр – одна миллиардная метра Инт-т 08
 nanometru

нанометрический прил см контекст
 ...фундаментальные нанометрические явления и процессы...; ~ое явление, ~ие стандарты, ~ устройства, ~ системы, ~ лаборатории Г.ru 17 5 08...
 nanometric (fenomen, standard, dispozitiv, sistem, laborator)

наномир м Сфера нанометрии
 ...уходит в наномир, представит новую модель смартфона на iPhone nano (з) Г.ru 9 8 08
 universul nano

наномир-5 Инт-т 08 nanounivers
нано-мото-монорельс м -ы 08
 nano-moto-monorails
нано накаливание Инт-т 4 8 08
 nano incandescentă
нанонаправление с я см контекст
 В настоящее время нанонаправление характеризуется исключительно теоретическими открытиями и безграничностью фантазий ученых, военных и политиков. Г. ru 17 5 08
 nanoorientare
нано'область Инт-т 08
 nanodomeniu / domeniu nano
нанообъект м ы Г. ru 17 5 08
 nanoobiect
нанооружие с я Г. ru 17 5 08
 nanoarmă (nanoarmament)
нанопинцет ж ы см контекст
 ...или так называемые «наноскопы», которые позволили не только наблюдать атомы, но и специальными нанопинцетами изменять их построения в молекулах. Г. ru 17 5 08
 nanopensetă (nanopensă)
нанопил'юль ж и см контекст
 Созданы нанопилюли для противораковых лекарств (з) Л 26
 10 07 3
 nanopilulă
нанопоезд м см контекст
 Создан первый в мире монорельсовый нанопоезд. Г. ru 25 4
 08
 nanotren
нанополим'ер м ы см контекст
 Ключевыми материалами для перспективного костюма военнослужащего будут нановолокна на основе полиуретана, а также нанополимеры. Г. ru 17 5 08
 nanopolimer
нанопорошк'и Инт-т 08 nanopulberi
нано-приставка ж и см контекст
 Нано-приставка, обозначающая «десять в минус девятой степени», то есть наномир – это одна миллиардная доля метра...Инт-т 08
 nanoposolă
нанопрогр'амма ж ы см контекст
 ...на реализацию нанопрограмм. Г. ru 17 5 08
 nanoprogramă
нано-профессоры-м'енеджеры мн Инт-т 08
 nano-profesor-manager

нанораб'ота ж ы см контекст
nanolucrare

наноразраб'отка ж и см контекст
...появление действительных прикладных наноразработок в военной сфере возможно не раньше, чем через 25-45 лет. Г. ru 17 5 08
nanoelaborare (aplicată)

нанор'обот м ы Г. ru 17 5 08 nanorobot

наносб'орка ж ы см контекст
Ученые... утверждают, что благодаря потенциалу наносборки и молекулярного конструирования станет возможным создание невидимых видов вооружения... Г. ru 17 5 08
nanoasamblare

наноск'оп м ы Супермощный микроскоп
В 1984 году в швейцарских лабораториях компании IBM были изобретены супермощные микроскопы, или так называемые «наноскопы», которые позволили не только наблюдать атомы, но и специальными нанопинцетами изменять их построения в молекулах. Г. ru 17 5 08
panoscor

наноскульптура ж ы 08 nanosculptură

нанослово с f см контекст
Исследователи подарили миру нанослово – наноскульптуры... Инт-т 21 8 08
panos cuvânt

наностран'а ж 08 nanoțară

нанострукт'ура ж ы Г. ru 17 5 08
nanostructură

нанот'ех м аббр. Нанотехнология
Готический нанотех работал не хуже современного... Создатели витражей готических соборов знали толк в нанотехнологиях... Г. ru 25 8 08
nanotehnologie

нанотехнол'огия ж гии см контекст
Американский ученый (Эрик Дрекслер... М.Д.) стал использовать термин молекулярная нанотехнология (МНТ), или молекулярное производство, для установления различий с подходами Норе Танигуки. Г. ru 17 5 08
nanotehnologie

нанотит'ановый батарея 08 din nanotitan

нано-тонна 08 nanotonă

нанотранз'истор ы 08 nanotranzistor

Nano Triton Компания
Компания Nano Triton ведет разработку новых материалов на основе нескольких полимеров, которые позволят защитить военнослужащего от пуль и осколков. Г. ru 17 5 08
Nano Triton (companie)

нанотр'убка ж и см контекст
Японский физик Сумио Иидзима, последователь Норе Танигу-ти, в 1991 году создал нанотрубки – первый в мире наномате-риал. Г. ru 17 5 08
Углеродные нанотрубки обладают высокой прочностью... но из них трудно формировать волокно макроразмеров... Г. ru 25 8 08

nanotub

Nano Tuf Покрытие (см)

...в частности Nano Tuf, которое состоит из наночастиц в растворе и в несколько раз увеличивает прочность пластика. Г. ru 17 5 08

Nano Tuf

наноуменьш'итель м и см контекст

Химики придумали наноуменьшитель (з) Г.ru 17 8 08

nanoreductor

нано-'уровень м 08 de nivel nano

наноф'абрика ж и см контекст

...производить их будут так называемые «нанофабрики» прямо на полях. Г. ru 17 5 08

nanofabrică

наноф'изика ж 08 nanofizică

наночаст'ица ж ы см Nano Tuf

Наночастицы золота под воздействием солнечных лучей становятся активным катализатором, превращающим вредные для здоровья летучие вещества в относительно безвредные. Г.ru 25 8 08 nanoparticulă

наночаст'ичка ж и см контекст

Если взять наночастичку того же алюминия – она будет..., как пылинка, летать. Рг 18 7 08 8

nanoparticulă

наноц'инк м 08 nanozinc

наноэлектр'оника ж см контекст

...профессор Центра исследований в области наноэлектроники... создал математическую модель процесса собирания микроустройств в стаи и обмена информацией между ними для совместных действий. Г. ru 17 5 08

nanoelectronică

наноэлектр'онный прил <наноэлектроника

Чтобы исправить дефекты наноэлектронных схем, нужно их расплавить. Г.ру 9 5 08 1

nanoelectronic/e

П

парад'игма* ж ы П. в случае предлогов

В рамках категории предлога выявлены следующие парадигмы: семантическая, текстовая, включающая ряд подтипов, морфосинтаксическая... XIV МСС, Ohrid, 2008 (М.В. Всеволодова, 16 9 08

paradigmă

п'оле* с 'я см контекст

Можно говорить о наличии в языке не только функциональносемантических, но и функционально-грамматических полей. XIV МСС, Ohrid, 2008 (М.В. Всеволодова), 16 9 08

câmp

предл'ог* м и см контекст

...предлоги в синхронии и диахронии...; потенциальные предлоги...; эквивалент предлогов... XIV МСС, Ohrid, 2008 (М.В. Всеволодова), 16 9 08

prepoziție în sincronie și diacronie; echivalent al prepoziției/ilor

предл'ожный* прил Относящийся к предлогам

...ый вариант..., предложное поле, предложная парадигма, предложные единицы... XIV МСС, Ohrid, 2008 (М.В. Всеволодова), 16 9 08

prepozițional (variantă, câmp, paradigmă, unități)

ABSTRACT

Science Development And The Lexical Enrichment

The present work is an approach to the Russian newly-issued elements connected to the abbreviation, the nanotechnology, to the Romanian equivalents present for the first time and to the preposition in the Slavic languages. The nanotechnology comes into being in the middle of the last century and displaying numerous and spectacular derivatives and is continuously developing.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОЙ ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Алла КОРНЕЕВА
Москва, Россия
akorneeva08@mail.ru

Ключевые слова: *термин, русские экономические термины, толковые словари, словари общеупотребительной лексики*

Русская экономическая терминология в её современном состоянии представляет собой значительный по численности (до 25000 единиц) и постоянно количественно растущий пласт лексики, включающий в себя как термины-слова, так и термины-словосочетания (т.е. такие словосочетания, которые семантически и функционально равнозначны терминам-словам и являются единицами терминологического словаря).

Отличительной чертой русской экономической терминологии является то, что в ней присутствует довольно многочисленный – не менее 1500 единиц (примерно 6% от общего числа) – слой терминов (относящихся, как правило, к категории общеэкономических или междисциплинарных, а не узкоспециальных, – *экономический субъект, рыночная экономика, товар, цена, стоимость, производство, собственность, капитал, доход, прибыль* и др.), которые активно функционируют не только в научной речи, но и в других стилистических сферах – языке художественной литературы и публицистики, документов, электронных и печатных СМИ, живой разговорной речи.

Именно эта, достаточно большая по численности, группа экономических терминов представлена в словарях русской общеупотребительной лексики, ибо понятие общеупотребительной лексики, как известно, включает в качестве неотъемлемой своей части наиболее употребительные терминологические единицы, относящиеся к различным областям человеческих знаний.

Из всего комплекса вышедших в последние полтора-два десятилетия толковых словарей русской общеупотребительной лексики, содержащих значительное количество экономических терминов, в первую очередь необходимо назвать следующие:

- Большой толковый словарь русского языка./Под ред. С.А.Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. (Дополнительный тираж – СПб., 2000).

Словарь включает около 130 тыс. слов, относящихся к различным стилистическим пластам и литературным жанрам (в т.ч. слова, вошедшие в русский язык в 90-е годы XXв.). В словаре широко представлены наиболее актуальные и наиболее употребительные термины, которые, по словам авторов, получили в словаре более точные толкования, лишённые идеологической нагрузки.

• Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. /Под ред. Г.Н.Скляревской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998 (СЯИ-98).

Словарь содержит около 5,5 тыс. слов, отобранных авторами из почти двухмиллионной электронной картотеки по принципу наиболее яркого отражения в них динамических явлений, наблюдаемых в русской лексике 1985-1997 годов. Большим достоинством словаря является то, что вся представленная в нём лексика снабжена специальными пометами и разделена на четыре разряда:

первый разряд составляет лексика так называемого основного лексического фонда, претерпевшая в указанный период семантические, стилистические, сочетаемостные и другие изменения (эти слова снабжены пометой «актуализация»);

второй разряд – новая лексика, к которой относятся как слова абсолютной новизны, т.е. впервые зафиксированные в данном словаре (снабжены пометой «зафиксировано впервые»), так и слова относительной новизны, уже зафиксированные в других словарях (снабжены пометой «зафиксировано в словарях последнего десятилетия»);

третий разряд – лексика, которая раньше находилась на периферии общественного сознания, но в последние годы перешла из пассивного словарного состава языка – в активный (такие слова снабжены пометой «возвращение в актив»);

четвёртый разряд – лексика, в последние годы ушедшая из активного употребления (такие лексические единицы снабжены пометой «уход в пассив»).

Важно отметить, что среди содержащейся в словаре лексики, относящейся к разным семантическим сферам и стилистическим пластам, широко представлены лексикализованные словосочетания, т.е. такие словосочетания, которые, сохраняя грамматическую форму свободных словосочетаний, с точки зрения функционально-семантической являются эквивалентами слов. Одной из разновидностей лексикализованных словосочетаний являются, как известно, термины-словосочетания.

Второе издание словаря, вышедшее в 2001 году, дополнено материалами за 1998-2000гг. В последние годы словарь неоднократно переиздавался разными издательствами, последнее из известных изданий относится к 2005 году (Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия. М.: Астрель:

АСТ: Транзиткнига, 2005 (СЯИ-2005)) и учитывает изменения, происшедшие в русском языке в самые последние годы. Однако наибольшую научную ценность представляет, на наш взгляд, первое издание словаря, отразившее динамические явления в лексике русского языка в период их наибольшей интенсивности.

- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006 (ТСРЯ начала XXI века).

Словарь включает около 8500 тысяч слов и лексикализованных словосочетаний, многие из которых впервые представлены в лексикографии. В словаре даётся обширная и разнообразная информация о каждом слове: его толкование, особенности употребления, характерные грамматические и стилистические свойства, происхождение, произношение, употребление в устойчивых сочетаниях и идиомах, исторические и культурные сведения и т.д.

- Максимов В.И. и др. Словарь перестройки. – СПб: Златоуст, 1992.

Словарь в определённом смысле является предшественником охарактеризованных выше словарей. Он создан на основе материалов, содержащихся в российских периодических изданиях и включает в себя слова и устойчивые словосочетания, получившие новое значение, новую стилистическую окраску, переориентированные применительно к российской действительности или актуализированные в русском языке в течение 1985-1992 гг.

Учитывая высокую степень интенсивности процессов заимствования в русской экономической терминологии новейшего периода, особо следует выделить современные словари иностранных слов:

- Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. – М.: Азбуковник, 2003. Второе, стереотипное, издание словаря вышло в том же издательстве в 2006 году.

Этот словарь, включающий в себя 25000 слов и словосочетаний, отличается от других известных словарей иностранных слов классического типа наибольшей полнотой с точки зрения представленности в нём новых, проявившихся в последнее десятилетие лексических явлений.

- Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2006.

Словарь, содержащий свыше 25000 слов и словосочетаний, отличается тщательностью проработки каждой отдельной словарной статьи, прежде всего с точки зрения происхождения того или иного заимствованного слова.

• Современный словарь иностранных слов: Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. Сост. А.М.Баш, А.В.Боброва и др. Изд. 2-е, стереотипное. М.:Цитадель, 2001.

Словарь содержит более 5 тыс. лексических единиц, наиболее актуальных для новейшего периода развития русского языка, и характеризуется авторами как «словарь нового типа». Его новизна, принципиальное отличие от других словарей иностранных слов состоит в том, что в нём анализу с точки зрения происхождения подвергается всё гнездо заимствованного слова, т.е. каждая входящая в гнездо лексическая единица определяется с точки зрения того, является ли она заимствованной или образовалась на русской почве в качестве деривата (производного) заимствованного слова. Исключительно важным моментом является и то, что время вхождения в русский язык каждого заимствованного слова (а в случае разновременности вхождения – каждого лексико-семантического варианта слова) датируется.

Из вышедших в последние годы орфографических словарей в первую очередь следует отметить «Русский орфографический словарь» (Российская академия наук. Институт русского языка им.В.В.Виноградова /О.Е.Иванова, В.В.Лопатин (отв.ред.), И.В.Нечаева, Л.К.Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2005).

Этот академический словарь, включающий в себя около 180 тыс. слов, – самый большой по объёму из всех существующих орфографических словарей. Во 2-м издании (в сравнении с 1-м, относящимся к 1999 году) объём словаря увеличен на 20 тыс. единиц, в том числе закрепившихся в употреблении в самое последнее время. Словарь отражает состояние русской лексики в конце XX – начале XXI вв.

Список словарей, материалы которых в наибольшей степени отражают динамические явления в русской общеупотребительной лексике, не исчерпывается лишь перечисленными выше словарями. Очень ценным, можно даже сказать, в своём роде уникальным, словарным источником является «Русский семантический словарь», созданный под руководством акад. Н.Ю.Шведовой. Труд этот (пока ещё не полностью опубликованный – из шести томов вышли в свет только четыре – т.1(М.,1998); т.2(М.,2000), т.3(М.,2003), т.4(М.,2007)) впечатляет своей масштабностью, колоссальностью, научной значимостью. В нём в виде многоступенчатых классов слов представлена иерархическая организация более 300 тыс. единиц русской общеупотребительной лексики (однозначных слов, лексико-семантических вариантов многозначных, фразеологизмов). Словарь определяет место каждой из этих единиц в иерархически организованной системе русской общеупотребительной лексики.

Сравнительно недавно, в конце 2007 года, вышел в свет «Толковый словарь русского языка с включением сведений о

происхождении слов» (РАН. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. Отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007), появления которого давно ждали специалисты. Этот словарь, практически являющийся продолжением и развитием четвёртого издания «Толкового словаря русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, представляет собой словарь нового жанра – толково-этимологический. В нём содержится 82000 слов и фразеологических выражений, а также, в качестве дополнений к основным статьям, около 15000 исторических и этимологических справок. Таким образом, словарь не только отражает современное состояние лексической системы русского языка, но и позволяет рассмотреть многие лексические явления в их развитии на протяжении того или иного временного отрезка.

Следует отметить, что в терминологических словарях наиболее употребительные экономические термины отражаются прежде всего как элементы терминологической системы и один из типов лексических единиц, составляющих научный текст, а в словарях общеупотребительной лексики – как элементы системы общеупотребительной лексики и один из типов лексических единиц, представленных в текстах разной стилистической принадлежности.

При переходе из научной в иные сферы функционирования термин, как известно, может (а) сохранить своё исходное терминологическое значение или (б) детерминологизироваться, пройдя через процесс метафоризации или приращения общелитературной семантики к его терминологическому значению²⁴⁷. Внимательное изучение всего комплекса современных словарей общеупотребительной лексики позволяет говорить о том, что для русских экономических терминов характерен первый путь – чаще всего они переходят в иные сферы функционирования в своём исходном терминологическом значении. В связи с этим возникает вопрос: должны ли определения (дефиниции) терминов в словарях общеупотребительной лексики быть строго научными или достаточно дать толкования этих терминов на уровне обыденного сознания «среднестатистического» носителя русского языка? На наш взгляд, определения терминов в словарях общеупотребительной лексики должны быть научными (сформулированными, однако, таким образом, чтобы они были понятны «среднестатистическому» носителю языка) и адекватно отражать содержание обозначаемых этими терминами научных понятий. Иными словами, формулируя определения экономических терминов в словарях

²⁴⁷ Татаринов В.А., *Общее терминоведение: Энциклопедический словарь*. – М.: Московский лицей, 2006 – с.47; Крысин Л.П., *Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях* // Крысин Л.П., *Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии*. – М.: Знак, 2008, – с.126.

общеупотребительной лексики, необходимо опираться на дефиниции этих терминов, имеющиеся в терминологических источниках (к ним относятся терминологические словари, энциклопедии, справочники, а также разнообразная научная литература, специально посвящённая вопросам терминологии или другим проблемам, относящимся к той научной дисциплине, которую обслуживает рассматриваемая терминология; особую группу терминологических источников составляет учебно-научная литература – учебники, учебные пособия, словари, методические пособия, опубликованные курсы лекций и другие издания, основным назначением которых является их использование в обучающих целях).

К примеру, важнейший экономический термин *цена* не должен, на наш взгляд, определяться в современных словарях общеупотребительной лексики как «сумма денег, за которую продаётся-покупается какой-либо товар, услуга»²⁴⁸. Определение цены в этих словарях должно базироваться на научной формулировке этого понятия: «*Цена* – это устанавливаемая индивидуальными или коллективными субъектами экономических отношений и выраженная в денежных единицах (т.е. в количественной, числовой форме) стоимость весовой, объёмной, штучной или к.-л. другой единицы товара или единицы услуги. Цена есть общественное свойство любого объекта купли-продажи».

Трудности определения экономических терминов в современных словарях общеупотребительной лексики иногда могут быть обусловлены ещё и тем, что дефиниции этих терминов в терминологических источниках не отражают изменившуюся сущность обозначаемых ими экономических явлений. Так, термин *деньги* во многих терминологических источниках, а вслед за ними – и в словарях общеупотребительной лексики определяется как универсальный (или особый) товар, выступающий в роли всеобщего эквивалента (т.е. свободно обменивающийся на любые другие товары и являющийся мерой их стоимости). Рассмотрим, насколько адекватно это определение отражает сущность денег как важнейшего экономического явления современности.

Известно, что в роли денег (денежного товара) на разных этапах развития человеческого общества выступали различные товары (зерно, меха, шкуры, скот, металлы и др.). В период становления капитализма в Европе распространился биметаллизм, когда в роли денег выступали золотые и серебряные монеты. В конце XVIII века в европейских странах и России стали выпускаться бумажные деньги, которые являлись лишь знаками денег, не имеющими внутренней стоимости, не замещающими обозначенной на них стоимости. В классической политической экономии понятия денег и денежных

²⁴⁸ СЯИ-98, с.663; СЯИ-2005, с.835; ТСРЯ начала XX1 века, с.1057.

знаков чётко разграничиваются: бумажные деньги определяются здесь лишь как «номинальные знаки стоимости»²⁴⁹.

Во второй половине XIX – первой половине XX века в роли единственного денежного товара выступало золото. Во второй половине XX века золотой стандарт перестал существовать. Это привело к коренному изменению сущности, назначения и вида денег. Золотые монеты сменила искусственная денежная система, в которой бумажные деньги перестали обмениваться на золото, утратили золотое содержание, превратились в номинальный (существующий только на бумаге) знак стоимости. Иными словами, в настоящее время не существует такого универсального (или особого) товара, который выполнял бы функции денег. В настоящее время в роли денег выступают денежные знаки, которые обеспечиваются золотовалютными запасами и другими ресурсами выпускающих их государств. В современной России в роли таких денежных знаков выступают бумажные деньги и металлическая разменная монета. Таким образом, сложилась парадоксальная для классической экономической теории ситуация, когда роль денежного товара выполняют денежные знаки (т.е. заместители, представители денег). В связи с этим понятие денег как универсального (особого) товара применительно к современным условиям утратило свой научный смысл.

В последние годы в терминологических источниках стали появляться определения, отражающие изменившуюся сущность денег:

«Деньги есть универсальный товарный эквивалент, обмениваемый на любые продаваемые товары и услуги и пригодный для расчётов и платежей»²⁵⁰.

Деньги – «особое экономическое благо, безусловно и свободно принимаемое для оплаты всех товаров и услуг и измеряющее их стоимость»²⁵¹.

Наиболее удачная, на наш взгляд, дефиниция термина *деньги* приводится в последнем издании «Большого экономического словаря»: деньги определяются здесь как «металлические и/или бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже и выполняющие роль всеобщего эквивалента, т.е. выражающие стоимость всех других товаров и обмениваемые на любой из них»²⁵².

²⁴⁹ *Современный финансово-кредитный словарь* /Под общ. ред. М.Г.Лапусты, П.С.Никольского. – 2-е изд., доп. – М.: ИНФРА-М, 2002, - с.93.

²⁵⁰ *Курс экономики: Учебник*. – 3-е изд., доп. /Под ред. Б.А.Райзберга. – М.; ИНФРА-М, 2001, - с.270.

²⁵¹ *Деньги, кредит, банки* /Под ред. Г.Н.Белоглазовой: Учебник. – М.: Юрайт-Издат, 2004, - с.14.

²⁵² *Большой экономический словарь* /Под ред. А.Н.Азрилияна. – 6-е изд., доп. - М.: Институт новой экономики, 2004, - с.193.

Это определение может быть использовано при подготовке новых изданий современных словарей русской общепотребительной лексики.

В области лингвистического изучения русских экономических терминов существует множество недостаточно исследованных проблем. К их числу относятся: проблема происхождения и эволюции экономических терминов, их иерархической организации, активных процессов в русской экономической терминологии новейшего периода и т.д. Для изучения перечисленных и многих других проблем в качестве одного из основных видов лингвистических источников могут быть использованы современные словари русской общепотребительной лексики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Большой экономический словарь /Под ред А.Н.Азрилияна. – 6-е изд., доп. – М.: Институт новой экономики, 2004.

Деньги, кредит, банки /Под ред. Г.Н.Белоглазовой: Учебник. – М.: Юрайт-Издат, 2004.

Крысин А.П., *Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях* //Крысин А.П., *Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии*. – М.: Знак, 2008.

Курс экономики: Учебник. – 3-е изд., доп. /Под ред. Б.А.Райзберга. – М.; ИНФРА-М, 2001.

Современный финансово-кредитный словарь /Под общ. ред. М.Г.Лапусты, П.С.Никольского. – 2-е изд., доп. – М.: ИНФРА-М, 2002.

Татаринов В.А., *Общее терминоведение: Энциклопедический словарь*. – М.: Московский лицей, 2006.

ABSTRACT

Economic Terms in Modern Dictionaries Of Russian Common Lexicon

The article is devoted to the analysis of the most known dictionaries of Russian common lexicon of last decades.

Recommendations on writing of clauses in dictionaries of common lexicon are given.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БИЛИНГВИЗМ В СФЕРЕ ВОЕННОГО ОБЩЕНИЯ

Луиза-Мария ОЛТЯНУ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: лингвистическое взаимодействие, билингв, профессиональный билингвизм, мировая среда безопасности, военное общение, глобализация

С точки зрения коммуникативной лингвистики, важным моментом в изучении лингвистического взаимодействия является локализация процесса в следствии которого возможно идентифицировать результат действия субъектов и условия в которых происходит обмен элементов между двумя языками. Изучение такого аспекта, именно взаимодействия языков, у многих исследователей начинается установлением факта того, что взаимодействие языков возможно благодаря знающим большим иностранным языкам. Таким образом, появляется проблема субъекта действия в случае взаимодействия двух языков, а в такой ситуации речь идёт о таком субъекте который говорит на двух языках, и следовательно он – билингв.

Изучение процесса взаимодействия языков действием билингва – очевидно, и это самый действующий метод анализа данного лингвистического феномена. Традиционно, билингвизм представляет собой «владение двух языков и их альтернативное использование в зависимости от условий коммуникации». Таким образом, каждый исследователь который занимается аспектами билингвизма обязан решить проблему, касающуюся принципиального различия между субъектами которыми владеют двумя языками в той же или разной мере. Следовательно, большинство исследователей приходит к выводу о том, что лингвистически нет никакого различия потому, что:

- Механизмы формирования изложений так в родном языке, как и в иностранном те же самые;
- Трудно установить критерии «полного» или «частичного» знания одного языка;
- Случаи равного владения двумя языками очень нечастые потому, что один язык доминирующий в сознании билингва.

Дж.С. Катфорд особенно подчёркивает то, что «билингв», использован как технический термен, относится к любому индивиду, который альтернативно использует или может использовать больше чем одного языка или диалекта. Таким образом, изучение

английского языка или любого языка в качестве иностранного, может представлять собой процессом формирования билингвов.

В лингвистике, в отличие от разговорной речи, владение двумя языками не воспринимается полным дублированием грамматик и словарей билингвов с теми языконосителей, а билингвизм воспринимается континуумом, который начинается элементарным знанием иностранного языка до полно свободного использования этого языка.

С точки зрения психологии, бывают различия между полным и неполным билингвами. Л. В. Щерба описывает два разных типа билингвизма, чистый и смешанный или сложный билингвизм. Чистый билингвизм представляет собой две независимых лингвистических системы, существующих в сознании индивида, а смешанным билингвизмом кажется устанавливаются спонтанные отношения между этими системами, использование элементов одной системы в разговорной речи другого языка и другие типы столкновения.

Имея в виду выше сказанного, в зависимости от способа сравнения двух языков в сознании билингва, можно установить следующая дихотомия, именно координированный билингвизм (тогда когда билингв ровно владеет двумя языками и использует другой или иной в зависимости от коммуникативной ситуации) и подчинённый билингвизм (билингв свободно говорит только на родном языке, а в своём сознании находится и второй неродной язык).

Амбилингв, уравновешенный билингв, настоящий билингв или симметричный билингв лишь несколько из названий таких случаев.

С другой стороны, по мнению специалистов, бывают различия между настоящим и произвольным билингвом, а среди последних, отдельная категория – категория профессиональных билингвов. Они – те носители языка, которые формировали искусственные лингвистические умения в определённом языке, а эти умения они используют в своей профессиональной деятельности (например, переводчики, преподаватели иностранных языков, дипломаты, журналисты т.д.). Все эти категории людей работают в условиях «дистанционного индивидуального билингвизма». А именно этот искусственный профессиональный билингв становится объектом лингвистического взаимодействия в данных условиях.

Глобализация проявляется как многомерный феномен, последствиями в областях экономики, общества, культуры и безопасности. Среди всех этих областей, область культуры – самый общепринятый и поддержанный аспект, так как феномен, как и открытое соперничающее мероприятие, в то время как аспект безопасности представляет собой самый чуткий аспект в отношении с тенденциями глобализации терроризма и преступности. Но мировая среда безопасности не обозначает лишь безопасность стран. Она

должна стимулировать индивидуальные и групповые интересы в условиях безопасности и равновесия сохранения мировой социальной системы. Глобализация сама может порождать риски и угрозы в национальной, региональной и мировой безопасности, а мировая оборона может представлять собой решение мировых угроз большой интенсивности. Натовские страны и Европейский Союз были за эту поддержку и приняли политику безопасности и общей обороны.

В контексте глобализации, военные организации призваны действовать в конфликтах между странами, а роль боевых операций – это роль построения мира и миротворчества. В таких операциях, военные служащие, принадлежащие различным странам, работают вместе чтобы выполнять представленные объективы, и они имеют преимущество почти одинаковой тренировки во всех странах. Румынских военных, которые приняли участие в международных боевых операциях или которые окончили курсы зарубежом, выбрали при выполнении основного требования – знание английского языка на требуемом лингвистическом уровне. Таким образом, языковой барьер практически устранён знанием всех военных английского языка, согласно с «Требованиями стандардизации НАТО-СТАНАГ 6001», и это обозначает владение разговорным, военным и оперативным языком на уровне 3.

В своей работе “English as a Global Language”, Д. Кристал восхваляет статуса английского языка. Один язык становится мировым не только благодаря большому числу его говорящих, но, в первой очереди, благодаря представительности его говорящих. Уже доказалась сильная связь между лингвистическим господством и культурной мощью. Без хорошо поставленной базы власти (будучи она политической, военной или экономической), ни одного языка не может стать международным. Обманчиво продвинули разные причины из-за которых один язык имел бы международный успех: его эстетические качества, ясность выражения, литературная сила, лёгкость изучения и т.д., и всё таки английский язык имеет несколько качеств которые делают его привлекательным на международном уровне: его космополитический характер. Один язык не приобретает мирового статуса благодаря его внутренним структурным качествам, объёму лексики или благодаря тому, что когда-то его связывали с большой литературой, культурой или религией. Один язык приобретает международного статуса благодаря одной основной причине: политической силе его говорящихся и особенно их военной власти.

Уже много раз говорили, что НАТО – один из самых успешных международных союзов в истории человечества, но важнейшая проблема узнаваемая почти всеми партнёрами, в качестве препятствия на пути развития оперативной совместимости внутри

Союза – это недостатки в сообщении. Таким образом, в 1976-ом году основывали Бюро международной лингвистической координации (Bureau for International Language Coordination – BILC) – орган консультативной функцией по языковой тренировке внутри Союза. В 2001-ом году Агентство по стандардизации НАТО назначило BILC хранителем ответственным за СТАНАГ 6001 – Уровни лингвистической компетентности. Важность BILC внутри НАТО – критическая потому, что оно представляет собой источник экспертизы в языковой тренировке. Общение разговорной речью – это одна из самых сложных человеческих деятельности и из-за данной сложности, язык нередко может быть неадекватным для точности общения, а на уровне такого Союза лингвистические двусмысленности – неподходящие.

СТАНАГ 6001 был разработан вследствие разногласия над языковой плавностью. Следовательно, разработали шесть стандартов для лингвистической компетентности, начиная с уровня «Ноль: Без лингвистической компетентности» до «5: Билингв». Все эти натовские стандарты компетентности установили 21 октября 1976 г. Страны-участники согласились принимать СТАНАГ 6001 чтобы обеспечивать языковые требования для идентификации и обозначения личного состава, для сравнения национальных стандартов на основе стандартизированной диаграммы и для записи и сообщения меры лингвистической компетентности в международной переписке.

Стандартизация сил НАТО принесла большой вклад в соединённой оперативной действенности военных сил Союза. Натовские соглашения по стандартизации, касающиеся порядков работы, систем и снаряжений и называемые СТАНАГ, принимаются на практике и издаются на Военном натовском бюро по стандартизации, наряду с Конференцией национальных директоров вооружения и другими вовлечёнными авторитетами.

Языковой барьер внутри НАТО имел негативное влияние над военной оперативностью союза. Таким образом, согласием стран-участников, в октябре 1976 г., были разработаны и выполнены основные требования, касающиеся знания иностранных языков военными служащими союза. В таком же смысле принимали специальный индикатор *Стандартизированного лингвистического профиля*, представляющего собой основные критерии идентификации и оценки знаний иностранных языков военными служащими союза.

СТАНАГ 6001 имеет характер общности и был разработан, чтобы представлять список описанием уровней лингвистической компетентности и выполнять лингвистические требования личным составом, занимающим должности на международном уровне, чтобы сравнивать национальные стандарты посредством стандартизированного описания и чтобы записывать и сообщать, в

международной системе приравнивания, инструменты оценки использованы в установлении уровней лингвистической компетентности. Этот стандарт применяется в оценочной деятельности лингвистической компетентности в области иностранных языков для обычных умений: умение устного общения (аудирование и говорение) и умение написанного общения (чтение и письмо). Все эти умения, принадлежащие лингвистической компетентности, классифицируются посредством пяти уровней, с 1 до 5. Вообще умения могут быть определены так как следует:

1 уровень – элементарный

2 уровень – удовлетворительный (ограниченно рабочий)

3 уровень – хороший (минимально профессионально)

4 уровень – очень хороший (полно профессионально)

5 уровень – отличный (билинг)

Код ноль обозначает то, что нет значительной компетентности или компетентности вообще нет в умениях о которых речь идёт.

Военная среда особенно характеризуется строгостью, суровостью, простотой, высокой требовательностью. Содержание «рабочих» общений предполагает знание военной тактической и технической терминологии, на мере совместимости форм, порядков работы и боевых средств, транспорта, связи и т.д.

Основные причины которые вели к необходимости знания английского языка были следующие:

1. оперативное руководство ведётся командами пунктами союза через английский язык;

2. передача, принятие и обработка сведений, тактические военные действия авиации ведутся по поводу натовских командных информационных систем, где английский язык является средством общения личного состава и оперирования военной техники;

3. представители США находятся в большом числе в командных пунктах, в генштабах и на других уровнях союза, где, чтобы они успешно общались с представителями других стран, необходимо устранение лингвистического барьера и полное исключение неясностей и синонимичностей в речи;

4. маневрирование аппаратуры американского или английского происхождения предполагает знания английского языка чтобы учить инструкции по её использованию.

Таким образом, что касается лингвистических и социальных последствий членов НАТО, кроме большого числа заимствований в национальных терминологических системах, проявляется и «профессиональный биллингвизм». Профессиональный биллингвизм значит обязательное знание английского языка всеми штабистами (и особенно командирами) военных сил стран-участников. Назначение английского языка в качестве рабочего языка Североатлантического

союза привело не только к высокому статусу этого языка среди языков Союза, к его «военной, экономической и политической власти», но и к «массивному билингвизму» в странах северной Европы после Второй мировой войны.

Следовательно, приходит определять понятие билингвизма. Билингвизм лучше всего изучён как междисциплинарный феномен. Хотя бы, в широком масштабе, того которого свободно говорит на двух языках считают билингвом, понятие билингвизма – относительное понятие. Компетентность, проявляющаяся на двух языках недостаточна потому, что другие факторы должны осматривать тогда, когда говорят о типе билингвизма который встречается в определённой общности или у определённого субъекта.

В итоге, выдвигание профессионального билингвизма в сфере военного общения представляет собой лишь отражение необходимостей сообщения на уровне обеспечения мировой безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Crystal, David, *English as a Global Language*, Cambridge University Press 2001, Canto Edition.
- Grosjean, F., *Life with Two Languages. An Introduction to Bilingualism*, Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1982.
- Harris, Richard Jackson, *Cognitive Processing in Bilinguals*, Amsterdam, London, NY, North-Holland, 1992.
- Mackey, W.F., *Bilingualism as a World Problem*, Montreal: Harvest House, 1967.
- Manualul NATO*, Ministerul Informațiilor Publice, 2001.
- Marinescu, Valentina, *Efectele comunicării: o perspectivă culturologică*, București, Tritonic, 2002.
- The NATO Handbook*, Ministerul Informațiilor Publice, 2001.
- Romaine, Suzanne, *Bilingualism*, Second edition, Blackwell (UK) Merton College, University of Oxford, 1995.
- România – NATO (1990-2002)*, București, Centrul de Studii Strategice și de Securitate - Editura Academiei de Înalte Studii Militare, 2002.
- Агапова, С.Г., *Основы межличностной и межкультурной коммуникации*, Ростов-на-Дону, Феникс, 2004.
- Журавлёв, В.К., *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*, Москва, 2004.
- Караулов, Ю.Н.; Нерознак, В.П., *Атлас двуязычия как инструмент социолингвистического анализа* / Изв. АН. СССР. Сер. литературы и языка, Т.47, Н.3, С.249-255, 1988г.
- Климович, Н.И., *Сопоставительное статистическое и семантическое моделирование военного текста (Подъязык тактики на материале русских и американских военных текстов)*, Москва, 1986.
- Лотте, Д.С., *Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов*, Москва, Наука, 1982.

Пыриков, Е.Г., *Военная терминология как объект сопоставительных исследований*, в сб. *Функционирование системы языка в речи*, Москва, 1989.

Садохин, А.П., *Межкультурная коммуникация*, Москва, Альфа-М, 2004.

Словарь военно-политических и военных терминов РОССИЯ-НАТО – Glossary of Politico-Military and Military terms RUSSIA-NATO – Glossaire de Termes Politico-Militaires et militaires RUSSIE-OTAN, Redactori responsabili: Rusia – V. Zolotar'ov, NATO – W. Matser - Brussels – Moscow, 2001.

Справочник НАТО, Brussels, 1998-1999.

Ярцева, В.Н., *О судьбах языков в современном мире*// Изд. АН России. Сер. литературы и языка, Т.52, Н.2, С.3-15, 1993г.

ABSTRACT

Professional Bilingualism in Military Communication

Professional bilingualism has proven to become a widely spread linguistic phenomenon in the field of the military communication. The range of the military actions undertaken by the world security system sets as a top class priority the mastering of a common language in order to make military tasks fully efficient. Bearing in mind the fact that multinational structures have become involved in this respect, the linguistic barrier should be the first obstacle to be overcome at all levels of action.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ДИСКУРСОВ

Кира ПЕШКОВА
Экс-ан-Прованс, Франция
kira.peshkova@univ-provence.fr

Ключевые слова: право, терминология, перевод, дидактика, юридический дискурс

Настоящая статья посвящена дидактическому аспекту сопоставительного изучения специализированных дискурсов. Она основана на опыте преподавания французского специализированного языка студентам Российско-французского университета в России, в Нижегородском Лингвистическом Университете и, специализированного русского языка на факультете Прикладных иностранных языков (LEA Langues Etrangères Appliquées) на кафедре славянских языков Университета Прованса (Aix-Marseille 1). Необходимо отметить, что студенты этих отделений изучали экономику и право как отдельные предметы, то есть проблемы понятийного осознания специальной области были минимальны.

В целях обучения русскому специализированному языку в области экономики и права необходимо осознание типологического аспекта подязыков этих коммуникативных сфер. Типологический аспект предполагает компаративный подход исследования юридического и экономического дискурсов на базе русского и французского языков.

В данном сообщении остановимся на юридическом дискурсе.

Юридический дискурс – это текст, который реализуется в определённой коммуникативной ситуации в области правоотношений. Французский исследователь Ж. Корню определяет его как «язык права в действии или, точнее, язык действующий в праве». Он расценивает юридический дискурс как, одновременно, и лингвистический и юридический акты²⁵³. Л.В. Колесникова даёт следующую дефиницию юридическому дискурсу – это «модель (форма) использования языка в реальном времени, которая отражает правовой тип социальной активности личности, детерминируемый исторически и взаимосвязанный с уровнем цивилизационного и культурного развития социума...» По ее мнению,

²⁵³ Cornu G., *Linguistique juridique*. – Montchrestien, 2005, p. 207

в юридическом дискурсе проявляется специфика юридического профессионального мышления, это и обуславливает его следующие свойства: интеракциональность, адресность, адресатность, интенциональность, аргументативность, терминологичность, прагматичность, информативность, интерпретируемость²⁵⁴. Юридический дискурс выделяется среди других видов дискурса своей стабильностью, замкнутостью и стандартизованностью.

Несмотря на большое разнообразие юридических документов, их язык подчиняется строгим требованиям таким как: точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания, состав обязательных элементов оформления документа, обеспечивающих его юридическую правомочность, стандартизированный характер изложения, устойчивые формы расположения материала в определённой логической последовательности и других.

Для всех видов юридического дискурса обязательно строгое соответствие литературной норме на всех языковых уровнях: недопустимо использование лексико-фразеологических средств разговорного, просторечного характера, диалектных профессионально-жаргонных слов; нелитературных вариантов словоизменения и словообразования; разговорных синтаксических конструкций.

Юридический дискурс не приемлет экспрессивных элементов: оценочной лексики, высоких или сниженных слов (шутливых, ироничных), образных выражений. Важнейшее требование к языку юридических документов – объективность и «беспристрастность» изложения материала.

Юридический дискурс функционирует преимущественно в письменной форме, однако не исключается и его устная форма - например, выступления в ходе судебных заседаний. Устную форму юридического дискурса характеризуют полный стиль произношения, особая выразительность интонации, логические ударения. Выступающий может допустить некую эмоциональную приподнятость речи, даже вкрапления иноязычных языковых средств, не нарушая, однако, литературной нормы. Недопустимы неправильные ударения, нелитературные произношения²⁵⁵.

²⁵⁴ Колесникова Л.В., *Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области "Международное частное право"*: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19/ Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2007, с. 5-6

²⁵⁵ См. Голуб И.Б. *Русский язык и культура речи*: Учебное пособие, М.: Логос, 2001, 432 с.

Специфика понятийных систем юриспруденции находит свое выражение прежде всего в специальной лексике, т.е. в терминологии, которая обнаруживает своеобразие в сопоставляемых языках.

В связи с этим возникает необходимость целенаправленной работы с терминами определенных понятийных областей русского и французского языков.

Важно понимание студентам самого понятия «термина» как слова или непредикативного словосочетания, выражающего понятие данной предметной области.

Обучающийся должен уметь вычленять термины из юридического текста, осознавая, что термин может состоять из одного, двух, трех и более компонентов (слов). Например: *судебная система, право на доступ к суду*. Именно многокомпонентные термины доминируют в юридической терминологии обоих языков.

Типологический аспект изучения структуры терминов двух языков призван дать обучаемым знания и умения в области перевода. Структура эквивалентных терминов чаще всего отличается в сопоставляемых языках, что вызвано как языковыми особенностями, так и понятийными особенностями юридических систем. В этой связи моделирование структуры терминов и их эквивалентов студентами очень полезно. Например:

<i>communauté juridique</i> S + A	<i>правовое сообщество</i> A + S
<i>violation de droit</i> <i>procédural</i> S + S + A	<i>процессуальное нарушение</i> A + S

Несмотря на то, что юридические термины преимущественно номинативны, терминами могут являться и другие части речи, что также необходимо донести до студентов. Например, глаголы: *подать жалобу - porter plainte, защищать - défendre, обвинять - accuser*.

Стремление к краткости в юридическом дискурсе обуславливает обращение к аббревиатурам, сложносокращённым наименованиям государственных органов, учреждений, организаций, обществ, партий и т.п.: *Code général des impôts - CGI, Уголовный кодекс Российской Федерации - УК РФ*. Аббревиатурные и акронимные варианты могут быть образованы не от русских терминов, а от их иноязычных эквивалентов (чаще всего английских или французских): *УНИДРУА - Международный институт по унификации частного права*. Эта часть юридической лексики постоянно обновляется в обоих языках.

Типологический аспект изучения семантики терминов необходим для будущих специалистов в области перевода. Несмотря на то, что всем известными требованиями к «идеальному» термину

является отсутствие многозначности и синонимии, юридическая терминология обоих языков обладает как полисемичными терминами, так и синонимичными. Как правило, синонимичные ряды и многозначные термины не совпадают в разноязыковых терминологиях. Приведем пример терминологической синонимии:

<i>annuité</i>	<i>ежегодный платеж, ежегодный взнос, аннуитет</i>
<i>personne civile, personne morale</i>	<i>юридическое лицо</i>

и полисемии:

<i>magistrature</i>	<i>1) судебное ведомство, 2) совокупность судей, 3) срок полномочий судьи</i>

Осознание данной особенности студентами и далее упражнения по подбору правильного эквивалента представляются необходимыми.

Без сомнения, специальные словари служат для целей перевода, но не решают всех проблем. Кроме того, терминология, в частности терминология Евросоюза, быстро развивается и эти изменения не находят своевременного отражения в словарях.

Говоря о лексике, добавим, что следует обращать особое внимание на устойчивые обороты и клише, не являющиеся терминами, но играющие отличительную роль в организации специального, в особенности юридического, текста. Речь идет о таких оборотах как, например:

<i>en vertu de</i>	<i>в соответствии, на основании</i>
<i>tel que</i>	<i>в свете</i>
<i>à cet égard</i>	<i>в связи с этим</i>
<i>dans le cadre de</i>	<i>в рамках, в контексте</i>
<i>en vue de</i>	<i>в целях</i>
<i>en conformité avec</i>	<i>в соответствии с</i>
<i>lors de</i>	<i>во время рассмотрения</i>

В то же время, одно выражение во французском языке может переводиться различными эквивалентами на русский. Например, в тексте «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» слову *considérant* дается три эквивалента на русском: *принимая во внимание, учитывая, считая*. Рассмотрим цитаты:

«Les gouvernements signataires, membres du Conseil de l'Europe,

Considérant la Déclaration universelle des Droits de l'Homme, proclamée par l'Assemblée générale des Nations Unies le 10 décembre 1948;

Considérant que cette déclaration tend à assurer la reconnaissance et l'application universelles et effectives des droits qui y sont énoncés;

Considérant que le but du Conseil de l'Europe est de réaliser une union plus étroite entre ses membres, et que l'un des moyens d'atteindre ce but est la sauvegarde et le développement des droits de l'homme et des libertés fondamentales...»²⁵⁶

«Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию, являющиеся членами Совета Европы,

принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года,

учитывая, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели является защита и развитие прав человека и основных свобод...»²⁵⁷

Проанализировав со студентами контекст, можно сделать вывод, что выбор эквивалентов диктуется не только стремлением исключить повторения в тексте перевода, но и необходимостью подобрать эквивалент, соответствующий грамматической структуре, валентности слова.

Важным моментом специального дискурса являются грамматические и синтаксические особенности текстов как в русском, так и во французском языках. Думается, что при обучении, дав общую характеристику особенностей дискурса данного плана и обратив внимание на грамматические соответствия в языке перевода, особо нужно тренировать со студентами «несоответствия». Так, в русском юридическом дискурсе вместо указательных местоимений (*этот, тот, такой* и т.п.) используются слова *данный, настоящий, соответствующий, известный, указанный, вышеуказанный, нижеследующий* и др. В то время как во французском языке могут использоваться указательные прилагательные:

<i>ces informations</i>	<i>данная информация</i>
<i>cet arrêt</i>	<i>данное постановление</i>

²⁵⁶ Convention de sauvegarde des Droits de l'Homme et des Libertés fondamentales, telle qu'amendée par le Protocole n° 11, Rome, 4.XI.1950

²⁵⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)

Во французских тестах, например, текстах резолюций, используются словосочетания с отглагольными существительными, инфинитивные и деепричастные обороты. В русских текстах резолюций им соответствуют словосочетания с отглагольными существительными.

Отглагольные существительные:

<i>des violations de l'exigence de la sécurité juridique</i>	<i>нарушение требования правовой определенности</i>

Инфинитивный оборот:

<i>adopter des mesures de caractère general</i>	<i>принятие мер обязательного характера</i>

Деепричастный оборот:

<i>en réduisant le délai de recours prévu pour engager la procédure de contrôle</i>	<i>сокращение сроков подачи надзорных жалоб</i>

В этой связи необходимо научить студентов не искать автоматически русский эквивалент среди глаголов, а сразу обращаться к отглагольным существительным.

Представляется, что при обучении языку права важно брать тексты, относящиеся к международному праву. Так как преимущественно в сфере международного общения будут работать будущие специалисты. В этой связи интересно знать, что часть международных документов, конвенций и актов существуют на разных языках. В нашем случае на русском и французском. Оба варианта считаются оригиналами, независимо от того, на каком языке текст был создан первоначально.

Изучение и сопоставительный анализ таких текстов служит интересным видом работы со студентами на первом этапе обучения русскому специализированному языку. Разнообразные виды работы использовались нами, например, по тексту *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* (Рим, 4 ноября 1950 г.).

На следующем этапе обучения можно использовать тексты, для которых не существует официальных переводов, например, контрольные документы Совета Европы. Таким образом, обучающиеся ознакомятся, уже с лингвистической точки зрения, с особенностями правовых текстов различных жанров.

В качестве заключения отметим, что существуют работы по юридической терминологии, по юридическому дискурсу русского или французского языков (И.Б. Голуб, Л.В. Колесникова, Ж. Корню, П. Лера, А.А. Телешев, С.П. Хижняк и др.). Однако именно сопоставительное изучение специализированных дискурсов русского и французского языков позволяет выявить их специфические характеристики и трудности, на которые необходимо обращать особое внимание при обучении специализированному переводу. Полученные знания необходимы будущим специалистам для успешной деятельности в области международных контактов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Голуб И.Б., *Русский язык и культура речи: Учебное пособие* - М.: Логос, 2001.- 432 с.

Колесникова Л.В., *Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области "Международное частное право"* : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ставроп. гос. ун-т. - Ставрополь, 2007. - 19 с.

Телешев А.А., *Лингвопрагматические особенности французского законодательного дискурса: автореферат дис. ... кандидата филологических наук*. Москва 2004, 16 с.

Хижняк С.П., *Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): Дис. ... д-ра филол. наук*. Саратов: 1998. 357 с.

Cornu G., *Linguistique juridique*. - Montchrestien, 2005, 443 p.

Lerat P., *Vocabulaire juridique et schémas d'arguments juridiques*. - Meta, vol. 47, n° 2, 2002, p. 155-162.

Convention de sauvegarde des Droits de l'Homme et des Libertés fondamentales, telle qu'amendée par le Protocole n° 11, Rome, 4.XI.1950
<http://conventions.coe.int/treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=005&CL=FRE>

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm0>

ABSTRACT

Didactical Aspect of Comparative Study of Specialized Discourses

Specialized legal discourses have some peculiarities of textual structure, grammatical structures, and lexical composition. The comparative study of Russian and French legal discourses and terminologies contributes to the determination of peculiarities of these discourses and of translation equivalents which have be considered when teaching specialized languages.

МУЛЬТФИЛЬМЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ РУМЫНСКИМ СТУДЕНТАМ-РУСИСТАМ

Дана КОЖОКАРУ
Бухарест, Румыния

Ключевые слова: преподавание РКИ, румынские студенты-русисты, мультфильм, аутентичный, специфичность русского языка

Сама польза от использования мультфильмов в обучении иностранным языкам, в том числе русскому, бесспорна. В этой связи, ставится принципиально важный вопрос: какие мультфильмы лучше использовать, учебные или аутентичные? Мы считаем, что в процессе преподавания РКИ румынским студентам-русистам на начальном этапе²⁵⁸, наряду с учебными, необходимо использовать аутентичные мультфильмы, созданные для носителей русского языка и проверенные на практике (имеется в виду практика восприятия данных произведений носителями русской культуры, их способность производить аксиологический, нравственный, артистический эффект).

Второй вопрос — когда именно, в процессе обучения, следует переходить к использованию этих мультфильмов? Искусственно упрощенным языком / речью можно и надо пользоваться на самых ранних стадиях обучения, однако эту манеру предоставления языковой информации студентам необходимо удалить как можно скорее, с тем чтобы перейти либо к разным формам симулирования

²⁵⁸ В Бухарестском университете русский язык как специальность изучается на Факультете иностранных языков и литератур, на трёх отделениях: филологическом (как «специальность А» или «специальность Б»), переводческом и прикладной лингвистики. В рамках всех трёх отделений русский язык изучается как иностранный, а обучение направлено как на так-называемое «овладение» языком, так и на изучение теории языка (одна из фундаментальных дисциплин – это «структура языка», которая включает морфологию, синтаксис, словообразование, лексикологию/фразеологию современного русского языка). Практический и теоретический курсы интегрированы. Так как все наши студенты изучают язык с обеих точек зрения (практической и теоретической), мы считаем, что их можно называть «студентами-русистами». Обучение начинается с нулевого уровня и длится шесть семестров. Мы называем «начальным уровнем» первые два семестра, на протяжении которых студенты должны выучить грамматику и основные структуры русского языка, определённое количество слов (прим. 1500 единиц, необходимых при общении на традиционные «разговорные темы»), а также базовые коммуникативные стратегии. Чтобы добиться цели, используются разнообразные методы, приёмы и материалы, среди которых мультфильмы.

естественной русской речи, либо к реальному контакту с подлинными русскими «текстами». Только так учащиеся могут приобщиться к языку как огромному мнемоническому конгломерату, запоминать коммуникативные фрагменты и оперировать ими и, впоследствии, стать соучастниками того «языкового существования»²⁵⁹, к которому они, в конечном итоге, должны стремиться.

Однако момент подобного приобщения следует выбирать осторожно, так как, в нашем частном случае, студенты не подвергаются естественному процессу «заражения» русским языком, а изучают этот язык «как иностранный», т.е. в дезинтегрированной ипостаси его существования. С нашей точки зрения, контакт с аутентичным языковым / культурным артефактом, способный обеспечить переход к языковой интеграции, должен произойти только тогда, когда учащийся уже обладает тем, что мы лично называем «техникой языка», т.е.: склонением и спряжением, знанием основных значений падежей, управлением глаголов, базовой лексикой, основными рече-языковыми структурами. Подобно тому, как обстоят дела в музыке, большом спорте, в любых дисциплинах, предполагающих формирование специфических навыков и умений, полноценное приобщение к иностранному языку, не в качестве зрителя, а в качестве участника, предполагает предварительное овладение «техникой», т.е. строевыми единицами и хотя бы минимальными приёмами их адекватного сочетания в речи. Учебные мультфильмы можно использовать в целях овладения техникой языка, а владение техникой создаёт основу, необходимую для осуществления результативного контакта с аутентичными мультфильмами в искусственных условиях.

Выбор мультфильмов должен соответствовать поставленной цели и возможностям учащихся. Например, со студентами первого курса не имеет смысла работать с целью обучения языку на основе такого шедевра, как *Ёжик в тумане* Норштейна. Однако текст сценария, несмотря на то, что короткий, слишком сложный и не очень релевантный для наших первокурсников. Подобный мультфильм можно использовать с другой целью, например, чтобы приобщить студентов к творчеству мастеров российской/советской мультипликации.

В нашей практике преподавания русского языка взрослым (18-19 лет), изучающим русский язык как иностранный с нулевого уровня и в интенсивном профессиональном режиме, мы прибегаем к той же классике, к таким же ставшим культовыми мультфильмам, но лишь к тем, которые соответствуют нашей цели: увеличению объёма

²⁵⁹ О концепте «языкового существования» и связанным с ним понятиями см.: Б. Гаспаров – *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*, Москва, Изд-во «Новое литературное обозрение», 1996.

теоретических и практических языковых знаний, формированию различных коммуникативных навыков и компетенций учащихся, а также приобщению к культурно значимому произведению искусства. Прекрасным материалом в этой связи являются мультфильмы, в которых «играют» Чебурашка и Крокодил Гена²⁶⁰. В конце первого семестра (на 12-13 неделе обучения) мы посвящаем 4-6 часов семинарской работы над первым фильмом серии, *Крокодил Гена*²⁶¹, а также 30-40 минут отрывкам из последующих (например, началу фильма *Чебурашка*, точнее песенке Крокодила Гены и её конситуации, концу *Шапокляк* – песенке «Голубой вагон» и т.п.).

Информацию, которую студенты приобретают на основе просмотра мультфильма *Крокодил Гена* (который порождает мгновенный и глубокий эффект «обожания») и многоплановой работы над фильмом и транскриптом его диалогов (которая также сопровождается большим энтузиазмом и успехом), можно включить в следующие сферы:

1. культурно значимая информация, типа:

1.1. Информация о том, когда и кем создан мультфильм (Союзмультфильм, 1969; кто режиссёр, сценарист, художник-постановщик); на основе какого литературного произведения создан мультфильм (повесть Э. Успенского 1966 г.).

1.2. Информация о судьбе мультфильмов серии «Чебурашка и Крокодил Гена» в советское время (один из старых добрых «мультфильмов нашего детства») и в постсоветский период (история о приобретении авторских прав американской компанией; борьба за обладание авторскими правами; распространение мультфильмов в США, Европе, Японии и других странах и его культурные последствия и т.п.).

1.3. Информация о судьбе Чебурашки и о культурном феномене «Чебурашка» (герой Успенского; герой мультфильмов; игрушка, обожаемая в разных культурных средах; маскот российских делегаций на разных спортивных, культурных мероприятиях и т.п.).

1.4. Информация о культурных явлениях, которые играют важную роль в аффективной памяти русских (песни Владимира Шаинского, пионерия и т.п.).

²⁶⁰ Мультфильмы, главными героями которых являются Чебурашка и Крокодил Гена (*Крокодил Гена* – 1969, *Чебурашка* – 1971, *Шапокляк* – 1974 и *Чебурашка идёт в школу* – 1973), активно используются в преподавании РКИ, как в России, так и в других странах (см., например, такие работы, как: Е.Н. Барышникова, А.А. Денисова – *Чебурашка и его друзья: Пособие по развитию речи с использованием мультфильмов / Русский как иностранный*, Москва, Изд-во РУДН, 2006; или Jason Merrill, Julia Mikhailova, Maria Alley – *Animation for Russian Conversation*, Focus Publishing R. Pullins Company, Newburyport, MA, 2008), что доказывает их бесспорный методический потенциал.

²⁶¹ *Крокодил Гена* – Союзмультфильм, 1969 г., режиссёр: Роман Качалов, сценаристы: Эдуард Успенский и Роман Качалов, художник-постановщик: Леонид Шварцман.

2. языковая информация, ценная с точки зрения преподавания практики и теории языка румынским студентам-руссистам на начальном этапе обучения:

2.1. Информация морфологического, синтаксического и лексического уровней языка и реализация этой информации в аутентичной речи; использование языковых единиц в ситуациях, содействующих прочному запоминанию тех или иных конструкций или структур, известных уже студентам и активных в их речевой практике: например, *жить где, по имени* + Им. п., *работать где, кем* распознаются и прочно «перезапоминаются» на фоне первого появления Гены в зоопарке и слов Рассказчика [**В городе жил крокодил по имени Гена. А работал он в Зоопарке, крокодиллом.**]; или такие базовые структуры, как: *У КОГО есть ЧТО / КТО* [**У вас есть молоко? – Конечно, есть!**], *КОМУ нравится ЧТО / КТО, КТО похож НА КОГО, НА ЧТО* [**Мне нравится этот зверь. Он... ну, ты знаешь, похож на бракованную игрушку.**]; или структуры сильно отличающиеся от румынских, такие как конструкция с эмфатическим *это* [**Это вам нужны друзья?**] или безличные отрицательные предложения [**Вы лежите на газоне и вас не видно.**] и мн.др.

2.2. Информация порядка лексической эпидигматики, парадигматики и синтагматики, лексикографии: тематические группы слов – названия фруктов, животных, продуктов питания, знаков препинания, профессий людей, принимающих участие в создании мультфильма и др.; глаголы движения и позиционные глаголы в переносных значениях; обороты, значительно отличающиеся от румынских на основе разной внутренней структуры многозначных слов, такие как: *завести себе друзей, пускать мыльные пузыри*, румынские эквиваленты которых построены на глаголе *a face* – *делать*: *a-și face prieteni, a face baloane de săpun*; знакомство со словарём Даля на основе глагола *чебурахнуться* и т.п.

2.3. Информация, связанная с особенностями русского словообразования, сложными для носителей румынского языка (приставочные глаголы: *передружить, прибрать, записывать, придумать, отдать*; относительные прилагательные: *телефонный, бракованный*);

2.4. Информация о произношении, интонации и всех остальных аспектах, связанных с живой русской речью.

2.5. Информация о ненормативных аспектах живой речи и реальной речевой практики: ненормативное смягчение глагольного окончания 3 л. мн.ч. или наречие *куды* в речи Сторожа [**Нее, это не пойдёт. Не знают, куды его посадить.**]; «проблемы» с правописанием при сочинении объявления крокодиллом, отражающие

реальные возможные ошибки носителей языка [**«Молодой крока...»... нет, «...кракодил хочет завести себе друзей»**];

2.6. Информация, связанная с конкретными речевыми актами, а также с речевым этикетом [**«Кто там?; Кто вы такой?; Скажите, здесь строят дом?; Я больше не буду.; Понятно.; Пойдём со мной.»**].

2.7. Визуальная информация, представляющая собой основу для речевой деятельности студентов.

2.8. Информация, ценная с точки зрения теории языка, точнее, для иллюстрирования специфичности русского языка, того, что субстанциально отличает его от других, в частности от румынского, и лежит в основе его «сложности» для румын.

Этот последний тип информации и её обсуждение со студентами (по завершении или в ходе работы над мультфильмом) особенно важны, так как простые на первый взгляд диалоги содержат в себе примеры, позволяющие проиллюстрировать все основные (для носителей румынского языка) параметры специфичности русского языка. Мы считаем этот тип информации существенным для приобщения учащихся к аспектам языка, отражающим то типичное, чем характеризуются русское миропонимание, языковое мышление и языковая ментальность. Этот тип информации ценен как с точки зрения теоретической, так и практической. Необходимо культивировать чувствительность студентов к этому типу информации, необходимой для принятия правильных и адекватных решений при понимании и порождении русской речи.

Исходя из положения, что любой студент может выучить определённое количество слов и словоформ, а также определённый набор правил их сочетания, можно подумать, что это и приведёт студента к «знанию» языка. На самом деле, у людей, так или иначе общающихся на иностранном языке, трудности возникают, когда они должны симулировать речь носителей языка, т.е., в нашем случае, «говорить как русские» и понимать русский язык как русские. Этот максимальный уровень сближения речевой деятельности иностранных учащихся к речевой деятельности носителей языка является, в конечном итоге, целью обучения. А подобного сближения можно добиться лишь в условиях контакта с образцами живой речи и при постоянном осмысливании и понимании различных проявлений «языкового существования» носителей языка.

Эти типичные черты русского языка и русской речи не совпадают с грамматическими или лексическими трудностями русского языка или же с так-называемыми «страноведческими реалиями». Они связаны скорее с предпочтением, которое сам язык и его носители отдают той или иной форме выражения тех или иных общих понятий, структурно отличающейся от формы выражения тех же понятий в родном языке учащихся, при всём при том, что в

иностранном языке есть и способы выражения данных понятий, структурно подобные имеющимся в родном языке.

Далее перечислим лишь некоторые из аспектов, определяющих специфичность русского языка с точки зрения носителей румынского языка, которые можно проиллюстрировать примерами из текста сценария мультфильма *Крокодил Гена*. Мы считаем, что контакт с речью персонажей мультфильма содействует принятию студентами тех «правил» и «ограничений», которые они заучивали до этого контакта, т.е. принятию того модуса фиктивности («понимать/говорить/писать по-русски как если бы мы были русскими»), который необходим для полноценного общения на иностранном языке.

Диалоги мультфильма *Крокодил Гена* представляют собой отличную основу для выделения таких ведущих черт русского языка и речи, как:

1. Частотность конструкций, выражающих определённое отношение к собственному «я» или к категории субъекта действия, своего рода деперсонализацию.

1.1. Предпочтение структуре *У КОГО **есть** ЧТО / КТО* для выражения possession (при всём при том что в языке есть возможность выражения принадлежности с глаголом *иметь*). В практике преподавания РКИ румынским студентам наблюдается сильное сопротивление спонтанному использованию данной структуры, при прекрасном её знании и понимании. Повторное осмысление этой структуры на фоне приятного и «лёгкого» диалога мультфильма [*– У вас **есть** молоко? – Конечно **есть**.; А у меня **нет** друзей.*] приводит к ослаблению упомянутого сопротивления.

1.2. Частотность безличных конструкций с дательным падежом: конструкции, выражающее состояние, типа *КОМУ **весело**, КОМУ **интересно**, КОМУ **хочется**, КОМУ **думается***; конструкции с модальными словами *можно, нужно, надо, нельзя*; конструкции типа: *Вам **сварить кофе**? или Ему **сейчас не до нас**.* и др. На основе примеров из мультфильма [*Что же мне с тобой **делать**?; Это вам **нужны** друзья?; Вам **нужны** помощники?; Мы будем записывать всех, кому **нужны** друзья.; ...никто их не жалеет, когда им **бывает грустно**; ...сюда ему **не влезть***] можно построить дискуссию на эту тему, с упором на контраст с румынским языком.

1.3. Использование родительного падежа при выражении отсутствия субъекта, объекта, результата действия [*Вы **лежите на газоне и вас не видно**.; **Никаких «чебурашек» нет.***]. Этим конструкциям с родительным падежом в румынском языке соответствует лакуна, и при всём при том, что наши студенты знакомятся с ними на ранних этапах обучения, им трудно ими пользоваться. Наблюдается разрыв между знанием грамматики

русского языка и пониманием языкового мышления русских. Возвращение к этим конструкциям при помощи мультфильма содействует их запоминанию и дальнейшему генерированию подобных предложений.

2. Обилие в речи языковых единиц, доказывающих синтетизм русского языка, при возможности выражения того же значения с помощью аналитических конструкций.

2.1. Имеются в виду, прежде всего, префиксальные глаголы [**передружить** – *a ajuta pe cineva să se împrietenească cu cineva*; **прибирать / прибрать** – *a face puțină ordine*; **записывать / записать** – *a nota, a scrie pe hârtie*; **отдавать / отдать** – *a da înapoi, a da de tot*; **придумывать / придумать** – *a scorni, a inventa, a găsi o soluție, ca rezultat al unui proces de gândire*], которым в румынском языке соответствуют либо простые глагольные эквиваленты мотивирующего глагола, либо перифрастические аналитические обороты или образования фразеологического типа. Естественная тенденция румынских студентов – дословно переводить данные аналитические обороты на русский язык. Однако процесс обучения русскому общению должен постоянно подчёркивать синтетизм русского языка и контраст с аналитизмом румынского, и стимулировать употребление в речи типично русских средств выражения мыслей, отражающих эту структурную черту языка. Теоретическая дискуссия о префиксальных глаголах может служить поводом для упоминания других подобных явлений, мало или не присутствующих в диалогах мультфильма: использование лексических и лексико-грамматических приставок и суффиксов, не имеющих эквивалента в румынском языке (частотность относительных и притяжательных прилагательных, передающихся на румынский язык при помощи аналитических структур: **любино пальто** = *paltonul Liubei*, **придорожный дом** = *casă aflată la marginea drumului*; суффиксы со значением единичности – **картофель** = *cartof / картофелина* = *cartof*, **горох** = *mazăre / горошина* = *bob de mazăre*; обилие суффиксов с субъективно-оценочными значениями в русской речи: **Ну и характерец!** = *Mamă, mamă ce caracter!*).

3. Конкретность и образность русского языка как ведущая его черта.

3.1. Одним из лучших примеров являются позиционные глаголы **стоять, сидеть, лежать, висеть; ставить / поставить, сажать / посадить, класть / положить, вешать / повесить**, которым в румынском языке соответствуют в большинстве контекстов глаголы *a sta / a fi* и *a pune*, не передающие конкретной зрительной информации о расположении объекта в пространстве. В румынском языке есть аналитические обороты, которые конкретизируют эти глаголы (*a sta jos* = **сидеть**, *a sta culcat* = **лежать**, *a sta în picioare* = **стоять** и т.п.), но в речи чаще всего эти

элементы отсутствуют, так как контекст способен обеспечить необходимую дезамбигуизацию. Поэтому необходимо постоянно напоминать румынским студентам то, что при переходе на русский язык они должны ментально активизировать зрительный образ, чтобы осуществить правильный выбор позиционного глагола. В мультфильме *Крокодил Гена* выступают в речи персонажей глаголы **стоять** [*Будешь работать у нас. Стоять в витрине и, так сказать, привлекать внимание прохожих.*], **лежать** [*Вы лежите на газоне и вас не видно. Мы бросаем кошелёк на верёвочке. Прохожий нагибается, а кошелёк убегает.*] и **посадить** [*Неизвестный науке зверь. Не знают, куда его посадить.*]. На основе перевода этих реплик на румынский язык, можно повторить все позиционные глаголы русского языка и их румынские эквиваленты, с тем, чтобы ещё раз подчеркнуть склонность русского языка к конкретности.

3.2. Другие глаголы и устойчивые глагольные обороты, которым в румынском соответствует глагол *a face* = **делать** и глагольные обороты с ним [*завести себе друзей* = *a-și face prieteni*, *пускать мыльные пузыри* = *a face baloane de săpun*, *прибирать / прибрать* = *a face puțină ordine*]. В список эквивалентов подобных румынских устойчивых словосочетаний можно добавить и другие, имеющие более «конкретный» русский эквивалент: *a face duș* = **принимать / принять душ**, *a face scandal* = **скандалить**, *a face gălăgie* = **шуметь** и др.

4. Другие системные и речевые особенности, сильно отличающие русский язык от румынского.

4.1. Процессуальность. Некоторые специалисты считают, что «Ведущей чертой грамматического строя русского языка является внутренняя направленность высказывания на представление любой информации как картины развивающегося события. Эта ведущая черта определяет и морфологические особенности частей речи, и синтаксический строй предложения.»²⁶² При всём при том, что на первом курсе по-нашему преждевременно делать упор на такие субтильные черты русского языка, такие ключевые глаголы в мультфильме *Крокодил Гена*, как **дружить** (и производные **передружить**, **подружиться**) дают возможность для краткой теоретической дискуссии на эту тему. Эквивалентом глагола **дружить** в румынском языке является оборот *a fi prieten cu cineva*, не обладающий признаком «развивающееся событие». Однако глагол **подружиться** передаётся глаголом *a se împrieteni*, обладающим теми же структурно-семантическими чертами, что и русский глагол, а глагол **передружить** передаётся с помощью комбинированного

²⁶² Т.М. Балыхина, М.В. Лысакова, М.А. Рыбаков – *Учимся общению: Курс культуры русской речи для учащихся вузов*, Москва, Изд-во РУДН, 2004, с. 460.

приёма: *a face / a ajuta pe cineva să se împrietenească*. Подобное сравнение семантики лексических единиц русского и румынского языков на ранних этапах обучения закладывает основу для будущих выборов, способных обеспечивать «естественное звучание» русской речи студентов.

4.2. Относительно свободный порядок слов в русском языке и возможность их перемещения, приводящая к новым коннотациям высказывания. Хотя румынский язык допускает подобные трансформации, многие наши студенты хорошо знают английский язык, где порядок слов жёсткий, и опасаются свободно изменений «стандартного» порядка. Простые с точки зрения грамматики или лексики диалоги мультфильма, отражающие это явление [– **Кто там? – Это я, Чебурашка. – Кто вы такой? – А я не знаю. – Вы, случайно, не медвежонок? – Может быть. Не знаю я.**], помогают студентам освободиться от возложенных на самих себя ненужных ограничений.

4.3. Особенности прямого обращения в русской речевой практике: обращение по имени и отчеству; сочетание имени, и даже уменьшительных и уменьшительно-ласкательных форм имени, с местоимением *вы* и формами 2 л. мн. ч. глагола; использование отчества в прямом обращении, и даже в сжатом фонетическом варианте (**Борисыч, Сергеич**); использование **ты** и **вы**. Румынский язык обладает богатой системой местоимений вежливости (в том числе для 3 лица), так что в принципе использование местоимения **вы** в русском языке не следует считать «особой чертой» этого языка с точки зрения носителя румынского языка. Однако русской практике общения характерна меньшая склонность к быстрому переходу на **ты**, чем румынской. Эта характеристика русского речевого взаимодействия очевидна и в мультфильме *Крокодил Гена*, где кроме не озабоченных вежливостью продавцов и крысы Ларисы, все используют в обращении к Чебурашке местоимение **вы**. Кроме того, имеется диалог, где девочка Галя, успокаивая Чебурашку, который опасается, что с ним не будут дружить, плавно переходит на **ты**, чтобы доказать ему свою дружбу.

4.4. Обилие таких частиц, как **же** [**Фу ты, чебурашка какой! Что же мне с тобой делать? – Я! Я буду с вами дружить! – Ну что ж, прекрасно. Теперь я буду не один.; Давайте отдадим этот дом детскому саду. А я там буду работать игрушкой. Если меня возьмут. Я же неизвестно кто.**] или типично русское использование в абсолютном начале реплики диалога вводного псевдо-союза **а** [– **Кто вы такой? – А я не знаю.; А вы знаете, сколько в нашем городе живёт таких одиноких, как Чандр и Тобик?; А я уже придумал! Их надо передружить!**].

4.5 Наличие в иностранной речи (в том числе, русской) речевых клише и штампов, которые люди, изучающие любой иностранный

язык, должны принимать и запоминать как таковые, коррелировать с их функциональными эквивалентами в родной речи, и пользоваться ими адекватно [**понятно; правильно; так сказать; здорово; ко мне! ; я больше не буду** и др.].

Все вышеуказанные типичные черты русского языка и речи, можно выявить прямым подходом (в рамках лекционного занятия после предварительного просмотра и разбора мультфильма *Крокодил Гена*) или сквозным методом, в ходе осуществления различных форм работы с мультфильмом, таких как: просмотр мультфильма (повторный, интегральный, по отрывкам); чтение, языковой анализ и перевод диалогов; лексические упражнения (при повторном фрагментированном просмотре); грамматические упражнения (при повторном фрагментированном просмотре); монологические задания (изложение содержания, описание героев); диалогические задания (диалоги о мультфильме, дискуссии, дебаты); лингвострановедческие и страноведческие комментарии; ситуативные упражнения на основе сцен из мультфильма; перевод и обратный перевод на основе диалогов и изложения; перевод для субтитров (так как при этой форме перевода имеются строгие правила и количественные ограничения, выявление вышеуказанных различий между русским и румынскими языками является существенным); чтение и перевод отрывков книги Э. Успенского; поиск материалов о Чебурашке; создание коллективного материала типа «Знаете ли вы, что...» о Чебурашке и мн. др.

В итоге, можно сказать, что использование шедевров российской мультипликации в обучении русскому языку как иностранному и в изучении русской культуры, а также при выявлении специфичности русского языка и русского речевого общения, располагает огромным потенциалом и может служить солидной и аттрактивной базой для приобщения студентов к некоторым основным аспектам русского языкового существования.

ABSTRACT

Animated Films in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language

This article highlights some aspects of using authentic cultural artifacts (works of Russian animation) in teaching Russian as a foreign language. Animation works are used in contemporary foreign language pedagogy to improve students' language skills, in various areas: grammar, vocabulary, conversation. This article aims to prove that the classical Russian animation film *Krokodil Gena* (1969, Soiuzmultfilm), that uses simple dialogues, includes many elements that can be used to build Romanian students' awareness towards some features of Russian that form its specificity (compared to Romanian), such as: the preference for impersonal constructions to express possession or states of being, as opposed to their personal counterparts in Romanian; the synthetism of Russian proved by prefixed verbs, relational and possessive adjectives that have multilexemic correspondents in Romanian; the semantic concreteness of many Russian words compared to their Romanian equivalents; etc.

ОБУЧЕНИЕ ОСНОВАМ ПЕРЕВОДА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Людмила П. ЯРКИНА
Москва, Россия
Tata@orinet.ru

Ключевые слова: *единицы функциональной грамматики, реферативный перевод, сопоставительно-переводческие позиции, межъязыковое посредничество*

Использование перевода в рамках курса обучения русскому языку иностранных студентов способствует совершенствованию их лингвистической подготовки, поскольку позволяет развивать навыки осмысления языкового материала, единиц функциональной грамматики с сопоставительно-переводческих позиций. Кроме того, у учащихся формируется способность мыслить в контексте двух культур и, как следствие, повышается социокультурная составляющая их коммуникативной компетенции, расширяется кругозор.

К обучению по данной программе допускаются студенты 4 и 5 курсов, успешно сдавшие итоговый экзамен по русскому языку и в совершенстве владеющие одним из следующих языков: английским, французским, испанским, португальским .

Подготовка студентов осуществляется в два этапа. На первом этапе рассматриваются основные приемы сопоставительного анализа языковых единиц, прививаются первичные навыки переводческой деятельности. В качестве лингвистической базы выступают общелитературный и общенаучный языки в их письменной форме. При объеме учебного времени в 74 часа курс представляет собой сочетание теоретических и практических групповых занятий в аудитории. Этот этап завершается письменным зачетом и устным экзаменом с получением соответствующего сертификата. На втором этапе (74 часа) главное внимание направлено на сопоставительно-переводческую работу над материалами научного стиля речи. Студенты знакомятся с общими экстралингвистическими и собственно лингвистическими свойствами этого средства общения в области науки и учебно-научной деятельности, а также специфическими чертами научных произведений и их жанровых разновидностей, отражающих предметную область инженерных дисциплин.

Обучение референта-переводчика предполагает развитие умения осуществлять межязыковое посредничество также с помощью адаптивного транскодирования, при котором содержание оригинала подвергается различным видам переработки. В связи с этим важное место в общей структуре курса занимает выработка навыков реферативного перевода. Построение процесса обучения на принципах сознательного партнерства предполагает постоянное развитие самостоятельности студента, его творческой активности и личной ответственности за результаты. Поэтому, помимо групповых занятий, на втором этапе обучения переводу существенное количество времени отводится индивидуальным консультациям и самостоятельным занятиям студентов под контролем преподавателя. По завершении курса студенты сдают итоговый экзамен, который проводится в письменной и устной форме. При успешной сдаче экзамена студенту присваивается квалификация переводчика-референта с выдачей диплома.

Содержание занятий определено без учета проблематики частной теории перевода, специфики конкретных взаимодействующих языков. Сопоставительный анализ единиц языковых систем осуществляется с текстоцентрических позиций в рамках концепции коммуникативной грамматики (в единстве формы, значения, функции). В качестве объектов рассмотрения выступают такие категориальные понятия, как предмет, лицо, процесс, свойство, отношение; лицо, производящее действие, способ действия, орудие действия. Сопоставляются формы и сочетаемость слов, представляющих названные группы, рассматриваются представленные в разных языках типовые модели предложения: предмет и его признак, лицо и его действие, процесс и его признак, свойство и его признак; двусоставные предложения с подлежащим в косвенном падеже (с субъектом состояния, субъектом пространственным, субъектом количественной характеристики). Анализируется семантическое поле предложения: фазисные и модальные модификации моделей предложений; способы авторизации моделей; сверхфразовые единства и способы их образования. Далее предметом изучения становится содержательная и формально-грамматическая организация единиц текстового уровня. Студенты осуществляют анализ логико-смысловой структуры текста-оригинала, содержащейся в нем информации и использованных языковых средств, после чего вырабатывают стратегию перевода текста с учётом его жанровой принадлежности, цели и адресата, обращая внимание на то, каким образом в двух языках осуществляется передача предметно-логической, структурно-логической информации и средств связи. Они учатся выявлять межязыковые различия в способах актуального членения предложения, преобразовывать синтаксическую структуру

высказывания при переводе с целью передачи его коммуникативно-логического смысла.

На первом этапе обучения ознакомление с методом сознательного сопоставления системных единиц двух языков и теоретическими основами переводческой практики осуществляется на материале, представленном единицами всех уровней общелитературного языка без ограничения их стилевой и жанровой принадлежности

На втором этапе основной единицей обучения становится текст. Ограниченность во времени вынуждает сосредоточить внимание лишь на письменно-устной и письменно-письменной формах перевода. С учетом коммуникативных потребностей учащихся в учебно-профессиональной и социально-культурной сферах общения задачи обучения реализуются в процессе работы на микротекстами и текстами газетно-публицистического и научного стилей, тематика которых направлена на повышение мотивации к обучению и удовлетворение познавательных интересов обучаемых.

Специфика преподавания курса перевода на инженерном факультете заключается в том, что в одной учебной группе могут оказаться студенты разных профилей, а также различных специальностей одного профиля. Подобная ситуация, равно как и филологическое образование преподавателя, делают невозможным использование на занятиях текстового материала узкоспециализированной направленности. Одним из вариантов решения данной проблемы может быть обращение к типологии научных текстов, разработанной Е.Е.Жуковской и др., в основу которой положена семантическая классификация имен, называющих вынесенную в заголовок тему. В этом качестве выступают представленные в языковых значениях такие понятийные категории, как *предмет, свойство, естественный процесс, производственная деятельность и др.* Подход к построению текста как к процессу, базирующемуся на реализации семантико-синтаксических возможностей обозначающих эти понятия имен и их коррелятов, позволяет анализировать текст в единстве его формально-структурной и семантической сторон. Осмысление представленной с позиций филологов-русистов логики предметных отношений в обширной экстралингвистической области, изучаемой дисциплинами инженерного цикла, и выявление путей ее передачи средствами другого языка позволяют заложить лингвистические основы для последующего сопоставительного изучения таких значительно более сложных по своей формальной и смысловой структуре жанров научной прозы, как статья или монография.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бархударов Л.С., *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. М., 1975.

Федоров А.В., *Основы общей теории перевода*. М., 1983

Гарбовский Н.К., *Теория перевода*. Изд-во МГУ, 2004

Программа обучения переводу иностранных студентов, обучающихся на нефилологических факультетах РУДН (спецкурсы «Основы перевода» и «теория и практика перевода»). М.: Изд-во РУДН, 1996

Программа курса перевода для иностранных студентов, обучающихся на нефилологических факультетах вузов СССР. М.: Русский язык, 1990

Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на нефилологических факультетах вузов СССР. - М. Русский язык, 1985

Жуковская Е.Е., Золотова Г.А., Леонова Э.Н., Мотина Е.И. *Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей. Практическая грамматика*. М., Русский язык, 1984

Г.А.Золотова, Н.К.Онипенко, М.Ю.Сидорова, *Коммуникативная грамматика русского языка*. М. 1998

ABSTRACT

Training to Bases of Translation of Non-Philologists

The article deals with the problem of translation as a means of teaching Russian to students, specializing in engineering and technical sciences.

РОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК «ФОНД ПОМОЩИ» В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Александра НИКОЛЕСКУ
Милан, Италия

Ключевые слова: преподавание РКИ в Италии, алфавит, романские заимствования

Несомненно, мы все чувствуем, что живем в быстро изменяющемся мире и понимаем, что это касается и нашего быта и бытия, и не может обойти сферу нашей работы – изучать русский язык и приобщать к нему людей, особенно молодежь, раскрывать им его богатство и его культурные и духовные ценности. Ясно и то, что в процессе коммуникации и тенденции к глобализации меняется также статус самого прямого и общего средства коммуникации, а именно языка, возникает необходимость расширения сферы применения определенных языков и меняется их соотношение между собой, в первую очередь отношения национального языка к другим, с которыми он все чаще сталкивается (по работе, в туристических поездках, в СМИ, газетах и т.д.). Тем самым для тех, кто «преподносит», если можно так выразиться, иностранный язык в другой языковой среде возникают новые «стратегические» вопросы и необходимость ответов на них.

В процессе преподавания русского языка студентам иностранцам в нерусской среде появляются ряд ситуаций, не всегда принимаемых во внимание специалистами, занимающимися проблемами преподавания РКИ. Возникает ряд вопросов, связанных с психологическими, социальными и даже экономическими вопросами, с которыми приходится сталкиваться. Первое – это сам статус русского языка в школьных и университетских программах разных стран.

В некоторых странах – таких, как Франция, Австрия, Германия – русский язык входит в школьные программы. Но в Италии, стране в которой нам пришлось преподавать и в школе, и в университете, и из этого опыта мы будем исходить, картина складывается по-иному. Несмотря на возрастающий интерес к России, к русскому языку, в связи с перестройкой, затем с распадом СССР, изучение русского языка в итальянской средней школе остается маргинальным явлением. Можно сказать, что кроме известной генуэзской школы, на севере Италии в настоящее время, фактически, в средней школе нет такого предмета, как русский язык. Не считаем необходимо здесь, и

сейчас говорить о причинах этой ситуации. Укажем лишь, что она обусловлена типичными итальянскими предпосылками, и что не только русский язык, но в какой-то степени и, немецкий, в таком же положении.

Каковы же последствия данной ситуации для преподавания/изучения русского языка в итальянских университетах, и какие факторы нельзя не учитывать? Во-первых, кратко укажем на социо-психологический фактор. А именно, подавляющее большинство итальянских студентов не будут преподавателями или исследователями русского языка и литературы. Они в основном будут работать в фирмах, связанных своей деятельностью с Россией, где им предлагаются должности либо референтов, либо переводчиков. Напомню слова известного итальянского лингвиста Ренцо Титоне, даже если они идут вразрез с довольно распространенным мнением среди русистов, который утверждал, что преподавать иностранный язык в среде родного языка студента, без использования перевода, является непродуктивным. Будущему переводчику необходимо с самого начала построить себе схемы соответствий между родным языком и изучаемым языком.

Если есть категория, небольшая, студентов, которые приходят изучать русский язык, потому что хотят читать Достоевского и Толстого в оригинале или увлечены русской культурой, большинство студентов, как правило, выбирает язык, который был бы более перспективен с точки зрения будущей работы, а многие размышляют почти по-детски «какой менее трудный». И когда среди конкурентов это испанский или португальский язык, задача, стоящая перед преподавателями русского языка, нелегка. Поэтому первая задача преподавателя, важная и нелегкая, заставить полюбить русский язык. Как его полюбить? Облегчить доступ к нему.

Тут важную роль играют учебники. Это сам по себе сложный вопрос, которого я коснусь лишь вкратце.

В Италии отсутствуют школьные учебники русского языка. Обычно в школе пользовались учебником *Русский язык для всех* и его дополняли, в особенности на продвинутом уровне, различными ксерокопиями. В университете использовался и используется для начинающих учебник Маковецкой или Василенко-Ламм в итальянском варианте, а также итальянская версия учебника Овсиенко. Напомним в этом плане также известную грамматику Пулькиной и сборник упражнений Хаврониной и Широченской. До недавней поры учебники для иностранцев, изданные в Советском Союзе, затем в России, обращались к определенному кругу студентов, а именно, к студентам, изучающим русский язык в русской среде. Первыми попытками выйти на «заграничный рынок» с учебниками русского языка являются фактически переводы существующих

учебников. Но, к сожалению, эти учебники никак не учитывают родной язык студента. Меняется лишь тип транслитерации и имена персонажей (Джон, Марио).

Не менее важна роль преподавателя. Он должен суметь сделать так, чтобы учащийся полюбил русский язык, воспринимал его не как полностью чужой, а, наоборот, наделённый некоторыми элементами, существующими в родном языке, созвучными родному языку. Это значит, что один из путей это использование из иностранного языка заимствований, вхождений в русский язык и в первую очередь будет речь идти о заимствовании из иностранного языка такой же семьи, что и родной. Но любовь эта, как говорится, должна быть с первого взгляда. Эта работа, которую надо проводить с самого начала, с первых уроков. Именно на этом вопросе нам хотелось бы остановиться, даже если он может казаться минорным. Как уже сказано, речь будет идти об опыте преподавания в итальянском университете (т.е. заимствования из романских языков).

Как известно из романских языков в русский язык вошло довольно много и итальянских слов в разные эпохи и из разных отраслей.

На первых же уроках мы знакомим учащихся с алфавитом, с буквами, и с произношением русских звуков.

И здесь возникает первая трудность – некоторые буквы незнакомы, отличаются от латинского начертания. Можно построить план преподавания по следующим правилам.

1. Алфавит изучается без соблюдения его известного порядка. Вначале буквы, обозначающие гласные звуки, ибо они не представляют в основном трудности. Причем они даются парами **а-я**, **у-ю** и т.д. И это поможет в дальнейшем объяснить мягкость и твердость согласных. Фактически итальянцам трудно произносить лишь один звук: звук **ы**. В этом смысле румынскому преподавателю повезло, в румынском языке есть этот звук. Так же, как ему повезло с редуцированными **а** и **о**, но в этом смысле на помощь приходит и английский похожий звук. Итальянцы не осознают, но дифтонги **я**, **ю**, существуют и в их родном языке (**più, già**).

Затем постепенно осваиваем некоторые согласные, а именно **в**, **г**, **д**, **з**, **к**, **л**, **м**, **н**, **п**, **р**, **с**, **т**, **ф**, **х**. Обращаемся к этим буквам, потому что они либо пишутся и произносятся как в итальянском языке, либо пишутся, как по-итальянски, но произносятся иначе, но звуки существуют в итальянском языке или, в случае **х** в известном им английском языке, либо известны, потому что похожи на греческие буквы, знакомые из школьной программы по физике или математике (**г**, **л**, **п**, **ф**). Это сходство с известными звуками все время подчеркивается. Например, **з** как в ит. **casa**, **к** в ит. **cosa**, **х** как в англ. **holiday**.

2. Далее переходим к чтению букв в словах. Упражнения для чтения в самом начале состоят из списка слов. Мы пытаемся в эти списки включить собственные имена и как можно больше слов романского или общеевропейского происхождения, чтобы создать у студента впечатление, что русский язык не так уж отличается от известных ему языков. Например, **в** (**ваза, авиа**), **г** (**газ, грамм, гондола**), **д** (**дама, дата, доктор**), **з** (**зона, резонанс, газета**), **к** (**каталог, кассета, касса**), **л** (**лимон, литр, лотерея**), **м** (**маска, масса, мармелад**), **н** (**нота, зона, норма**), **п** (**порт, помидор, пианино**), **р** (**раса, опера, ревизия**), **с** (**соната, солист, фасад**), **т** (**порт, торт, турист**), **ф** (**фаза, фамилия, фанфара**), **х** (**химия, хризантема**). Кроме этого, можно использовать имена, как **Анна, Елена**, или названия городов, стран: **Милан, Лондон, Россия, Италия, Палермо**, также **Везувий** и т. д. Иногда к этим можно добавить слова, не обязательно заимствованные из романских языков, но известные из повседневной жизни: **союз, мир, восток, миг**. Нужно сказать, что в ряде случаев эти примеры подтверждаются и французским и румынским языками.

Писать предложенные первые буквы не составляет особой трудности. Может быть, только некоторые гласные: э, но обращается внимание студента на то, что это как знак евро наоборот, или как округленный математический знак \square (существует), такое же примерно объяснение для буквы **я** (обратное латинское печатное **R**), **ю** похоже на цифру **10**, а **ы** на **61**. Таким образом, после первого знакомства с русским языком, студент знает три четверти русского алфавита, и еще не встретил никаких особых трудностей.

3. Внедрение последних букв, не встречающихся в латинском алфавите, идет также постепенно, и, по мере возможности, обращаясь к заимствованиям. Начинаем со звуков, которые существуют в итальянском языке. **Б**, и даются примеры как **бас, бактерия, бензин, бюро, бомба, лаборатория, библиотека**. Затем **ч**, и обращается внимание на то, что для этого звука используется одна буква, не сочетание двух букв как в итальянском языке (**чинар, чентезимо, чичероне, челеста, чембало**). Некоторые из этих слов редко встречаются в повседневной жизни, это неологизмы, малоизвестные даже русскому человеку, но итальянскому студенту они близки. Переходим к **ц**, как в широко известном слове **pizza**. Кроме этого, даются примеры – такие, как **администрация, нация, лекция, индустриализация**. Можно также обратить внимание, на то, что некоторые слова с этой буквой имеют соответствие в итальянском языке, но на место этого звука стоит звук «ч»: **лицей-liceo, цензура-censura, центр-centro, цинизм-cinismo, цифра-cifra, специализация-specializzazione**.

Звук **ш** существует в итальянском языке, но он обозначается сочетанием нескольких букв, как в итальянском слове **sciopero**. Здесь

можно привести такие примеры **шок-choc, широко-sciocco, шеф-chef**, или **штукатурка-stuccatura, штафета-staffetta, штамп-stampo, шпалера-spalliera, шкатулка-scatola**, где в итальянском языке соответствует звук «с». Некоторые из этих слов французские по происхождению, но они уже вошли в итальянский язык и хорошо знакомы носителям итальянского языка.

Остались две буквы, обозначающие два звука, которых нет в итальянском языке. При помощи **ч** и **ш** пытаемся объяснить **щ**. К сожалению, здесь нет возможности использовать романские заимствования.

И, наконец, последний звук **ж**. Для некоторых, знающих французский язык, это знакомый звук. Итальянцам можно сказать, что этому звуку нередко соответствуют сочетания **ge, gi**, например **жаргон-gergo, жанр-genere, желатин-gelatina, жест-gesto, жетон-gettone, жилет-gilet, журнал-giornale**.

Две последние буквы – твердый и мягкий знак. Здесь романские заимствования не могут ни в чем помочь. Но родной итальянский язык, да. По крайней мере, хотя бы мягкий знак, потому что в итальянском языке есть тоже мягкие согласные, например **n** (**montana-montagna**) или **l** (**gli-li**).

На такой основе работу можно и желательно продолжать на следующих этапах, особенно в области развития словарного запаса. Так, думается, следует обратить внимание на вопрос заимствований при переводе политических и коммерческих текстов, а также при обучении синхронному переводу.

Таким образом, опыт позволяет утверждать, что в преподавании русского языка итальянцам (и представителям других романских языков) важно избрать дидактическую стратегию максимальной активизации собственного языкового и культурного опыта студента. Именно это сокращает расстояние между родным и чужим языком, скрепляет два языковых сознания фонетическими и лексическими связями, помогает в освоении и «присвоении» чужого языка. Прделанная работа по изучению романских заимствований в русском языке (используя специальные работы статьи, монографии, также словари) позволяет найти реальную опору для осуществления такой стратегии. Заимствования как общий словарный фонд русского и романских языков не только обогатили русский язык, но и создают «фонд помощи» изучающим русский язык итальянцам.

ABSTRACT

Using Romance Languages as a Model for Teaching Russian at Introductory Level

This analysis exposes several issues related to teaching Russian to students whose native language is Italian. The discussion focuses on specific Romance languages paradigms that can be implemented to support and enhance introductory Russian language courses. Specifically, this article examines methods of teaching the alphabet and primary lexicon and presents effective applications of these innovative cross-cultural strategies.

Председателю Аксинии Красовски и членам Президиума
Румынской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы
РАПРЯЛ,
Оргкомитету научной конференции,
Участникам научной конференции

Глубокоуважаемые коллеги!
Дорогие друзья!

От всей души поздравляю Вас с юбилеем Кафедры русской филологии Бухарестского университета!

Желаю Вам много успехов на научной конференции, посвященной 60-летию Кафедры русской филологии, вдохновения, и дальнейших творческих успехов в Вашей благородной, интересной и важной работе! Пусть дальше процветает и растет румынская русистика!

Сесилия ОДЕ

*Член Президиума Международной Ассоциации Преподавателей
Русского Языка и Литературы (МАПРЯЛ), и*

*Член Президиума Международной Федерации Преподавателей
Современных Языков (ФИПЛВ)*

Амстердам, 12 ноября 2008

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ!

От имени Президиума МАПРЯЛ я рад приветствовать всех участников, гостей и организаторов юбилейной конференции, посвященной семидесятипятилетию изучения русского языка в Румынии и шестидесятилетию кафедры русского языка Бухарестского университета.

Как известно, в настоящее время происходят кардинальные изменения целей, условий и самого содержания преподавания русского языка как иностранного, что требует новых подходов к организации учебного процесса, созданию новых методик, программ и учебных материалов, отвечающих потребностям времени. Одновременно наблюдается своеобразный “бум” во всех областях русского филологического знания. Все это предполагает координацию усилий русистов в направлении совершенствования как преподавательской, так и научной деятельности.

В этом контексте настоящая конференция является определенным этапом в развитии не только румынской, но и всей мировой русистики.

Румынская русистика - это русистика с традициями и высокими достижениями. Работы румынских коллег свидетельствуют о высокой научной подготовке, оригинальности и углубленности их изысканий. Поэтому обязательно надо найти способ, чтобы румынская русистика стала более популярной среди русистов нашего сообщества.

Хочу заверить вас, что Президиум сделает все зависящее от него, чтобы русистика в Румынии развивалась и добивалась успехов в преподавании и изучении русского языка.

Насколько мне известно, русистов в Румынии, как и в Болгарии, на данном этапе не так уж много. Но может быть в этом и наша сила, потому что “... малые ручьи - писал Николай Константинович Рерих, - несут потоки свои в мощные реки”. По-моему, такие ручьи, как румынский, и делают реку мапряловского сообщества мощной и сильной.

Вашей кафедре шестьдесят лет – почтенный и мудрый возраст, очень подходящий для зрелой творческой деятельности.

Новых вам творческих свершений!

Уважаемые участники конференции!

Позвольте мне пожелать вам плодотворной работы, интересных встреч на данной конференции, успехов в дальнейшей работе.

Кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
русского языка Великотырновского
университета, член Президиума МАПРЯЛ,

Г. Н. Гочев

Славянский университет

Государственная аккредитация (Сертификат серия АУ № 000005)

Î UNIVERSITATEA SLAVONĂ
c/d 22247004981237
c/f 1002600006861
TVA -
MD-2068 Moldova
Chişinău, str. Florilor, 28/1
tel./fax 43-03-81

СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
p/c 22247004981237
ф/к 1002600006861
НДС -
МД-2068 Молдова
Кишинев, ул.Флорилор, 28/1
тел./факс 43-03-81

Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляем коллектив кафедры русской филологии Бухарестского университета с замечательной датой - 60-летием!

Ваш юбилей дорог всем, кто сеет разумное, доброе, вечное и для кого русский язык – это язык профессии, творческого самовыражения, интеллектуального и дружеского общения.

Всех нас, где бы мы ни жили, объединяет великая сила русского слова и глубины русской филологии. Для нас значимо, что среди всех других наук филология занимает особое место, потому что в названии нашей науки есть греческий корень *phileo* – «любовь».

Перефразируя Ф.М.Достоевского, мы можем утверждать: только любовь спасет мир. А филолог – профессия, позволяющая восполнить дефицит человечности и любви.

Теоретические и научно-методические задачи и достижения кафедры-юбилера особенно близки и интересны специалистам кафедры славянской филологии Славянского университета Республики Молдова, потому что нам приходится решать сходные задачи.

Мы уверены, что юбилейная научная конференция и все праздничные мероприятия пройдут в атмосфере увлекательного и конструктивного диалога.

Пусть общение будет продуктивным и откроет новые горизонты для исследований!

Желаем вашему университету и кафедре русской филологии дальнейшего развития, достижений в научно-исследовательской деятельности, талантливых и трудолюбивых студентов!

Ректор Славянского университета,
Председатель Ассоциации
работников славянских учреждений образования,
доктор наук, профессор

О.А.Бабенко

Член Президиума МАПРЯЛ,
вице – председатель МОПРЯЛ,
президент Славянского университета
доктор наук

Т.П.Млечко

Заведующий кафедрой
славянской филологии Славянского университета,
профессор

И.А.Ионова

Дорогие друзья и коллеги!

***Деканат
и профессорско-преподавательский
коллектив факультета русской филологии
Тульского государственного
педагогического университета
им. Л. Н. Толстого
от всей души поздравляет
коллектив кафедры русской филологии
Бухарестского университета
со знаменательной
и исторической датой —
60-летием
образования кафедры.***

***От всей души желаем
крепкого здоровья,
новых творческих успехов
на ниве просвещения.***

***Деканат
и профессорско-
преподавательский
коллектив
факультета
русской филологии***

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО

Ясная Поляна

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

*Ясная Поляна
31 октября 2008 года*

Дорогие коллеги – ценители русского языка! Позвольте сердечно поздравить Вас с началом работы Международной научной конференции, посвящённой 60-летию Кафедры русской филологии, и пожелать творческих успехов в Вашем благородном деле.

Мне представляется весьма символичным, что работа Вашей конференции совпала с празднованием 180-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, для которого красота языка заключалась не в «загогулинах и капризах», а в ясности и простоте. Для культового писателя «слово всегда было поступком». Ваша Научная конференция, посвящённая проблемам изучения русского языка в контексте современного мира – впечатляющий Поступок, призывающий к единению в мировом коммуникативном пространстве. Послание Льва Толстого в будущее услышано Вами, дорогие друзья!

Большой удачи желаю всем участникам конференции.

С уважением,

Директор Музея-усадьбы
Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

В.И.Толстой

Россия, 301214, Тульская обл., Щекинский р-н, п/о Ясная Поляна,
тел: (4872) 23-98-32, 23-91-18, тел./факс: (4872) 38-67-10, 38-67-09, e-mail: yaspol@tulana.net
Издательский отдел: тел. (4872) 39-31-96, e-mail: id@tolstoy.ru
Отдел туризма: тел./факс (4872) 39-35-99, e-mail: tour@tolstoy.ru

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА имени А.С. ПУШКИНА

117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6 Тел.: 335-08-00, 330-88-01, факс: 330-85-65, e-mail: inbox@pushkin.edu.ru

№ _____

Румыния, г. Бухарест
Бухарестский университет
Кафедра русской филологии
Зав. кафедрой, доценту, канд. фил. наук
Дане КОЖОКАРУ

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина приветствует проведение Международной научной конференции, посвященной 75-летию русистики в рамках Бухарестского университета и 60-летию Кафедры русской филологии Бухарестского университета. Мы сердечно поздравляем румынских русистов с двойным знаменательным юбилеем.

За эти годы Вами сделано многое. Подготовлена целая армия специалистов в области русской филологии: учителей и преподавателей, ученых и переводчиков. Они работают в школах и вузах Румынии, а также за ее рубежами. Написаны монографии и учебники, опубликованы научные статьи и учебные материалы. Неоднократно проводились научные (в том числе и международные конференции). Кафедра прочно занимает свое место в мировой русистике.

За последние сорок лет (годы существования нашего Института) отношения между кафедрой русской филологии Бухарестского университета и Государственным институтом русского языка им. А.С.Пушкина складывались по-разному. Были времена активного взаимодействия, которые сменялись периодами ослабления взаимных связей. Но мы всегда относились друг к другу с искренним уважением.

Мы высоко ценим и поддерживаем усилия Вашей кафедры, направленные на изучение русского языка и укрепление его позиций в Румынии. Богатый опыт, накопленный Вашей кафедрой в этой области, разнообразие научных интересов и

приоритетов, представленных на кафедре, позволяет верить в то, что впереди у нее большое и светлое будущее.

Надеемся, что в следующем шестидесятилетии отношения между нами станут более крепкими, а контакты более частыми. Новый импульс получат и обмен студентами, и создание совместных авторских коллективов. Мы всегда будем рады видеть русистов Бухарестского университета на факультете повышения квалификации Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина.

Примите наши искренние поздравления и пожелания дальнейших творческих успехов и плодотворной работы на благо нашего общего дела.

РЕКТОР

Ю.Е.ПРОХОРОВ,
доктор педагогических наук,
доктор филологических наук,
профессор

**Благодарим всех партнёров и спонсоров:
Mulțumim partenerilor și sponsorilor:**

A.P.L.L.R.R.

PROSPER-ASE
language centre

